

2022

Том 1, № 1

Vol 1, No.1

ISSN 2782-618X

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, №1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Учредитель – Институт нового
индустриального развития (ИНИР)
им. С.Ю. Витте

Founder – S. Y. Witte Institute
for New Industrial Development (INID)

Зарегистрировано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(*Свидетельство о регистрации средства
массовой информации
от 22.11.2021 г. ПИ № ФС77–82239*)

Registered by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Mass Media Registration Certificate PI
No. FS77–82239 of 22.11.2021)

Журнал является периодическим научным
изданием, выходящим 2 раза в год

The journal is a biannually issued periodic
scientific publication

Редакция журнала в обязательном
порядке осуществляет экспертную оценку
(рецензирование, научное и стилистическое
редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале

The editorial board without fail provides
expert assessment (peer review, scientific
and stylistic editing) to all content in the
journal

Официальный сайт Журнала:
noonomy-journal.ru

Official Journal website:
noonomy-journal.ru

Свободная цена

Free pricing

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается с письменного
разрешения редакции. Ссылка на журнал
«Ноономика и ноообщество.
Альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте»
обязательна

Materials included in this publication may be
reproduced in whole or in part with written
permission from the publishers, in which
case you are compelled to provide a citation
referencing the *Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte
INID journal*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БАХТИЗИН А. Р., д-р экон. наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

БРИГОС ХЕСУС ПАСТОР ГАРСИЯ, ведущий научный сотрудник Института Философии (Куба);

БУЗГАЛИН А. В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия);

ГЛАЗЬЕВ С. Ю., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Россия);

ГОРШКОВ М. К., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, директор Института социологии РАН (Россия);

ГРИНБЕРГ Р. С., д-р экон. наук, профессор, чл.- корр. РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Россия);

ГЭЛБРЕЙТ Дж. К., профессор государственного управления, заведующий подразделением государственных и бизнес-отношений, профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США);

ДЕСАИ Р., профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада);

ДЫНКИН А. А., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (Россия);

КВИНТ В. Л., д-р экон. наук, профессор, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия, США);

КОЛГАНОВ А. И., д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия);

ЛЭЙН Д., профессор колледжа Эммануэля Университета Кембриджа (Великобритания);

ЛЕМЕЩЕНКО П. С., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета (Беларусь);

МАКАРОВ В. Л., д-р физ.-мат. наук, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Россия);

МАКСИМЦЕВ И. А., д-р экон. наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Россия);

ОКРЕПИЛОВ В. В., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН (Россия);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, №1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

ОНИШИ ХИРОШИ, профессор Университета Кэйо, вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (IPPE) (Япония);

ПОРОХОВСКИЙ А. А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН (Россия);

ПОРФИРЬЕВ Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, член Президиума РАН, Руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия);

СИЛИН Я. П., д-р экон. наук, профессор, ректор Уральского государственного экономического университета (Россия);

СМИРНОВ А.В., д-р филос. наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь Отделения общественных наук РАН (Россия);

ТОЛКАЧЕВ С. А., д-р экон. наук, профессор, первый заместитель заведующего кафедрой макроэкономического прогнозирования и планирования Финансового университета при Правительстве РФ (Россия);

ТОЩЕНКО Ж. Т., д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института социологии РАН (Россия);

ФРИМАН А., визит-профессор Университета Лондон-Метрополитен (Великобритания);

ЧЕН ЭНЬФУ, президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPPE), главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, член Президиума Академического отделения Китайской академии общественных наук (КНР)

EDITORIAL COUNCIL

A.R. BAKHTIZIN, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of the RAS (Russia);

JESUS PASTOR GARCIA BRIGOS, lead researcher at the Institute of Philosophy (Cuba);

A.V. BUZGALIN, Doctor of Economics, Professor, Director of the Centre for Modern Marxist Studies, Faculty of Philosophy, Professor of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia);

S.Yu. GLAZIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Board (Minister) on Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission (Russia);

M.K. GORSHKOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

R.S. GRINBERG, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia);

J.K. GALBRAITH, Professor of Public Administration, Head of Government and Business Relations, Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas, Austin (USA);

R. DESAI, Professor, Director of the Geopolitical Economy Research Group at the University of Manitoba (Canada);

A.A. DYNKIN, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, President of the E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia);

V.L. KVINT, Doctor of Economics, Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics (Russia, USA);

A.I. KOLGANOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory for Comparative Studies of Socio-Economic Systems at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of Economics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

D. LANE, Professor, Emmanuel College, University of Cambridge (UK);

P.S. LEMESHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Head of the International Political Economy Department, Belarusian State University (Belarus);

V.L. MAKAROV, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Central Institute of Economics and Mathematics of Academician of the Russian Academy of Sciences (Russia);

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, №1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

I.A. MAKSIMTSEV, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics (Russia);

V.V. OKREPILOV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Regional Economy Problems of the Russian Academy of Sciences (Russia);

HIROSHI ONISHI, Professor at Keio University, Vice-President of the World Political Economy Association (IIPPE) (Japan);

A.A. POROKHOVSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Department of the Faculty of Economics at Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher at the Institute of the United States and Canada of the Russian Academy of Sciences (Russia);

B.N. PORFIRIEV, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Head of the Economics Section of the Social Sciences Department of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Ya.P. SILIN, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Ural State University of Economics (Russia);

A.V. SMIRNOV, Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Russia);

S.A. TOLKACHEV, Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia);

Zh.T. TOSHCHENKO, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia);

A. FREEMAN, Visiting Professor, University of London-Metropolitan (UK);

ENFU CHENG, President of the World Political Economy Association (WAPE), Principal Professor at the University of the Chinese Academy of Social Sciences, Member of the Presidium of the Academic Division of the Chinese Academy of Social Sciences (PRC)

编辑顾问委员会

巴赫季津 A. R.: 经济学博士, 俄罗斯科学院教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院中央经济与数学研究所所长。

布里戈斯·杰苏斯·帕斯托尔·加西亚: 哲学研究所主任研究员(古巴)。

布兹加林 A. V.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学哲学系当代马克思主义研究中心主任(俄罗斯); 莫斯科大学经济系政治经济学教研室教授(俄罗斯)。

格拉斯耶夫 S. Yu.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 欧亚经济委员会一体化和宏观经济委员会成员(部长)(俄罗斯)。

戈尔什科夫 M. K.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院社会学研究所所长(俄罗斯)。

格林别尔克 R. S.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院经济研究所学生导师(俄罗斯)。

伽尔布莱特 J. C.: 德克萨斯大学奥斯汀分校林登-约翰逊公共关系学院行政管理教授, 行政和商业事务部负责人(美国)。

德赛 R.: 教授, 马尼托巴大学地缘政治经济研究部主任(加拿大)。

德恩金 A. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院世界经济和国际关系国家研究所所长(俄罗斯)。

克文特 V. L.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院外籍院士, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室主任(俄罗斯、美国)。

科尔卡诺夫 A. I.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学经济系社会经济系统比较研究实验室主任, 俄罗斯科学院经济研究所首席研究员。

莱茵 D.: 剑桥大学伊曼纽尔学院教授, (英国)。

列梅辛科 P. S.: 经济学博士, 教授, 白俄罗斯国立大学国际政治经济系主任(白俄罗斯)。

马卡罗夫 V. L.: 物理数学博士, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院中央经济和数学研究所学生导师(俄罗斯)。

马克西姆采夫 I. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学校长(俄罗斯)。

奥克利比洛夫 V. V.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院区域经济问题研究所学生导师(俄罗斯)。

大西広: 庆应大学教授, 世界政治经济学协会(IIPPE)副主席(日本)。

波罗霍夫斯基 A. A.: 经济学博士, 教授, 莫斯科大学经济系政治经济学教研室主任, 俄罗斯科学院美国和加拿大研究所首席研究员(俄罗斯)。

波尔菲里列夫 B. N.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院主席团成员, 俄罗斯科学院社会科学部经济处处长, 俄罗斯科学院经济预测研究所学生导师(俄罗斯)。

希林 Ya. P.: 经济学博士, 教授, 乌拉尔国立经济大学校长(俄罗斯)。

斯米尔诺夫 A. V.: 哲学博士, 教授, 俄罗斯科学院院士, 俄罗斯科学院社会科学部院士、秘书(俄罗斯)。

托尔卡切夫 S. A.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯联邦政府金融大学宏观经济预测和规划教研室第一副主任(俄罗斯)。

托先科 Zh. T.: 经济科学博士, 教授, 俄罗斯科学院通讯院士, 俄罗斯科学院社会学研究所首席研究员(俄罗斯)。

弗里曼 A.: 伦敦大学都市分校客座教授(英国)。

陈恩富: 世界政治经济学会(WAPE)会长, 中国社会科学院大学首席教授, 中国社会科学院学部主席团成员(中国)。

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОДРУНОВ С.Д., главный редактор, д-р экон. наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов;

ВОЕЙКОВ М.И., д-р экон. наук, профессор, заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН;

ГОРОДЕЦКИЙ А.Е., д-р экон. наук, профессор, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики РАН;

ДОРОФЕЕВА Л.В., канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

ЗОЛОТАРЕВ А.А., канд. экон. наук, исполнительный директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

НОВИКОВА И.В., д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова;

ПЛОТНИКОВ В.А., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ПЬЯНКОВА С.Г., д-р экон. наук, академик РАН, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета;

СМАГИНА В.В., д-р экон. наук, профессор, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

ТКАЧЕНКО Е.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

ХАБИБУЛЛИНА З.Р., канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте;

ЧЭНЬ ХУН, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (КНР);

ЯКОВЛЕВА Н.Г., д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра экономической теории социального сектора Института экономики РАН, главный научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте.

EDITORIAL BOARD

S.D. BODRUNOV, Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development, President of the Free Economic Society of Russia, President of the International Union of Economists;

M.I. VOYEKOV, Doctor of Economics, Professor, Head of the Political Economy Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

A.E. GORODETSKY, Doctor of Economics, Professor, Head of the research area of “Institutes of modern economy and innovative development”, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences;

L.V. DOROFEEVA, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management of the Northwestern Institute of Management of RANEPa;

A.A. ZOLOTAREV, Candidate of Economic Sciences, Executive Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development;

I.V. NOVIKOVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic and Financial Strategy at the Lomonosov Moscow State University School of Economics;

V.A. PLOTNIKOV, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics;

S.G. PYANKOVA, Doctor of Economics, Academician of RAE, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management at the Ural State University of Economics;

V.V. SMAGINA, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector – Chief Scientific Secretary of Derzhavin Tambov State University;

E.A. TKACHENKO, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes at St. Petersburg State University of Economics;

Z.R. KHABIBULLINA, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development;

CHEN HONG, Deputy Director, Academic Director, Professor, Institute of Marxism, Hainan Normal University;

N.G. YAKOVLEVA, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher at the Centre for Social Sector Economic Theory at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development.

学刊编辑委员会成员

博德鲁诺夫 S. D.: 主编, 经济学博士, 教授, 新兴工业发展研究所所长, 俄罗斯自由经济协会会长, 国际经济学家联盟主席。

沃耶伊科夫 M. I.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所政治经济部主任。

戈罗杰茨基 A. E.: 经济学博士, 教授, 俄罗斯科学院经济研究所现代经济和创新制度学科主任。

达罗费耶娃 L. V.: 经济学副博士, 俄罗斯国民经济和公共管理学院西北管理学院行政和市政管理教研室副教授。

佐洛塔列夫 A. A.: 经济学副博士, 新兴工业发展研究所副所长。

诺维科娃 I. V.: 经济学博士, 副教授职称, 莫斯科大学经济学院经济和金融战略教研室教授。

波洛特尼科夫 V. A.: 副主编, 经济学博士, 圣彼得堡国立经济大学一般经济理论和经济思想史教研室教授。

波杨科娃 S. G.: 经济学博士, 俄罗斯自然科学学院院士, 乌拉尔国立经济大学区域、城市经济和管理教研室教授。

斯马金娜 V. V.: 经济学博士, 教授, 坦波夫国立大学副校长、首席科学秘书。

特卡钦科 E. A.: 经济学博士, 教授, 圣彼得堡国立经济大学企业和生产综合体经济与管理系教授。

哈比布里娜 Z. R.: 经济学副博士, 新工业发展研究所主任研究员。

陈红: 海南师范大学(中国)马克思主义学院副院长、学生导师、教授。

雅科弗列娃 N. G.: 经济学博士, 副教授, 俄罗斯科学院经济研究所社会部门经济理论中心主任研究员, 新兴工业发展研究所首席研究员。

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, №1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	13
------------------	----

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Бодрунов С.Д.

Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1	24
---	----

Глазьев С.Ю.

Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов	43
---	----

Колганов А.И.

Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики	65
--	----

Толкачев С.А., Тепляков А.Ю.

Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества	81
---	----

НООНОМИКА

Хубиев К.А.

О переходных формах «угасания» экономических отношений в теоретической модели ноономики	101
--	-----

Гэлбрейт Дж.К.

Ноономика, глобализация и пандемия	115
--	-----

Воейков М.И.

Эволюция государственного патернализма и ноономика	129
--	-----

Пороховский А.А.

Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики	136
--	-----

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Тощенко Ж.Т.

Новое социально-экономическое явление: прекариат	146
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Макаров В.Л., Бахтизин А.Р.

Рецензия на книгу В.Л. Квинта «Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к уложению»	162
--	-----

Ноономика: конференции	164
------------------------------	-----

Ноономика: образование	166
------------------------------	-----

Библиотека ноономики	168
----------------------------	-----

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, №1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.
Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

CONTENTS

To the Reader	13
---------------------	----

TECHNOLOGICAL REVOLUTION, INDUSTRIAL DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF SOCIETY

Bodrunov S.D.

Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 1.....	24
---	----

Glaziev S. Yu.

Noonomy as the Forming Linchpin for the New Technological and World Economic Order	43
---	----

Kolganov A. I.

Evolution of the Content of Human Activity and Changing the Economy Structure	65
--	----

Tolkachev S.A., Teplyakov A. Yu.

Concept of a Cyclical Sequence of Basic Technology Diffusion in the Economy and Ontological Conditioning of Theories of Industrial Society	81
---	----

NOONOMY

Khubiev K.A.

On the Transitional Forms of “Fading” Economic Relations in the Theoretical Model of Noonomy	101
---	-----

Galbraith J.K.

Nonomy, Globalisation and Pandemics.....	115
--	-----

Voyeikov M.I.

Evolution of State Paternalism and Noonomy	129
--	-----

Porokhovskiy A.A.

Human and Robot: Technologisation versus Humanisation of Noonomy	136
--	-----

GLOBAL TRANSFORMATION: PERSONAL DEVELOPMENT

Toshchenko Zh. T.

A New Socio-economic Phenomenon: The Precariat.....	146
---	-----

REVIEWS

Makarov V.L., Bakhtizin A.R.

Review of the book <i>Strategic Leadership of Amir Timur: Comments on the Charter</i> by V.L. Kvint	162
--	-----

Noonomy: Conferences	164
----------------------------	-----

Noonomy: Education	166
--------------------------	-----

Library of Noonomy	168
--------------------------	-----

目录

致读者	13
-----------	----

技术革命、工业发展和社会转型

博德鲁诺夫 S.D. 科学技术进步和社会转型:智力经济和智力社会(第一部分)	24
格拉斯耶夫 S.Yu. 智力经济是形成新的技术和世界经济秩序的核心	43
科尔加诺夫 A.I. 人类活动内容的演变和经济结构的变化	65
托尔卡切夫 S.A.、腾里亚科夫 A.Yu. 经济中基本技术普及的周期连续性概念和工业社会理论的本体制约性	81

智力经济

乎比耶夫 K.A. 智力经济理论模型中经济关系“消逝”的过渡形式	101
伽尔布莱特 J.K. 智力经济、全球化和大流行病	115
沃耶伊科夫 M.I. 国家家长主义演变与智力经济	129
波罗霍夫斯基 A.A. 人与机器人:智力经济的技术化VS人性化	136

全球转型:个人发展

托辛科 Zh.T. 新的社会经济现象:不稳定无产阶级	146
--	-----

书评

马卡罗夫 V.L.、巴赫季津 A.R. 对克温特 V.L. 所著《埃米尔·帖木儿的战略领导地位:法典注释》一书的评论	162
智力经济:代表大会	164
智力经济:教育	166
智力经济学丛书	168

К ЧИТАТЕЛЮ

*С. Д. Бодрунов,
главный редактор журнала*

Господствующая ныне неолиберальная модель капитализма практически вплотную подошла к критически опасной точке развития, до предела усугубив глобальные конфликты и риски современности, которые продолжают обостряться и множиться буквально с каждым днём. Масштаб проникновения этих противоречий в нашу жизнь столь очевиден, что не нуждается в дополнительной аргументации.

Для наглядной иллюстрации глубины их негативного воздействия на все без исключения сферы жизнедеятельности достаточно ограничиться простым перечислением ряда устоявшихся в повседневном быту событий и явлений, остро откликающихся в сердцах подавляющего большинства населения планеты. Прежде всего, это – чрезвычайная социальная несправедливость и неравенство, а также вытекающая из них поляризация общества, в свою очередь провоцирующая целый спектр взаимоувязанных между собой кризисных тенденций и последствий (бедность, неравенство в доступе к системе качественного образования, к услугам здравоохранения, к высокому стандарту качества жизни, глобальная экономическая эксплуатация, такое новое явление, как цифровое и технологическое неравенство и др.).

Очевидно одно – дальше так продолжаться не может.

Как глоток чистого воздуха, человечеству нужны перемены, новые ориентиры, новые смыслы, новое целеполагание. Мы вплотную подошли к критической цивилизационной развилке; сегодня ясно: либо человеку удастся найти новые способы и смыслы развития, снимающие остроту накопившихся проблем, либо, продолжая инерционное движение в русле старой парадигмы рыночного фундаментализма, мы неминуемо придем к социальной и экологической катастрофе.

Логика подсказывает, что критического переосмысления требует изживающая сама себя модель «фундаментальной» рыночной экономики. Это предполагает постепенное преодоление неоклассической повестки интерпретации экономической действительности, базирующейся исключительно на человеческом эгоизме. Это – как откровение: на смену рыночной рациональности, ограниченной принципом экономической выгоды на основе господства частных интересов, монополизации капитала, финансиализации экономики и фетишизации денег должна прийти новая концепция социо-эколого-гуманитарного развития человека в самом широком смысле этого слова.

Другой разумной альтернативы у нас попросту нет.

Исследования Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, работающего под методическим руководством Отделения общественных наук Российской академии наук, и его многочисленных российских и международных партнеров, предпринятые в последнее два десятилетия, показывают, что качественно новая стратегия перехода к будущему общественному устройству, соответствуя общепринятым критериям истинности и справедливости, должна быть построена на преимущественно неэкономическом

способе организации хозяйственных процессов с приоритетом удовлетворения системы несимулятивных потребностей людей, высшей ценностью и целью которой должно стать всестороннее развитие творческого потенциала человека, живущего в гармонии с самим собой, с обществом, другими людьми, с природой. В этом, собственно, и заключается основополагающая формула жизни – та генеральная линия цивилизационного развития, без уяснения основ которой будущее просто невозможно.

Глобальная трансформация общества, вызванная резким ускорением технологического прогресса, которую мы наблюдаем сегодня, ведет к существенным изменениям в экономике и общественном устройстве. Происходящие структурные изменения не только кардинальны и многоплановы, но и слабопредсказуемы, что вызывает закономерный интерес к изучению не только этих изменений, но и вызвавших их факторов. В этой связи резонно, что вопросы трансформации общества, инициированные научно-технологическим «всплеском» последних десятилетий, активно обсуждаются в экспертных кругах, вызывают интерес широкой научной общественности, значительного числа заинтересованных граждан. На многих авторитетных международных и национальных научных дискуссионных площадках (Международный Санкт-Петербургский экономический конгресс (СПЭК), международный Конгресс «Производство. Наука. Образование» (ПНО), Московский академический экономический форум (МАЭФ), Международная конференция Ассоциации по продвижению политической экономии (IPPE), Форум Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE) и др.) российским и международным научным сообществом поддержаны и активно исследуются выдвинутые и обоснованные ИНИР им. С.Ю. Витте концепция Нового индустриального общества второй генерации (НИО.2) и теория ноономики, породившие многочисленные публикации и вызвавшие заинтересованный отклик в различных российских и зарубежных научных изданиях.

Концепция НИО.2 и теория ноономики носят пионерный характер, это – не сумма застывших догматичных положений, а живое, развивающееся знание, в связи с чем они вызывают широкую и заинтересованную дискуссию, в ходе которой происходит генерация новых научных взглядов, формируется новое, учитывающее эмпирические факты последних десятилетий, не всегда вписывающиеся в парадигму традиционных объяснений, понимание дальнейших путей развития экономики и общества. По проблематике НИО.2 и ноономики в России и за рубежом проводятся научные форумы и конгрессы, научные семинары, читаются учебные курсы в магистратурах ряда российских университетов; литература по тематике ноономики издана в ряде зарубежных стран, где эти публикации встретили заинтересованный отклик.

Автор настоящих строк осознает свою личную ответственность за развитие предложенной теоретической разработки и возможное ее практическое будущее. Полагая, что именно на пути трансформации современной социально-экономической модели сначала в НИО.2, а затем в ноономику лежит траектория цивилизационного развития, и для того, чтобы эта траектория не осталась на страницах научных трактатов, а стала реальностью, автор совместно с творческим коллективом исследователей ИНИР им. С.Ю. Витте и другими учеными предпринимает в течение длительного времени усилия по социальному проектированию грядущего миропорядка на качественно новом уровне технологического и общественного развития.

Развитие нового знания всегда происходит нелинейно, противоречиво. Это соответствует самой сути нового, заранее неизвестного. Создание и развития концепции НИО.2 и теории ноономики – это не решение типовой «конструкторской задачи», это – генерация нового знания, представления о содержании и структуре которого пока еще только «прорисовываются». Поэтому вполне ожидаемо, что во многих изданиях, на научных конференциях вопросы теории ноономики, формирования на рассматриваемых ею фундаментальных процессах трендов цивилизационного развития отражены фрагментарно, что затрудняет дискуссию по данной теме и дальнейшее развитие идей НИО.2 и ноономики.

В связи с этим ИНИР им. С.Ю. Витте принял решение об организации выпуска специализированного журнала, тематикой которого станут вопросы, рассматриваемые концепцией НИО.2 и теорией ноономики, и в котором могли бы быть сконцентрированы в виде тезисов либо в полном воспроизведении статьи и материалы, публикуемые разрозненно многочисленными авторами в различных изданиях, пионерные и программные статьи по продвижению идей ноономики и формированию ноообщества, подборки материалов научных конференций, в которых содержатся новые научные представления по вопросам, относящимся к данной тематике, ученых и специалистов из разных сфер знания (экономики, философии, социологии, экологии и др.).

Результат наших усилий – рождение нового журнала «Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте», с первым выпуском которого читатель имеет возможность ознакомиться. Это, вдобавок, – своеобразный подарок творческого коллектива института к 20-летию создания ИНИР им. С.Ю. Витте.

Журнал ориентирует аудиторию на активное включение в сотворчество, в поиск принципиально новой модели глобального общественного устройства, на своевременную фиксацию и научную рефлексию только зарождающихся на практическом поле предвестников глобальных социально-экономических и технологических трансформаций, способных привести в жизнь не только элементы социализации современной модификации экономического мира, но и сформировать надежные предпосылки для качественного скачка вперед – к новому качеству жизни и новому способу производства.

Попытки обобщения и систематизации работ по проблематике НИО.2 и ноономики предпринимались нами и ранее. Так, уже в течение 6 лет ИНИР им. С.Ю. Витте выпускает ежегодник «Новое индустриальное общество второго поколения. Истоки. Реальность. Грядущее», концентрирующий значимые результаты исследований, проводившихся в течение предыдущего года. Но годовая периодичность приводит к запаздыванию в доведении новых идей до читательской аудитории. С другой стороны, материалы по этой проблематике регулярно публикуются в различных изданиях – например, в сборниках, выпускаемых по итогам Санкт-Петербургского экономического конгресса (СПЭК) – но здесь, в силу широты дискуссий на подобных научных конгрессах, проблематика НИО.2 и ноономики несколько «размывается», ноотематика не вычленяется из потока других материалов.

Именно эти обстоятельства привели нас к решению о необходимости создания специализированного научного журнала «Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте». Редколлегия журнала приглашает к научному диалогу и сотрудничеству самый широкий круг заинтересованных лиц (теоретиков, отраслевых практиков, представителей органов власти и широкую общественность). Мы видим наш журнал одной из ин-

теллектуальных площадок для продуктивного и конструктивного обсуждения самых сложных и дискуссионных проблем хозяйственной и социальной теории и практики, ответы на которые возможно получить лишь ценой совместных усилий, в дискуссиях представителей различных, нередко – противоположных, исследовательских позиций и взглядов.

Немаловажную роль в этом процессе, конечно же, играет историко-экономическая рефлексия. Поэтому страницы нашего журнала будут всегда открыты как для публикации свежих исследований и разработок, так и републикации тех работ, что наиболее интересны с точки зрения осмысления происходящих в современной хозяйственной практике событий и феноменов. В конечном счете, по нашему мнению, это позволит обеспечить комплексное движение в сторону обогащения передового научного знания моделями и компонентами, не нарушающими постулаты преемственности грядущего общественного развития. В этом, собственно, и заключается истинное предназначение настоящего исследователя, для которого ни страх перед новым, ни стереотипы и догмы не станут препятствием на пути к познанию.

Развить в науке, а тем более воплотить в жизнь новые модели цивилизационного развития весьма непросто. Сегодня фундаментальное научное знание нуждается в обогащении своего методологического ядра новыми подходами и инструментами всестороннего анализа протекающих в хозяйственной и социальной системе процессов. Преодоление инертности человеческого мышления требует подготовки твердой научной почвы для достоверной интерпретации и верификации наблюдаемых в мире изменений. В решении этой архиважной задачи, полагаем, создание новой дискуссионной площадки в виде научного журнала «Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте» может стать значимым подспорьем.

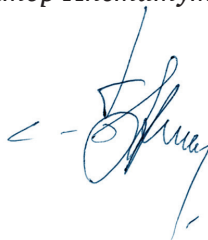
Журнал – в традициях дискуссий ИНИР им. С.Ю. Витте предназначен широкой международной аудитории, в связи с чем будет издаваться одновременно на русском, английском и китайском языках.

Мы открыты для дискуссий и приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных специалистов. Редакционный совет журнала, в состав которого вошли крупнейшие ученые сферы общественных наук из России и известные зарубежные специалисты, и редакционная коллегия, объединившая многих активных исследователей поднимаемых в журнале проблем, искренне надеются, что новое издание привлечет внимание научной общественности и будет полезным всем исследователям, которые интересуются современными проблемами социально-экономического пространства, находятся в поиске новых идей, обуславливающих перспективные направления цивилизационного развития.

С уважением,

Главный редактор, Директор Института нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

С.Д. Бодронов

*S. Bodrunov,
Editor in Chief*

TO THE READER

The current dominant neo-liberal model of capitalism has almost hit a critical juncture, exacerbating the global conflicts and risks of our time to the limit, which continue to escalate and multiply literally with each passing day. The extent to which these contradictions permeate our lives is so apparent that it requires no further elaboration.

To illustrate the depth of their negative impact on all spheres of life without exception, it is sufficient to simply list several routine events and phenomena that resonate keenly in the hearts of the vast majority of the world's population. These include, above all, extreme social injustice and inequalities and the resulting polarisation of society, which in turn triggers a range of interlinked crisis trends and consequences (poverty, inequalities in access to quality education, health services, a high standard of living, global economic exploitation, new phenomena such as digital and technological inequalities, etc.).

Clearly these tendencies – cannot be sustained any longer.

Humanity seeks change, new orientations, new meanings, new goals, all like a breath of fresh air. We stand at a critical civilisational crossroads; it is now evident that either humanity will find new ways and meanings for development that relieve the accumulated problems, or we will inevitably come to a social and ecological catastrophe if we continue the inertial movement in line with the old paradigm of market fundamentalism.

Logic suggests that the outmoded model of the «fundamental» market economy needs a critical rethink. This involves gradually overcoming the neoclassical agenda of interpreting economic reality based solely on human egoism. It is like a revelation: market rationality, limited to the principle of economic gain based on the dominance of private interests, the monopolisation of capital, the financialisation of the economy and the fetishisation of money must be replaced by a new conception of socio-environmental-human development in the broadest sense of the word.

We simply have no other reasonable alternative.

Undertaken in the last two decades research by the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (S.Y. Witte INID), working under the methodological guidance of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences and its numerous Russian and international partners indicate that a qualitatively new strategy of transition to a future social structure, complying with generally accepted criteria of truth and justice, should be built on a predominantly non-economic way of organising economic processes with the priority of satisfying the system of non-simulative needs of people, whose highest value and goal should be the all-round development of the creative potential of people living in harmony with themselves, with society, other people, with nature. This, in fact, is the fundamental formula for life – the general line of civilisational development, without understanding the basics of which the future is simply impossible.

The global transformation of society caused by the rapid acceleration of technological progress that we are witnessing today is leading to significant changes in the economy and the social fabric. The structural changes taking place are not only dramatic and multidimensional, but also

weakly predictable, leading to a legitimate interest in studying not only these changes, but also the factors that caused them. In this regard, it is reasonable that the issues of societal transformation initiated by the scientific and technological «surge» of the last decades are being actively discussed in expert circles, attracting the interest of a broad scientific community and a significant number of interested citizens. At many authoritative international and national scientific discussion platforms (International St. Petersburg Economic Congress, International Congress «Production.Science.Education», Moscow Academic Economic Forum, International Conference of the Association for the Promotion of Political Economy, World Political Economy Association Forum, etc.), the concept of the New Industrial Society of the second generation (NIS.2) and the theory of Noonomy put forward and substantiated by the S.Y. Witte INID and actively studied by the Russian and international scientific community, which gave rise to numerous publications and caused an interested response in various Russian and foreign scientific journals.

The concept of NIS.2 and the theory of Noonomy are pioneering in nature, they are not a sum of fixed dogmatic provisions, but a living, evolving knowledge, so that they generate a broad and engaged debate in which new scientific views are generated and new insights are formed, taking into account the empirical facts of recent decades, not always fitting into the paradigm of traditional explanations, to understand the future development of the economy and society. Scientific forums and congresses, scientific seminars are held in Russia and abroad, graduate courses are taught at a number of Russian universities on the issues of NIS.2 and Noonomy. Literature on Noonomy has been published in a number of foreign countries, where these publications have met with an interested response.

The author of these lines is aware of his personal responsibility for the unfolding of the proposed theoretical development and its possible practical future. Assuming that it is transforming the modern socio-economic model first into NIS.2 and then into Noonomy forms the trajectory of civilisational development, and for this trajectory not to remain on the pages of scientific treatises, but to become reality, the author together with the creative team of the S.Y. Witte INID researchers and other scientists have been making efforts for a protracted period to socially design the coming world order at a qualitatively new level of technological and social development.

The development of new knowledge is always non-linear and contradictory. This corresponds to the very essence of the new, the unknown beforehand. The creation and development of the NIS.2 concept and the theory of Noonomy is not a solution to a typical «design problem»; it is the generation of new knowledge, the ideas about the content and structure of which are still only «drawing out». Therefore, it is quite expected that in many publications and at scientific conferences the issues of the theory of Noonomy, the formation of civilisational development trends on the fundamental processes it considers are reflected fragmentarily, which complicates the discussion of this topic and the further development of the ideas of NIS.2 and Noonomy.

In this connection, the S.Y. Witte INID decided to organise a specialised journal, the subject matter of which would be the issues addressed by the concept of NIS.2 and the theory of Noonomy, and which could concentrate in the form of abstracts or full reproduction articles and materials, published separately by numerous authors in various editions, pioneering and programme articles on the promotion of Noonomy ideas and formation of a noosociety, selected scientific conference proceedings containing new scientific insights into issues relevant to the topic by scientists and specialists from various fields of knowledge (economics, philosophy, sociology, ecology, etc.).

The result of our efforts is the birth of the new journal *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works by the S. Y. Witte INID*, the first issue of which the reader has the opportunity to acquaint himself with. It is also a gift from the Institute's creative team on the 20th anniversary of the S. Y. Witte INID.

The journal guides its readers to be actively involved in the search for a fundamentally new model of global society, to timely fixate and scientifically reflect on the precursors of global socio-economic and technological transformations that are only emerging in the practical field and are able to bring to life not only the socialisation elements of the modern modification of the economic world, but also to form reliable preconditions for a qualitative leap forward - to a new quality of life and a new mode of production.

Attempts to summarise and systematise work on NIS.2 and Noonomy have been made in the earlier period as well. For example, for six years now, the S. Y. Witte INID has been publishing a yearbook entitled *New Industrial Society of the Second Generation. Origins. Reality. To Come*, which concentrates significant research findings from the previous year. But the annual frequency leads to a lag in communicating new ideas to the readership. On the other hand, materials on these issues are regularly published in various publications – for example, in the Proceedings of the St. Petersburg Economic Congress – but here, due to the breadth of discussion at such scientific congresses, the issues of NIS.2 and Noonomy are somewhat «blurred», noo-thematics is not distinguished from the flow of other materials.

It is these circumstances that led us to the decision to create a specialised academic journal, *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works by the S. Y. Witte INID*. The editorial board of the journal invites a wide range of stakeholders (theorists, industry practitioners, government representatives and the general public) to engage in scientific dialogue and co-operation. We see our journal as one of the intellectual venues for productive and constructive discussion of the most complex and debatable problems of economic and social theory and practice, the answers to which can only be obtained through joint efforts, in discussions of representatives of different, often opposing, research positions and views.

Of course, historical economic reflection plays an important role in this process. Therefore, the pages of our journal will always be open for the publication of fresh research and developments as well as republishing those papers that are most interesting in terms of understanding the events and phenomena taking place in contemporary economic practice. Ultimately, in our view, this will ensure a comprehensive movement towards the enrichment of advanced scientific knowledge with models and components that do not violate the continuity postulates of the coming social development. This, in fact, is the genuine purpose of the true researcher, for whom neither fear of the new nor stereotypes and dogmas will be an obstacle to knowledge.

It is not easy to develop in science, let alone implement new models of civilizational development. Today, fundamental scientific knowledge needs to enrich its methodological core with new approaches and tools for comprehensive analysis of the processes taking place in the economic and social system. Overcoming the inertia of human thinking requires the preparation of solid scientific ground for reliable interpretation and verification of changes observed in the world. We believe that the creation of a new discussion platform in the form of a scientific journal *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works by the S. Y. Witte INID* can be a significant help in solving this crucial problem.

The journal – in the tradition of the S. Y. Witte INID – is intended for a wide international audience and will be published simultaneously in Russian, English, and Chinese.

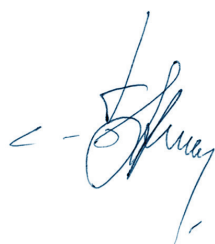
We are open to discussions and invite all interested professionals to cooperate. The editorial board of the journal, which includes major social scientists from Russia and well-known foreign specialists, and the editorial board, which brings together many active researchers of the problems raised in the journal, sincerely hope that the new edition will attract the attention of the scientific community and will be useful to all researchers who are interested in modern problems of socio-economic space and are in search of new ideas that determine the promising directions of civilisational development.

Best regards,

Editor in Chief, Director of the S. Y. Witte Institute for New Industrial Development

(S. Y. Witte INID)

S. D. Bodrunov

致读者

博德鲁诺夫 S. D.,
总编辑

当今占统治地位的资本主义新自由主义模式几乎发展到了极其危险的时刻,使当前的全球冲突和风险加剧到了极限,而这些冲突和风险每天都在扩大和尖锐化。这些矛盾渗透到我们的生活中的程度如此显而易见,以至于无需论证。

为了直观地说明这些矛盾对所有生活领域的无一例外的负面影响的深刻程度,只需列出日常生活中一些长期存在的事实和现象就足够了,这些事实和现象在世界绝大多数人的心中产生了强烈的反响。首先是极端的社会不公正和不平等,以及由此产生的社会两极化,同时社会两极化又在引发一系列相互关联的危机趋势和后果(贫困,在获得优质教育、医疗服务、高标准生活方面的不平等,全球经济剥削,数字和技术不平等及其他新现象)。

很明显的一点,就是不能再这样下去了。

就像呼吸新鲜空气,人类需要世界的改变,需要新的方向,新的意义和新的目标。我们已经非常接近文明发展的关键岔路口:现在很清楚,要么人类找到新的发展方式和理性,以缓解所积累问题的尖锐化;要么继续在市场基础主义的旧模式中的惯性运动,我们将不可避免地走向社会和生态灾难。

发展的逻辑性表明,需要对过时的市场“基础”经济模式进行批判性反思。这意味着要逐步克服对经济活动的新古典主义的解释方法——完全基于人类利己主义。这启示我们:以个人利益、资本垄断、经济金融化和金钱崇拜占据基础地位的经济利润原则的市场合理性,必须被一个最广泛意义上的人类社会-生态-人文发展的新概念所取代。

我们根本没有其他的理性选择。

新兴工业发展研究所在俄罗斯科学院社会科学部的在学术方面的指导下开展的研究及其众多俄罗斯本国和国际合作伙伴在过去20年间所进行的研究表明,向未来的与普遍接受的真理和正义标准相符合的社会结构过渡的全新战略,应建立在以非经济方式组织经济过程的基础上,优先满足人们的非虚假需求,其最高价值和目标应是充分发展与自己、社会、他人、自然和谐相处的人的创造潜力。事实上,这是生活的基本准则,即文明发展的总路线。没有对其基础的理解,就根本不可能有未来。

我们今天所看到的由技术进步的骤然加速所引发的全球社会转型正在带来经济和社会结构的重大变革。正在进行的结构性变化不仅是根本性的和多层面的,而且是很难预测的,这就必然引起人们对研究这些变化以及引起这些变化的因素的兴趣。因此,由近几十年来的科技“大潮”引发的社会转型问题在专家界得到了积极讨论,也引起了广大科学界人士、大量民众的兴趣。许多权威的国际和国内科学讨论平台(圣彼得堡国际经济大会、国际生产科学教育大会、莫斯科学术经济论坛、政治经济促进联合会国际大会、世界政治经济学协会论坛等)积极研究得到了俄罗斯和国际科学界支持的由新兴工业发展研究所提出并论证的第二代新工业社会(NIS.2)的概念和智力经济学理论,催生了许多相关出版物,也引起俄罗斯和国外的多种科学出版物的反响。

NIS.2概念和智力经济理论具有先锋性,它们不是僵化教条的集合,而是活生生的、发展中的知识,因此它们引发了广泛而令人感兴趣的讨论,在讨论过程中产生了新的科学观点,形成了对经济和社会进一步发展的新认识,新认识考虑到近几十年的不总是符合传统解释范式的经验事实。关于NIS.2和智力经济问题,在俄罗斯和国外经常举办科学论坛和代表大

会、科学研讨会,在俄罗斯一些大学的硕士课程中讲授,在一些国家出版了关于智力经济的文献,在那里这些出版物得到了令人感兴趣的回应。

本文作者意识到自己有义务对所提出理论的发展及其可能的实践前景展开研究。他认为,文明发展的轨迹,是现代社会经济模式首先转变为NIS.2,然后转变为智力经济。为了使这一轨迹不只是停留在科学论文纸面上,而是成为现实,作者与新兴经济发展研究所的创造性研究团队和其他科学家一起,在技术和社会发展的本质性新水平上为未来世界秩序的社会规划进行了长期努力。

新知识的发展路径总是非线性的,存在矛盾的。这与其新的先前未知的本质相对应。NIS.2概念和智力经济理论的创建和发展不是解决一个典型性的«规划问题»,而是新知识的产生,是关于其仍处于«描绘轮廓»阶段的内容和结构的构想。因此,可以预料的是,在许多出版物中,在科学会议上,关于智力经济的理论问题以及在其所研究的基本过程中文明发展趋势的形成,都只能是被零散地反映出来,这增加了讨论这个课题的难度,进而影响到NIS.2和智力经济思想进一步发展。

鉴于此,新兴工业发展研究所决定创办一份专门的期刊,其主题是NIS.2概念和智力经济理论所研究的问题,期刊将以摘要或全文转载的形式收集众多作者在各种出版物上零散地发表的文章和材料,收集宣传智力经济思想和关于智力经济形成的先进文章和社评文章,选登与该主题相关的来自各知识领域(经济学、哲学、社会学、生态学等)的科学家和专家的包含新科学思想的科学会议材料。

我们努力的结果是新学刊《新兴工业发展研究所学术文选·智力经济和智力社会》的诞生。第一期现已向读者开放。此外,这也是该所创造团队献给新兴工业发展研究所成立20周年的生日礼物。

该学刊引导读者积极参与共同创造和寻找全球社会结构新模式,引导读者及时纪录并科学地反思正在现实中发生的全球社会经济和技术变革的先兆,这些变革不仅能够使现代经济世界改造的社会化要素得以转化为实践,而且能够形成质的飞跃的可靠前提条件,即实现向生活的新的质和新的生产方式的飞跃。

我们以前曾试图总结和系统化关于NIS.2和智力经济问题的著述。例如,在过去的六年里,新兴工业发展研究所一直在出版一份题为《第二代新工业社会·源头、现实与未来》的年鉴,年鉴汇集了前一年的重要研究成果。但每年一期的周期性导致向读者传递新思想的滞后。另一方面,关于这些问题的材料经常发表在各种出版物上,例如圣彼得堡经济大会文集中,但由于这种科学大会的议题非常广泛,关于NIS.2和智力经济的议题有些«模糊»,智力议题没有被从大量材料中单列出来。

正是这些情况促使我们决定创办一份专题科学期刊《新兴工业发展研究所学术文选·智力经济和智力社会》。学刊的编辑部诚邀最广泛的各领域的有关人士(理论家、行业实践家、政府人员和普通公众)进行科学对话与合作。我们相信,我们的期刊是对经济、社会理论与实践中最复杂和最有争议的问题进行富有成效和建设性讨论的思想平台之一,这些问题答案只有通过共同努力,在持有不同的、甚至是对立的立场和观点的人之间的讨论中才能获得。

当然,历史和经济反思在这个过程中发挥着重要作用。因此,我们学刊的页面将始终对新的研究和成果开放,并重新刊登那些从理解现代经济实践中发生的事件和现象的角度来看最有意义的作品。最终,我们希望看到,这能够确保用不违反未来社会发展连续性基准的模式和组分来全面地丰富先进的科学知识。事实上,这才是真正的研究者的真正使命,对他们来说,不管是对新事物的恐惧,还是陈规教条都不会成为认识事物之路上的障碍。

科学的发展是艰难的,更不用说将新的文明发展模式付诸实践。今天,基础科学知识需要用新的全面分析经济和社会进程的方法和工具来充实其核心方法论。要克服人类思维的惯

性,就必须为可靠地解释和验证观察到的世界变化建立坚实的科学基础。我们相信,在解决这一极其重要任务方面,科学期刊《新兴工业发展研究所学术文选·智力经济和智力社会》将是一个新的讨论平台,可以发挥重要的推动作用。

该期刊将秉承新兴工业发展研究所的学术传统,面向广泛的国际读者,因此将以俄文、英文和中文同时出版。

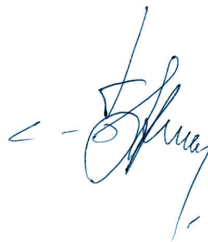
我们对讨论持开放态度,诚邀所有感兴趣的专家与我们合作。由俄罗斯主要社会科学家和国外知名专家组成的学刊编辑顾问委员会,以及联合许多积极研究学刊课题学者的编辑委员会,真诚地希望新出版物能够获得科学界的广泛关注,并对所有对现代社会经济存在的问题感兴趣和正在探索影响文明发展方向的新思想的研究人员起到帮助作用。

此致

总编辑

新兴工业发展研究所所长

博德鲁诺夫 S.D.

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42

С.Д. Бодрунов

Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте (Санкт-Петербург, РФ)

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО. Часть 1¹

Аннотация: теория ноономики, опираясь на исследование современных трендов технологического и социально-экономического развития, позволяет выделить причины тех противоречий, с которыми сталкивается современная цивилизация – противоречий экономических, социальных, экологических, нравственных. Однако ноономика не только вскрывает подоплеку этих противоречий, но и показывает зреющие объективные возможности выхода из этих противоречий, преодоления цивилизационных тупиков, выбора пути на цивилизационных развилках. Возможности, создаваемые современной технологией, создают перспективу смены парадигмы собственности и перехода от экономики к ноономике, что означает отказ от экономической рациональности, ведущей к безудержной погоне за наращиванием производства и потребления. Место экономической рациональности занимает рациональность, основанная на критериях знания и культуры. Однако такой переход от экономики к ноономике должен опираться на изменение всей совокупности общественных отношений, и ноономика может укрепиться только в рамках целостной системы ноообщества. Сам характер общественных отношений и общественных связей людей, характер социализации человека и социализации общества будет ориентировать общественное развитие на эти новые критерии. Идеальным ориентиром такого переформатирования общества может выступать идеология солидаризма, вырастающая из формирующихся возможностей преодолеть рознь социально-экономических интересов людей, основанную на борьбе за материальные ресурсы.

Ключевые слова: ноономика, ноообщество, цивилизация, потребности, знания, планирование, культура, социализация, солидаризм.

Для цитирования: Бодрунов С.Д. (2022). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.

Дата поступления статьи: 18 декабря 2021 г.

¹ Данная статья основана на предыдущих публикациях автора, прежде всего [Бодрунов, 2021].

Sergey D. Bodrunov

S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (Saint Petersburg, Russia)

SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS AND TRANSFORMATION OF SOCIETY: NOONOMY AND NOOSOCIETY. PART 1

Abstract: the theory of Noonomy, based on the study of modern trends in technological and socio-economic development, allows us to identify the causes of the contradictions that modern civilization faces – economic, social, environmental, moral contradictions. However, noonomy not only reveals the background of these contradictions, but also shows the maturing objective possibilities of getting out of these contradictions, overcoming civilizational dead ends, choosing a path at civilizational forks. The opportunities created by modern technology create the prospect of a transition from economics to noonomy, which means abandoning economic rationality, leading to an unrestrained pursuit of increasing production and consumption. The place of economic rationality is occupied by rationality based on the criteria of knowledge and culture. However, such a transition from economics to noonomy should be based on a change in the totality of social relations, and noonomy can be strengthened only within the framework of an integral system of the noosociety. The very nature of public relations and public relations of people, the nature of human socialization and socialization of society will orient social development to these new criteria. The ideological orientation of such a reformatting of society can be the ideology of solidarity, which grows out of the emerging opportunities to overcome the discord of socio-economic interests of people based on the struggle for material resources.

Keywords: noonomy, noosociety, civilization, needs, knowledge, planning, culture, socialization, solidarity.

For citation: Bodrunov S.D. (2022). Scientific and technological progress and transformation of society: noonomy and noosociety. Part 1. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42:

Received December 18, 2021

博德鲁诺夫 S. D.

新兴工业发展研究所, 俄罗斯圣彼得堡

科学技术进步和社会转型:智力经济和智力社会(第一部分)

摘要:基于对当前技术和社会经济发展趋势的研究,运用智力经济学理论我们能够确定产生现代文明所面临的矛盾的原因,包括经济、社会、环境和道德方面的矛盾。智力经济学不仅揭示了这些矛盾的背景,而且还显示出克服这些矛盾、走出文明死胡同、在文明发展的十字路口选择正确道路的客观可能性,这种可能性正走向成熟。现代技术为所有权范式变化以及从传统经济到智力经济的过渡带来了机会和前景,这意味着摆脱对经济合理性的追求——这种追求导致无限制地增加生产和消费,经济合理性被基于知识和文化标准的合理性所取代。但这种从传统经济到智力经济的过渡依赖于整个社会关系的变化,而智力经济只有在智力社会的完整体系中才能得以巩固。人们的社会关系和社会联系的性质、人的社会化和社会的社会化

的性质决定社会发展将面向这些新的知识和文化标准。随着人们对基于物质资源争夺的人们之间社会经济利益不和谐的克服, 团结主义的意识形态将成为这种社会重塑进程的指导思想。

关键词: 智力经济、智力社会、文明、需求、知识、计划、文化、社会化、团结主义。

引文注释: 博德鲁诺夫 S. D. (2022). 科学技术进步和社会转型: 智力经济和智力社会. 第一部分// 智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 24–42. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42.

文章已收到 2021 年 12 月 18 日

Введение. Цивилизация перед кризисом

Сегодня мы наблюдаем несомненные признаки нарастания кризиса человеческой цивилизации. Все элементы этой цивилизации – ее экономическая система, социальная структура, основополагающие характеристики бытия современного человека – испытывают глубокую эрозию.

Те производственные отношения и экономические институты, на которые опирается наша производственная деятельность, порождают все больше сомнений в своей способности обеспечивать в перспективе стабильное развитие человеческого общества. И в первую очередь это касается механизмов рыночного саморегулирования. Пресловутая «невидимая рука» рынка продолжает указывать направление движения – в сторону разгула финансовых спекуляций, расшатывающего стабильность самой рыночной системы, и продолжающегося хищнического поглощения ресурсов вместо пути гармоничного развития человеческой личности и преодоления застарелых социальных пороков. Как отмечает академик РАН Б.Н. Порфирьев, «В условиях ухудшения качества природного, производственного и человеческого капиталов, составляющих материальную базу финансового капитала, и углубления разрыва между ними существенно возрастут риски новых финансовых пузырей, масштабных и глубоких кризисов» [Порфирьев, 2016, с. 13].

В мире нарастает социальная поляризация, а институты политической демократии нацелены в большей мере на политическое манипулирование электоратом, нежели на выявление действительных социальных чаяний людей. Политические и идеологические технологии, опираясь на технологии информационно-цифровые и на возрастающие возможности средств массовой информации воздействовать на сознание людей, пускаются в ход не в интересах прогресса, а для того, чтобы избежать решения назревших проблем и при этом сохранить свой политический статус.

Международные социально-экономические отношения (то, что профессор из Канады Радика Десаи назвала геополитэкономией [Desai, 2013]) также переживают период нарастающей турбулентности. Обостряющаяся борьба за глобальную гегемонию сталкивается с набирающей силу тенденцией к деглобализации, «убийство» национальных государств транснациональным капиталом сталкивается с усилением тенденций суверенизации, претензии одних государств на национальную исключительность встречают сопротивление других, отстаивающих свои национальные интересы. Все это приводит к глубоким переменам в геополитэкономической конфигурации мира, последствия которых трудно предсказуемы, но, очевидно, не способствуют стабилизации цивилизационного развития и упреждению драматических кризисных поворотов.

Наиболее тревожно то, что все эти процессы имеют своим результатом разрушение нравственного и духовного здоровья людей. Одновременно утрате культурно-нравственных ориентиров пытаются подыскать едва ли не оправдание в отказе от «больших нарративов» (т.е., по существу, от целостного видения реальности с определенных позиций), в объявлении сомнительными критериев Истины, Прогресса, Добра, Красоты. В условиях сохранения нынешней экономической парадигмы развития прогресс технологий ведет и к усилению возможностей «фейкетизации» реальности вплоть до полной подмены реальности фейками и иллюзиями.

Видимых признаков нарастающего кризиса можно обнаружить множество и в экономике. За последние пятнадцать лет мы переживаем уже второй разрушительный финансово-экономический кризис. И эти кризисы заметно глубже, чем те, что мировая экономика переживала в последней четверти XX века. Можно, конечно, кризис 2020 г. списать на пандемию COVID-19, но реальность заключается в том, что и спад в экономике, и обвал фондового рынка ожидалось экономистами уже с 2018 г., а к началу 2020 г. признаки надвигающегося кризиса стали уже совершенно явными. Пандемия стала лишь спусковым крючком для кризиса и фактором, существенно модифицировавшим его, но не его причиной. Такой спусковой крючок обязательно должен был появиться – не этот, так другой. Если воспользоваться образом Нассима Талеба о «черном лебеде» [Taleb, 2007] (неожиданном событии, меняющем сложившуюся ситуацию), то в развитии экономики и общества наступают такие периоды, когда «черный лебедь» должен прилететь обязательно. А уж в каком обличье он предстанет – вопрос второстепенный.

Основные результаты и обсуждения:

Часть I. Смена парадигмы цивилизационного развития

Изменить модель развития

Мы уже давно обращали внимание на искаженный характер нынешней модели человеческого развития. В этой модели гипертрофированное значение приобретают рыночные критерии, на которых строится не только экономика. Рыночный подход навязывается всем сферам жизни общества, все проявления этой жизни начинают измеряться коммерческой меркой – творческий дух культуры и искусства, забота о воспитании и образовании, борьба за здоровье человека, пылливость научного ума, правовая защита и т.д.

Экономические отношения охватывают сферу производства, которая является основополагающей сферой человеческого общества, создающей материальные основы человеческого существования.

Но значит ли это, что экономика вправе претендовать на перенесение принципов экономических отношений на все остальные сферы жизни общества? Ведь подобный подход ставит во главу угла экономические и, в первую очередь, финансовые результаты даже там, где коммерциализация прямо противопоказана. В результате она становится средством сегрегации людей в доступе к общезначимым социальным благам, привнося конкуренцию туда, где она служит не борьбе за эффективность, а нарастанию социальной розни, деформирующей сознание людей, их ценностные и культурные установки. На этот факт обращает внимание наш американский коллега Джеймс К. Гэлбрейт: «Финансовая контрреволюция опрокинула десятилетия индустриализации развития во всем мире, вынудив большую часть мира к новой зависимости от американского рынка как единственного надежного

источника глобальной покупательной способности и финансовой самообороны»¹ [Galbraith, 2019, p. 211].

Остроту противоречий, которые накапливаются на современном этапе развития человеческой цивилизации, отмечают уже давно. Стратегически мыслящие общественные деятели, ученые и политики уже в 1990-е годы достигли согласия относительно необходимости решения целого ряда неотложных проблем, нарастание которых создает нешуточные угрозы. В результате в 2000-м году была принята известная «Декларация тысячелетия», где были сформулированы цели, касающиеся социального развития и искоренения нищеты, а также охраны окружающей среды [Декларация, 2000]. После частичной реализации целей этой программы в 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила резолюцию, где были сформулированы 17 целей устойчивого развития [Преобразование нашего мира ..., 2015].

Однако правильная постановка целей и понимание необходимых путей их достижения возможны только при научно выверенном исследовании причин тех проблем, с которыми сталкивается наша цивилизация.

Невозможно решить эти вопросы на поле становящихся уже архаично-тривиальными, если не смехотворными словопрений о том, лежат ли нынешние проблемы в области чрезмерного вмешательства в механизмы рыночного саморегулирования, как это полагают экономисты-неолибералы, или, напротив, ключ к решению проблем лежит в развитии и совершенствовании механизмов государственного регулирования экономики, к чему склоняются различные течения кейнсианства и некоторых других гетеродоксальных теорий.

Этот спор мог быть актуален 50-80 лет назад; лишь в какой-то мере он может оставаться в исследовательском поле зрения и сегодня. Но сейчас этого мало, потому что за прошедшие десятилетия под воздействием прогресса постижения знаний и развития технологий, мир – не слишком сильно будет сказано – принципиально изменился и продолжает стремительно меняться. Неся не только «радости», но и проблемы, многие из которых могут стать фатальными для человеческой цивилизации. И чтобы перед лицом нарастающих угроз и обостряющихся противоречий получить правильные ответы, надо начать задавать другие вопросы.

Прежде всего, надо согласиться с тем, что в первую очередь нам нужен ответ не на вопрос о том, какой модели капитализма – более либеральной или более регулируемой – следует придерживаться. Более того, вопрос о том, а не исчерпал ли вообще капитализм свой потенциал развития, уже тоже не является главным.

На самом деле мы стоим перед гораздо более фундаментальным вопросом – а не являемся ли мы свидетелями исчерпанности всей прежней парадигмы развития человеческой цивилизации, основанной на принципах экономического общества?

Многое указывает на это. И следование этой парадигме развития чревато уже не просто акселерацией упомянутых проблем, но и вполне реальной катастрофой.

Однако, мы полагаем, не стоит вдаваться в алармизм. Человек вовсе не является безудержным разрушителем всего и вся, включая самого себя. Он способен и осмысливать стоящие перед ним проблемы, и практически преодолевать их, двигаясь при этом вперед, на-

¹ «The financial counterrevolution overthrew decades of developmental industrialization around the world, forcing much of the world into a new dependency on the American market as the one sure source of global purchasing power and financial self-defense» (перевод с англ. Автора).

завтра выходя за пределы возможностей, достигнутых сегодня. Поэтому ключ к решению проблем назревающего кризиса цивилизации лежит и в плоскости изучения и понимания этого кризиса, и в плоскости нахождения идей и практических решений, основанных как на таком понимании, так и на осознании наших собственных возможностей.

Современному обществу остро нужны социально ответственные и теоретически обоснованные решения. Это тем более необходимо в связи с тем, что наша цивилизация приближается к точке выбора: либо мы перейдем черту, за которой угроза существованию цивилизации станет необратимой (будет ли это экологическая катастрофа или применение оружия массового поражения, или деградация человека вследствие его неразумного вмешательства в собственную природу и др.), либо мы найдем возможности преодоления нарастающего цивилизационного кризиса и выйдем на качественно новый этап развития. И эта точка «перелома», «бифуркации» обусловлена тем уровнем технологического могущества, которое достигнуто сейчас человечеством (впервые в истории развития цивилизации!), позволяющего при неразумном использовании этого могущества уничтожить самого себя.

Пока что эти возможности не раскрыты ни неоклассической экономической теорией, ни марксистской политической экономией, несмотря на все их попытки найти теоретические ответы на самые острые проблемы современности. Другие общественные науки также не особенно преуспели в этом направлении. На практике реакция ученых и общественных деятелей часто сводится к усилению внимания к социальным, гуманитарным и экологическим проблемам, не затрагивая, однако, фундаментальных причин этих проблем. Это видно хотя бы по тем же идеям «устойчивого развития», которые легли в основу решений ООН.

Но сформировать качественно новые возможности преодоления цивилизационного кризиса невозможно без перехода к качественно новому состоянию общества. Путь перехода к такому новому качественному состоянию, как и его собственная определенность, были обрисованы в наших разработках, которые ведутся в течение многих лет. Это – путь через Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2) к нооэкономике.

Теория нооэкономики, созданная автором этих строк и многие годы обсуждаемая на научных семинарах Санкт-Петербургского Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, стала логичным продолжением длительного цикла авторских исследований по проблемам технологического прогресса, в том числе в наукоемких отраслях промышленности, информатизации общества, интеллектуальной собственности и др. (1995–2010 гг.), реиндустриализации экономики, тенденций развития индустриального производства [Бодрунов 2013а; 2016b] и его влияния на общественное устройство. За последнее время появилось немало авторских публикаций на эти темы, излагающих полученные результаты [Бодрунов, 2017а; 2018b; 2018с] и др., которые детально раскрывают теоретические аспекты предложенной концепции.

Эти результаты на регулярной основе представлялись также в публикациях материалов ИНИР им. С.Ю. Витте, посвященных тем или иным частным аспектам теории нооэкономики [Новое индустриальное общество ..., 2019]¹.

Идеи и различные элементы этой концепции продолжают отрабатываться в статьях, на семинарах, на научных коллоквиумах ИНИР им. С.Ю. Витте с участием его партнеров из

¹ См. также аналогичные сборники: IV-й том, 2020 г., V-й том, 2021 г.

Российской академии наук и зарубежных коллег, на различных конференциях и конгрессах. Кроме этого, уже после выхода основных авторских трудов по новому индустриальному обществу второго поколения и по ноономике, прошли многочисленные дискуссии и многократные обсуждения предложенной автором теории в различных университетах, на диссертационных советах, в разных экспертных сообществах, в том числе и международных, в учебных лабораториях (теория ноономики нашла свое место в учебных планах ряда российских университетов). Все это также способствовало развитию и уточнению теоретической платформы ноономики.

Основной площадкой для представления и обсуждения идей ноономики является один из крупнейших в России Санкт-Петербургский международный экономический конгресс (СПЭК), организуемый ежегодно специально с этой целью ИНИРом; в последние годы обсуждение проблем ноономики проходит также на различных ведущих форумах в Москве и в других городах России, а также за ее пределами – теория ноономики проходила апробацию взыскательной и искушенной международной научной общественности: в Кембридже, Лилле, Мехико, Вене, Лиссабоне, Нью-Йорке, Пекине и т. д.

В целом та работа, которая велась по развитию и углублению теории ноономики, позволяет теперь более ясно, четко и аргументированно изложить ее базовые аспекты.

Решающая роль материального производства

Важно при этом опереться на верные методологические подходы, на определенные представления о роли материального производства, его продукта, об индустриальном типе производства и об их месте в социально-экономическом устройстве общества. Понимание того, что именно материальное производство лежит в основе жизни человеческого общества, и, соответственно, именно изменения в материальном производстве определяют развитие общества, составляет исходный пункт для понимания перспектив эволюции общественного устройства.

При этом важно принимать во внимание все компоненты производства: специфику технологического процесса, характер продукта производства, содержание труда, формы организации производства. Только все эти элементы в совокупности позволяют выработать целостное понимание тех сдвигов, которые происходят в производстве.

В своем историческом развитии материальная технологическая основа экономики проходит две основные стадии: доиндустриальное и индустриальное производство. Конечно, и внутри этих стадий можно выделить различные этапы, но, по большому счету, кроме этих двух стадий пока никаких других вариантов в развитии материального производства выделить нельзя. Гипотетическое «постиндустриальное» производство так и не стало реальностью. Индустрия никуда не уходит из экономики – меняется лишь ее характер. Современная экономика продолжает прочно опираться именно на индустриальное материальное производство, несмотря на преобладающий удельный вес т.н. «сферы услуг» (в которую – зачастую неправомерно – включают многие современные эффекты индустриальной активности).

Индустриальное производство, в частности, как хорошо известно, характеризуется некоторыми следующими чертами, отделяющими его от доиндустриального:

- использование не ручных орудий труда, а сложносоставных средств производства;
- опора не на природные источники энергии (мускульная сила человека и животных,

энергия естественного движения воды и ветра), а на универсальные искусственные источники энергии (различные виды паровых двигателей, двигателей внутреннего сгорания, электродвигателей, реактивных двигателей и т.п.);

- использование технологий, основанных главным образом не на эмпирическом производственном опыте, а на научных знаниях, позволяющих превращать различные природные процессы в контролируемые и направляемые человеком технологические процессы;

- возможность обеспечивать как массовое производство стандартизированных изделий, так и приспособление их для нужд индивидуального потребителя.

При этом стоит подчеркнуть, что развитие т.н. «экономики знаний» состоит вовсе не в замещении знаниями материального производства, а в возрастающем значении знаний как неотъемлемого элемента материального производства. Специалисты недаром заостряют на этом внимание. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает наш китайский коллега профессор Ч. Энфу, «весь нематериальный труд в определенной степени предполагает преобразование материального и является деятельностью по созданию предметного мира» [Энфу, Сиян, 2021, с. 194].

Поэтому позиция, которая однозначно проводится в теории ноономики – это признание того факта, что индустрия остается прочно занимающей место производственно-технологического ядра в современной экономике; таковым оно останется и в перспективе перехода к НИО.2. Индустриальное производство обеспечивает необходимые материальные условия развития всех остальных секторов экономики – строительства, аграрного сектора и всей совокупности отраслей сферы услуг – поставляя для них различные материалы, машины и оборудование, разрабатывая технологические процессы. Именно эволюция индустрии во многом определяет сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250-ти лет. Это развитие совершается путем перехода от одного технологического уклада к другому.

Технологические уклады

Концепция технологических укладов сформировалась как закономерное продолжение исследовательских тенденций в мировой науке. Известно, что Й. Шумпетер рассматривал инновационную деятельность предпринимателей, ведущую к технологическому обновлению производства, как фактор приобретения конкурентных преимуществ и главный двигатель экономического развития [Шумпетер, 1982]. При этом Шумпетер пришел к выводу, что инновационная активность распределяется неравномерно по времени. Формирующиеся в периоды всплеска инноваций новые комплексы технологий Шумпетер называл кластерами (пучками) [Меньшиков, 2014], однако больше закрепился термин «волны инноваций» (от англ. waves of innovation) [Блауг, 2008].

В 1975 г. западногерманский ученый Г. Менш [Mensch, 1975] исследовал закономерности смены технологического застоя, характеризующегося преобладанием улучшающих или даже мнимых инноваций, периодами внедрения принципиально новых (базисных) технологических решений. Он, как и Шумпетер, писал о кластерах базисных инноваций, ведущих к индустриальным метаморфозам. В 1970-1980 гг. английский экономист К. Фримэн сформулировал понятия «технологической системы» и «технико-экономической парадигмы», которое развила его ученица К. Перес [Перес, 2011]. Термин «технологический уклад», используемый в отечественной экономической науке, является в определенном смысле сим-

биотическим аналогом понятий «волны инноваций», «технико-экономическая парадигма» и «технологическая система», однако существенно их расширяет, вводя в исследование понятия производственных цепочек, связности производственной кооперации и многое др., и формируя представление о целостной фазе индустриального развития именно как об укладе, тем самым определяя новую фундаментальную основу для исследования этих процессов. Впервые он был предложен в 1986 г. академиками Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым [Львов, Глазьев, 1986].

Согласно определению С.Ю. Глазьева, технологический уклад представляет собой целостное устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, начинающийся с добычи и получения первичных ресурсов и заканчивающийся выпуском конечных продуктов, соответствующих типу общественного потребления.

Сейчас в мире начинается процесс перехода от пятого технологического уклада, формировавшегося в 50-е – 80-е годы XX века и в настоящее время являющегося ведущим (но лишь в наиболее развитых странах), к шестому. Предпосылки шестого технологического уклада в области научных исследований начали складываться в 80-е – 90-е годы XX века, а первые прикладные технологии начали распространяться с началом XXI века и пока занимают достаточно скромное, но стремительно «расширяющееся» место.

Однако движение современной экономики к шестому технологическому укладу подводит нас не просто к смене укладов, а к порогу новой технологической революции. Более того, академик С.Ю. Глазьев характеризует в работах последнего времени складывающуюся ситуацию уже даже как формирование нового мирохозяйственного уклада.

Что такое шестой технологический уклад? Его целостного, «всеохватывающего» описания пока в научной литературе не представлено. Однако многие базисные технологии, его определяющие, уже известны и активно «наступают», меняя парадигму индустриального развития, лицо экономики и состояние общественных институций.

Это, в частности, т.н. индустрия 4.0 [Germany ..., 2018], основанная на создании так называемых умных фабрик (smart factory); неотъемлемой составной ее частью выступает интернет вещей, точнее, промышленный интернет вещей (industrial internet of things) [Boyes et al., 2018], обеспечивающий как взаимодействие автономных технических устройств между собой, так и контроль за ними со стороны человека. В целях такого контроля развивается широкое использование встроенных датчиков и систем обработки получаемых от них больших массивов информации (Big data).

Непосредственно в сфере производственных технологий начинается переход от дистрактивных (вычитающих) технологий, основанных на спиливании, срезании, стачивании материала с исходной заготовки, к аддитивным технологиям¹, основанным на добавлении или соединении исходных материалов. Среди таких технологий быстро набирает удельный вес 3D-принтирование – система послойного наращивания исходных материалов, опирающаяся на использование трехмерных компьютерных моделей готового изделия. В 2017 г. продажа 3D-принтеров в мире превысила 400 тысяч экземпляров [Adams, 2018]. В 2018 г. количество проданных 3D-принтеров сократилось на несколько процентов, но объем продаж по стоимости вырос на 27%, а прибыль поставщиков – на 44%. Это свидетельствует о развитии технологии в сторону ее усложнения. Сокращение произошло в сегменте домашних

¹ Обзор возможностей аддитивных технологий см.: (Просвиринов, 2012).

настольных 3D-принтеров, тогда как продажи промышленных и дизайнерских устройств демонстрируют уверенный рост, а они занимают около 70% рынка [Greenwood, 2019].

Широкие перспективы открывает синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, так называемая NBIC-конвергенция [Converging..., 2005]. В последнее время к NBIC совершенно справедливо прибавилось S, социальные науки, и получилось NBICS [Spohrer, 2004]. Это – абсолютно точно фиксируемый тренд данного процесса и, собственно говоря, движения нашего цивилизационного развития.

Стоит еще раз подчеркнуть, что то, что мы видим, это – не просто переход на следующую ступеньку технологического развития, не просто переход от пятого технологического уклада к шестому. В чем же заключается важнейшая специфика шестого технологического уклада, позволяющая говорить о промышленной революции?

Дело в том, что отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаниеемких затрат возрастает, доля затрат материальных ресурсов относительно сокращается. Если следовать этой тенденции, то мы можем ожидать того, о чем пишется в наших работах 2010-2015 гг., авторских книгах «Грядущее. Новое индустриальное общество второго поколения: перезагрузка» [Бодрунов, 2016] и «Ноономика» [Бодрунов, 2018а] – что мы перейдем к уровню производства, когда знания в составе издержек производства будут преобладать в любом варианте – как бы их ни считать, в каких единицах ни пытаться исследовать. Знания и их носитель – человек, становятся основным производственным ресурсом следующего этапа развития. Понимание этого факта уже получило отражение в экономической теории. «Хотя во все времена без знаний и навыков не мог обходиться ни один работник, в последние десятилетия образование и наука, уровень квалификации работников стали определяющим фактором прогресса», – отмечает известный российский экономист А.А. Пороховский [Пороховский, 2016, с. 16]. И это так во многих отраслях уже сегодня.

Еще одна позиция, которую необходимо обозначить, это – то, что для выхода к этому новому качеству производства нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех компонентов современного материального производства. Потому что производство – это не один, а четыре компонента. Помимо технологии, производство включает еще и труд, и средства производства (проще говоря, это все материальные ресурсы, используемые в производстве – от сырья до оборудования), и формы организации производства.

Обычно, когда говорят о технологическом скачке, то в первую очередь подразумевают, конечно, технологии. На самом деле это далеко не так. Меняется все материальное производство в целом и при этом, если широко трактовать понятие «технологии», то меняются, скажем, технологии труда, технологии организации производства. Именно с этой точки зрения можно говорить о технологической революции. Но если исходить из нашего понимания содержания производства, то, конечно, речь должна идти о большой, более широкой, «комплексной» индустриальной/промышленной революции, влекущей далеко идущие последствия в развитии общества.

Грядущая индустриальная революция. Переход к НИО.2

Что же будет результатом этой грядущей индустриальной революции? Если речь идет о качественных изменениях всех сторон индустриального производства, то это должно означать переход индустриального общества на новую ступень развития. Таким образом,

итогом этой самой революции будет новое состояние индустриального общества. Если предыдущую индустриальную эпоху (во времена и в терминах Джона К. Гэлбрейта) считать новым индустриальным обществом первого поколения, то впереди нас ждет переход к поколению next, второму поколению. И это будет новое поколение именно индустриального общества: оно останется индустриальным по сути, потому что оно будет все равно в основе своей иметь индустриальную деятельность. Такое общество мы назвали НИО.2 – Новое индустриальное общества второй генерации.

Основным отличием этого поколения индустриального производства выступает изменение главного экономического ресурса. Эта роль главного ресурса и главного источника развития переходит к знаниям, к научному познанию человеком окружающего мира.

Характер материального производства во многом определяется тем, откуда мы берем ресурсы. Когда-то мы брали их непосредственно из природы – добывали съедобных животных и растения, землю копали, чтобы добыть полезные ископаемые. А сейчас мы будем «копать» знание, потому что это – основной ресурс, из которого будет происходить рост наших возможностей удовлетворять свои потребности, в значительной, базовой части.

Новый индустриальный способ производства имеет такую высокую знаниеинтенсивность, которая оттеснит на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая на основе использования знаниеемких технологий знаниеемкий продукт. Однако это вовсе не значит, что производство перестает быть материальным – оно получает новое качество, превращаясь в знаниеинтенсивное материальное производство. Уже давно стало понятно, что грядущая технологическая революция никак не может быть сведена к информационной революции: «На наших глазах в развитых странах происходит формирование действительно „новой“ экономики, охватывающей весь индустриальный базис общества, а не только инфокоммуникационной сферы, как это представлялось в совсем недавнем прошлом» [Толкачев, Кулаков, 2016, с. 86].

Ведь знания (как, заметим, и любой ресурс) не заменяют сам процесс материального производства, хотя и превращаются в его ведущий ресурс, они имеют хозяйственное значение лишь при технологическом применении в производстве, а не сами по себе. Вице-президент Всемирной политэкономической Ассоциации (WAPE) А. Фриман весьма образно и в тоже время точно констатирует этот факт: «...ментальные объекты получают доступ к приземленным сферам производства и потребления только в физическом облачении. Подобно богам Олимпа, они общаются с людьми только в телесном облике, который становится грубым физическим носителем их эфирного существования» [Фриман, 2021, с. 221].

Рост знаниеемкости производства и превращение процесса производства в технологическое применение науки, в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», по классическому выражению К. Маркса [Маркс, 1969, с. 221], обуславливает еще одну важнейшую тенденцию. Речь идет о «выходе человека из процесса непосредственного производства», перехода работника на роль «контролера и регулировщика» производственного процесса, превращенного «из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» [Маркс, 1969, с. 208].

И мы видим, что шестой технологический уклад ведет, по меньшей мере, к резкому сокращению непосредственного участия человека в процессе материального преобразования исходных ресурсов. На долю человека остаются во все большей степени функции целе-

полагания и контроля, а непосредственные манипуляции с веществом природы все чаще выполняются автономными технетическими существами. Широкое распространение промышленных роботов является только первым шагом на этом пути. Уже не редкостью являются хирургические роботы, на дороги выходят роботы-водители, в воздушное пространство – дроны, искусственный интеллект все чаще заменяет человека во взаимодействии с клиентами торговых и банковских фирм; примеры можно множить.

«Интернет вещей» и сходные технологии влекут принципиальное изменение подходов во многих ныне традиционных сферах экономической активности – от торговли и сферы обслуживания до строительства (заметим попутно – становясь, в свою очередь, фундаментом, мощной базой грядущих инноваций). Синергетический потенциал при этом, заложенный в современных технологиях и обусловленный природой знания как феномена, реализуясь в практике, не только не снижается, но возрастает: яркий пример – развитие информационных технологий, где через повышение эффективности «харда» растет эффективность «софта», а через совершенствование «софта» возрастают мощности «харда».

Следствием применения знаниеемких технологий являются принципиальные изменения, которые происходят и в такой компоненте индустриального процесса, как организация производства. Происходит совершенствование систем управления производством, перевод конструирования продукта на его 3D-моделирование, оптимизация транспортных/материальных/информационных и т.д. потоков, автоматизация/«интернетизация» управленческих решений – сисадмин превращается в администратора завода! – и многое другое.

Когнитивные технологии в рамках шестого уклада, через использование самообучающихся систем искусственного интеллекта (ИИ) вторгаются и в те области, в которых ранее не было альтернативы применению человеческого труда. Поиск, накопление, сортировка и сопоставление информации, позволяющие на этой основе принимать решения – это уже под силу системам ИИ. Причем подобные технологии во все большей степени начинают применяться не только в сфере производства, но и в других областях жизнедеятельности людей. Как справедливо указывают научные лидеры ЦЭМИ РАН, «...экспоненциальный рост общего объема данных, связанных с жизнедеятельностью людей, а также потребность в построении аналитических систем добычи данных нового поколения, необходимых для прогнозирования социальных явлений и событий, обуславливают применение суперкомпьютерных технологий» [Макаров, Бахтизин, Сушко, 2016, с. 12].

Именно когнитивные технологии, через использование достижений биотехнологий и информационно-коммуникационных технологий, создают возможность непосредственного взаимодействия человека с протекающими безлюдными технологическими процессами (человеко-машинные интерфейсы, человеко-машинные системы, человеко-машинные сети¹). На этой основе получает новый толчок производство робототехники, которая становится более гибкой, более приспособляемой, более производительной.

Цивилизационная развилка

Следующий тезис: рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. Мы говорим очень часто, что впереди экологический кризис: то пластмассой мы весь мир засорили, то появ-

¹ Обзор на эту тему см.: Tsvetkova, Yasseri, Meyer, Brian, Engen, Walland, Luders, Følstad, Bravos, 2015.

ляются мутанты в зоомире (в т.ч. – в «микрзоомире», чему устрашающие свидетельства – приход вирусов последних лет, породивших крупные локальные эпидемии и пандемию), то исчезают ежедневно целые десятки и сотни видов живых существ, то возникают технетические существа, которые «плодятся» гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир (темпы прироста т.н. технетических существ – если говорить, по аналогии с терминологией геобиоценозов, о существах, населяющих техноценозы – растет стремглав).

О последнем стоит сказать особо. Те элементы техноценоза, которые мы называем «технетические существа» в связи с тем, что они существуют и занимают в нашем пространстве определенное место, занимают этого места все больше и больше. Они вытесняют естественные сущности природы, и сегодня человек, их создатель, уже (если следовать Вернадскому, даже уже в те времена, когда был Вернадский) стал значимой геологической силой, не говоря о «биологической» силе. Общий объем всего, что сделал человек за последние пять тысяч лет своего существования, по данным геологов, или *вес техносферы*, т.е. всего, что создал человек за свою активную историю с помощью технологий, по оценке на 2010 год *составляет 30 триллионов тонн* [Zalasiewicz, Williams, Waters, etc., 2017, pp. 9-22], в то время как по данным биологов, за 4,5 миллиарда лет существования Земли *вес биоты, то есть созданного живой природой, составляет примерно 2,5 триллиона тонн* [Корогодина, Корогодина, 2000, с. 106].

По-видимому, нам грозит прогрессирующая утрата биоразнообразия. Каждый час на земле исчезает примерно 3 вида живых существ, более 70 видов – ежедневно. Конечно, и естественным путем, без участия человека, всегда происходил процесс вымирания тех или иных видов. Этот естественный процесс, однако, оценивается уровнем утраты примерно одного вида из миллиона в год. При этом «...оценки существующего в настоящий момент биоразнообразия колеблются от, скажем, 2 миллионов видов до 30 или даже 100 миллионов», – так описывает проблему доктор Браулио Диас, исполнительный секретарь Конвенции о биоразнообразии [Скобеева, 2016]. Несложно подсчитать, что даже если взять самую верхнюю оценку, то и тогда нынешняя скорость вымирания биоты составит 262 вида в год из одного миллиона, что в сотни раз превосходит естественную норму. И в тоже время человек создал гораздо больше технетических видов, чем природа создала видов живых существ – около одного миллиарда [Zalasiewicz, Williams, Colin, etc., 2017, p. 12].

И, как мы видим, техноразнообразие не только превзошло биоразнообразие, оно еще и подавляет его. Человек-творец, созданный «по образу и подобию Божию», уже многократно превзошел Творца по «количеству» «натворенного» (чего далеко не всегда скажешь о «качестве» оного). Так что если говорить о биологической стороне вопроса, то существ, которые уничтожили бы живую природу больше, чем человек, в общем-то, наверное, природа пока не создала.

Причины нарастания этой разрушительной стороны технического прогресса лежат в плоскости социально-экономических отношений. Обоснованную тревогу бьют не только экологи, но и крупнейшие экономисты. «Прямо на наших глазах разрушается среда обитания человека, начавшего пожирать плоды собственного безрассудного вторжения в природу, – пишет член-корр. РАН Р.С. Гринберг. – Поэтому чтобы предотвратить наступление климатической катастрофы, надо будет как-то ограничивать два угрожающих человеку феномена – гипериндивидуализм, с одной стороны, и гиперконсюмеризм – с другой» [Гринберг, 2020, с. 72].

Продолжение и инфляцирование подобного тренда развития все более очевидно ведет к серьезному кризису многих сфер, например, биологическому, или к геномному кризису, когда люди могут и в себя вмешаться, и создать существа, которые могут быть человеку неподконтрольны и многое другое.

Это – уже не фантастика. К примеру, в Массачуссетском технологическом институте (США) уже редактируют гены внутри человеческого эмбриона, кое-что убирая (отключая), а кое-что – добавляя! А в другом американском институте (The Scripps Research Institute, TSRI) пошли еще дальше: к четырем азотистым основаниям, из которых строится ДНК в живой природе – аденину, тимину, гуанину и цитозину (из которых построено все живое – от бактерии до кита) исследователи добавили еще два искусственных, каковых в нашей природе не существует, встроили их в ДНК живых клеток и заставили успешно размножаться, причем с передачей приобретенных (встроенных) свойств по наследству, получая полусинтетические белки [Медведев, 2017]. Даже то, что кажется несомненным благом, может нести с собой существенные риски. Например, относительно дешевая уже «расшифровка генома человека через 4-5 лет вызовет массу этических и иных проблем. Любая страховая компания, любой банк могут потребовать от своего клиента расшифровки его генома, что означает вторжение во внутренний физический мир человека и делает его уязвимым для постороннего вмешательства. Клонирование человека, интернет-кибертерроризм, торговля внутренними органами и др. могут стать побочными результатами бурного, неконтролируемого развития новых технологий» [Дынкин, Пантин, 2010, с. 8].

Понятно, что учеными, раздвигающими горизонты научного знания, движут благие намерения – к примеру, создание новых лекарственных форм, исправление генетических отклонений. Но они не отрицают, что эти научные достижения вполне могут быть использованы для создания новых форм жизни и для «редактирования» биосущности самого человека.

Абсолютно такие же рассуждения можно построить в отношении множества современных технологий, неосторожное и неоглядное применение которых может радикально изменить и нашу среду обитания, и условия нашей жизни, и нас самих.

Позитивен ли безусловно этот путь? Или он чреват принципиальной опасностью для человека? Представляется, ответ понятен. Нам надо, как минимум, задуматься над этим нарастающим вызовом неопределенности развития и цивилизационных рисков.

(Продолжение следует)

Список источников

- Блауг М. (2008). 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: Экономикс. 352 с.
- Бодрунов С.Д. (2013). Концепция нового индустриального развития России. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. 172 с.
- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция. 328 с.
- Бодрунов С.Д. (2017). Возвращение индустриализации – возвращение Гэлбрейта: от НИО.2 к ноосферной цивилизации // Экономическое возрождение России. № 2. С. 17–21.
- Бодрунов С.Д. (2018а). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.

- Бодрунов С.Д. (2018b). От ЗОО к НОО: человек, общество и производство в условиях новой технологической революции // Вопросы философии. № 7. С. 109–118.
- Бодрунов С.Д. (2021). Что такое ноономика? / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, с. 19–92.
- Гринберг Р.С. (2020). Мир и Россия в поисках новой модели экономического развития. Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 223. С. 70–74.
- Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Резолюция 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml.
- Дынкин А., Пантин В. (2010). Мир в начале тысячелетия на пороге беспокойного мира: современная эпоха и кризисные 70-е. // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 3–9.
- Корогодин В.И. Корогодина В.Л. (2000). Информация как основа жизни. Дубна: Издательский центр «Феникс». 208 с.
- Львов Д.С., Глазьев С.Ю. (1986). Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. № 5. С. 793–804.
- Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. (2016). Технология поддержки агент-ориентированного моделирования для суперкомпьютеров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 12. Вып. 1. С. 4–16.
- Маркс К. (1969). Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс, К. Энгельс, Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. М.: Политиздат. 618 с.
- Медведев Ю. (2017). Жизнь из шести букв. Создана первая бактерия с синтетической ДНК / Российская газета. Федеральный выпуск № 7448 (282).
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А. (2014). Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД. 269 с.
- Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее. Ноономика. III-й том. (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества) (2019). / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. СПб.: ИНИР им. С.Ю.Витте. 664 с.
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал: Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело. 231 с.
- Пороховский А.А. (2016). Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. № 4. С. 8–22.
- Порфирьев Б. (2016). “Зеленые” тенденции в мировой финансовой системе // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 9. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-5-16>
- Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>.
- Скобеева В. (2016). Шестое великое вымирание // Вокруг света. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/233607/>.

- Толкачев А.С., Кулаков А.Д. (2016). Роботизация как направление неоиндустриализации (на примере США) // Мир новой экономики. № 2. С. 79–87.
- Фриман А. (2021). Ментальные объекты как производительная сила: к критике ноономики / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, С. 207–265.
- Шумпетер Й.А. (1982). Теория экономического развития. М.: Прогресс. 401 с.
- Энфу Чен, Сиян Гао. (2021). Интеллектуальная экономика как форма ноономики и ее социально-экономические последствия / А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия; под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР. С. 178–203.
- Boyes H., Hallaq B., Cunningham J., Watson T. (2018). The Industrial Internet of Things (IIoT): An Analysis Framework // Computers in Industry. Vol. 101. URL: doi:10.1016/j.compind.2018.04.015.
- Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (2005) / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation. June 2002. Arlington, Virginia; Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society / edited by William Sims Bainbridge and Mihail C. Roco. National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Dordrecht: Springer.
- Desai R. (2013). Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire. London, Pluto Press. 328 p.
- Galbraith J. K. (2019). The Pragmatism of John Kenneth Galbraith. Acta Oeconomica, Vol. 69 (S1), pp. 195–213. DOI: 10.1556/032.2019.69.S1.12
- Greenwood M. (2019). 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market // Engineering.com, January 21. URL: <https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx>.
- Mensch G. (1975). Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression // Frankfurt a.m.: Umschau Verlag Breidenstein. 288 p.
- Spohrer J. (2004). NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // Roco, M. Bainbridge, W. (eds). Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. Arlington. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf.
- Taleb N.N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. New York, Random House. 400 p.
- Zalasiewicz J., Williams M., Waters C.N. etc. (2017). Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective // The Anthropocene Review. Vol. 4(1). URL: <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

References

- Blaug M. (2008). *100 great economists before Keynes*. St. Petersburg: Ekonomikus Publ. 352 p. (In Russ.)
- Bodrunov S.D. (2020) *Noonomy: Trajectory of Global Transformation*. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ. (In Russ.)

- Bodrunov S.D. (2016). *The Future. The New Industrial Society: Reloaded* Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ. 328 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2017). The Return of Industrialization – The Return of Galbraith: From NIO.2 to Noospheric Civilization. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. Vol. 2. pp. 17–21. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018a). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018b). From ZOO to NOO: Man, Society and Production in the Conditions of a New Technological Revolution. *Voprosy Filosofii* [The questions of philosophy]. Vol. 7. pp. 109–118. DOI: 10.31857/S004287440000232-0 (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2021). What is noonomy? V:A(O)ntologiya_noonomiki: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences. St. Petersburg: INIR Publ. pp. 19–92. (In Russ.).
- Grinberg R.S. (2020). The world and Russia in search of a new model of economic development. [Scientific works of the Free Economic Society of Russia]. Vol. 223. pp. 70–74 (In Russ.).
- United Nations Millennium Declaration*. General Assembly resolution 55/2 of 8 September 2000. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml. (In Russ.).
- Dynkin A., Pantin V. (2010). The world at the beginning of the millennium on the threshold of a troubled world: the modern era and the crisis of the 70s. *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. No. 6. pp. 3–9. (In Russ.).
- Korogodin V.I., Korogodina V.L. (2000). *Information is the basis of life*. Dubna: Feniks Publ. 208 p. (In Russ.).
- L'vov D.S., Glaz'ev S.Yu. (1986). Theoretical and applied aspects of STP management. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods]. No. 5. pp. 793–804. (In Russ.).
- Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Sushko E.D. (2016). Agent-Based Simulation Support Technology for Supercomputers. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. Vol. 12, Issue 1. pp. 4–16. (In Russ.).
- Marks K. (1969). *Economic Manuscripts 1857–1859 years*. Marks K., Engel's F. Vol. 46. Part II. Moscow: Politizdat Publ. 618 p.
- Medvedev Yu. (2017). Life of six letters. Created the first bacterium with synthetic DNA. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. No. 7448 (282). (In Russ.).
- Men'shikov S.M., Klimenko L.A. (2014). *Long waves in the economy: when society changes its skin*. 2d edition. Moscow: Lenand Publ. 269 p.
- New industrial society: origins, reality, future*. Noonomics. (2019). Vol. III. Digest of Scientific papers. St Petersburg: INIR Publ. 664 p. (In Russ.).
- Peres K. (2011). *Technological revolutions and financial capital: The Dynamics of Bubbles and Prosperities*. Moscow: Delo Publ. 231 p. (In Russ.).
- Porokhovskiy A.A. (2016). Political economy in the 21st century: a systematic approach to solving the problems of the modern economy. *Voprosy politicheskoy ekonomii* [Questions of Political Economy]. No. 4. pp. 8–22. (In Russ.).
- Porfir'ev B. (2016). Green trends in the Global Financial System. *Mirovaya ekonomika i mezdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 60, No. 9, pp. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-9-5-16>

- Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development* General Assembly Resolution 70/1 of 25 September 2015. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>. (In Russ.).
- Skobeeva V. (2016). The sixth great extinction. *Around the world*. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/article/233607/>.
- Tolkachev S.A., Kulakov A.D. (2016). Robotization as the direction of neoindustrialization (on the example of the USA). *Mir novoy ekonomiki* [The world of new economy]. 2016. No. 2. pp. 79–87. (In Russ.)
- Friman A. (2021). *Mental objects as a productive force: towards a critique of noonomics*. A(O)ntologiya_noonomiki: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences. St. Petersburg: INIR Publ. pp. 207–265. (In Russ.)
- Schumpeter J.A. (1982). *Economic development theory*. Moscow: Progress Publ. 401 p.
- Enfu Chen, Siyan Gao (2021). *Intelligent economy as a form of noonomics and its socio-economic consequence*. A(O)ntologiya_noonomiki: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences. St. Petersburg: INIR Publ. pp. 178–203. (In Russ.)
- Boyes H., Hallaq B., Cunningham J., Watson T. (2018). The Industrial Internet of Things (IIoT): An Analysis Framework. *Computers in Industry*. Vol. 101. URL: doi:10.1016/j.compind.2018.04.015.
- Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science (2005) / Edited by Mihail C. Roco and William Sims Bainbridge, National Science Foundation. June 2002. Arlington, Virginia; Managing Nano-Bio-Infocogno Innovations: Converging Technologies in Society / edited by William Sims Bainbridge and Mihail C. Roco. National Science Foundation, National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering, and Technology. Dordrecht: Springer.
- Desai R. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London: Pluto Press. 328 p.
- Galbraith J. K. (2019). The Pragmatism of John Kenneth Galbraith. *Acta Oeconomica*, Vol. 69 (S1), pp. 195–213. DOI: 10.1556/032.2019.69.S1.12
- Greenwood M. (2019). 2018 Was a Strong Year for the Global 3D Printer Market. *Engineering.com*. URL: <https://www.engineering.com/AdvancedManufacturing/ArticleID/18279/2018-Was-a-Strong-Year-for-the-Global-3D-Printer-Market.aspx>.
- Mensch G. (1975). *Das technologische Patt: Innovationen überwinden die Depression*. Frankfurt a.m.: Umschau Verlag Breidenstein. 288 p.
- Spohrer J. (2004). *NBICS (Nano-Bio-Info-Cogno-Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges* // Roco, M. Bainbridge, W. (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Arlington. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf.
- Taleb N.N. (2007). *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House. 400 p.
- Zalasiewicz J., Williams M., Waters C.N. etc. (2017). Scale and Diversity of the Physical Technosphere: A Geological Perspective. *The Anthropocene Review*. Vol. 4(1). URL: <https://doi.org/10.1177/2053019616677743>.

Информация об авторе

Сергей Дмитриевич Бодрунов

Директор Института нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, Президент Международного Союза экономистов, Президент Вольного экономического общества России (ВЭО), эксперт Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (197101, РФ, Санкт-Петербург, Большая Монетная ул., 16)

E-mail: inir@inir.ru

Information about the author

Sergey D. Bodrunov

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Director of the S.Y. Witte Institute for New Industrial Development (INID), President of the Commission of the Union of Economists, President of the Free Economic Society of Russia, expert of the Russian Academy of Science (Bol'shaya Monetnay Str. 16, St. Petersburg, 197101, Russia)

E-mail: inir@inir.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64

С. Ю. Глазьев

Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (Москва, Россия)

НООНОМИКА КАК СТЕРЖЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДОВ¹

Аннотация: в своих работах автор уже не раз затрагивает вопросы международной военно-политической напряженности, связывая это со сменой технологических и мирохозяйственных укладов. Для анализа новых технологических, управленческих и социальных структур используется авторский методологический аппарат, включающий авторские определения таких понятий как технологический и мирохозяйственный уклады. Рассматривая мировой кризис как процесс смены технологических и мирохозяйственных укладов, автор приходит к выводу о формировании нового Азиатского-векового цикла накопления капитала. Новый мирохозяйственный уклад, по мнению автора, основывается на принципах недискриминации, что позволяет развивающимся странам выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения с другими государствами. Выделяя три прогнозных сценария перехода к ноономике, автор предполагает, что вариант формирования мирового правительства наименее вероятен.

Ключевые слова: цикл, технологические сдвиги, технологический уклад, институциональные изменения, ресурсы, ноономика, нововозрождение, мирохозяйственный уклад.

Для цитирования: Глазьев С.Ю. (2022). Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64.

Дата поступления статьи: 10 января 2022 г.

Sergey. Yu. Glaziev

Collegium of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russia)

NOONOMY AS THE FORMING LINCHPIN FOR THE NEW TECHNOLOGICAL AND WORLD ECONOMIC ORDER

Abstract: The author has repeatedly addressed international military and political tensions in his works and linked them to changes in technological and world economic patterns. The author used his own methodological apparatus to analyse the new technological, managerial and social

¹ Данная статья представляет собой доработанный и дополненный автором вариант ранее опубликованных материалов (Глазьев С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2021, – С. 93-131; Глазьев, С.Ю. Ноономика как стержень формирования нового технологического и мирохозяйственного укладов / С. Ю. Глазьев // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 15-32.).

structures, including the author's terms of such as technological and world economic structures. Considering the global crisis as a process of change in technological and world economic structures, the author concludes that a new cycle of capital accumulation has emerged in the Asian century. The new world economic order, according to the author, is based on the principles of non-discrimination, which enables developing countries to establish equitable and mutually beneficial relations with other states. In identifying three scenarios for the transition to Noonomy, the author assumes that the option of forming a world government is the least likely to occur.

Keywords: cycle, technological change, technological mode, institutional change, resources, noonomy, new civilisation, world economy.

For citation: Glaziev S.Yu. (2022). Noonomy as the forming linchpin for the new technological and world economic order. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64.

Received January 10, 2022

Гласис耶夫 S. Yu.

欧亚经济委员会执委会, 俄罗斯莫斯科

智力经济是形成新的技术和世界经济秩序的核心

摘要: 作者在其文章中多次提出国际军事和政治紧张问题, 并将其与技术和世界经济模式的变化联系起来。在分析新的技术、管理和社会结构时运用了作者自己的方法论, 包括作者对技术和世界经济制度等概念的定义。作者将全球危机视为技术和世界经济制度变化的过程, 得出了关于亚洲资本积累新的百年周期形成的结论。作者认为, 新的世界经济制度建立在非歧视原则基础之上, 这使得发展中国家能够与其他国家建立公平和互利的关系。作者提出了向智力经济过渡的三种情形, 并预测, 其中形成世界政府情形的可能性是最小的。

关键词: 周期、技术变革、技术体制、制度变革、资源、智力经济、新文明、世界经济制度。

引文注释: 格拉斯耶夫 S. Yu. (2022). 智力经济是形成新的技术和世界经济秩序的核心//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 43–64. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-43-64.

文章已收到 2022 年 1 月 10 日

Введение

Происходящие в мире революционные технологические и институциональные изменения создают ощущение уже не конца истории, а конца света. Православные фундаменталисты усматривают в широко внедряемых в рамках карантинных мер цифровых пропусках и кодах признаки Апокалипсиса, в Израиле раввины заявляют о пришествии Мессии (Машиаха)¹, в Лондоне – о формировании мирового правительства². Капиталисты в условиях

¹ В интервью Chamal News об этом заявил министр здравоохранения Израиля Яков Лицман.

² Об этом заявил бывший премьер-министр Великобритании Г.Браун // Спаситель Великобритании предлагает мировое временное правительство // РИА «Новости» (URL: <https://ria.ru/20200328/1569257083.html> - 28 марта 2020 г.).

перманентного финансового кризиса рассуждают о новой реальности, выпрашивая у государства деньги по отрицательным ставкам процента, а социалисты объявляют о конце капитализма.

Поэтому суть происходящего в данном исследовании анализируется нами с точки зрения теории больших циклов: технологические сдвиги в экономике – с позиций теории длинных волн и лежащих в их основе технологических укладов; институциональные изменения – с позиций теории вековых циклов накопления капитала и лежащих в их основе мирохозяйственных укладов. Исходя из этого, формируется концептуальный взгляд на происходящий переход к новому мировому порядку как формационный – от экономики товарного производства к экономике знаний, составляющей стержневую основу ноономики.

Методология исследования

Поскольку темой настоящего материала является формирование новых технологических, управленческих и социальных структур, для точной интерпретации используемых понятий целесообразно дать их авторские определения.

Под **технологическим укладом** понимаются группы совокупностей технологически сопряженных производств, выделяемых в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления [Глазьев, 2018, с. 38].

Под **мирохозяйственным укладом** понимается система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения [Глазьев, 2016а, 2016с].

Согласно определению С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2018, с. 171], автора теории **ноономики**, под последней понимается неэкономический способ организации хозяйства для удовлетворения потребностей, который осуществляется человеком, вышедшим за пределы материального производства. В отличие от всех предыдущих этапов, суть нооэтапа цивилизационного развития заключается в том, что не индивиды вступают в отношения друг с другом в процессе материального производства, а в отношения между собой вступают две разные сферы цивилизационной конструкции – производство (ноопроизводство, сводящееся к техносфере) и человеческое общество.

Переход к ноономике, доказывает С.Д. Бодрунов [Бодрунов 2018, с. 326], «будет основан на естественной, знаниевой и технологической революции. Такой переход будет осуществляться через прогресс знаний, интеллекта, ума, направляемых на все более полное удовлетворение растущих потребностей людей. Как раз возможность такого, все более полного, удовлетворения потребностей будет служить важнейшей предпосылкой снятия конфликтности перехода. И в то же время в структуре самих потребностей на первый план будут во все возрастающей степени выходить потребности истинно человеческие – обра-

зовании, изучении мироздания, духовном развитии, культуре. На началах культуры будут преобразованы все стороны образа жизни человека – культуры физической, культуры отношений, культуры потребления... Ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество приравнивать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического... Поэтому должно произойти сначала естественное «выравнивание долей» материальных и духовных потребностей, а затем и опережение роста потребностей духовных. Именно на такой – и только такой! – основе взойдет нооцивилизация. И ноономика, а не экономика, станет знаниеемким и «умным» способом удовлетворения потребностей и индивидов-членов ноообщества, и ноообщества в целом».

Теория ноономики уточняет понятие постиндустриального общества¹, в котором подчеркивается роль НТП и интеллектуализации экономики. К этому понятийному ряду следует добавить еще определение **экономики знаний** как «модели развития постиндустриального общества или ступени развития постиндустриальной экономики в связи с совершенствованием ИКТ, активным применением инновационных технологий в промышленности, глобализацией рынков» [Кузнецов, 2009, с. 27].

В отличие от концепций постиндустриального общества и «индустрии 4.0», которые просто отражают изменения, происходящие в структуре и факторах производства, не затрагивая производственные отношения, теория ноономики говорит о таком качественном скачке в развитии производительных сил, который вообще лишает содержания производственные отношения. Логика этого скачка исходит из предположения о том, что прогресс в автоматизации производства сделает ненужным участие в нем людей, которые смогут, наконец, избавиться от адамова проклятия². Совершится, наконец, долгожданный «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» [Энгельс, 1878, с. 288].

Действительно, уровень производительных сил уже сейчас позволяет прокормить более 20 млрд. человек [Клюкин, Гутников, 2018, с. 493]. Доля работающих в сфере материального производства составляет в настоящее время менее четверти занятых и имеет тенденцию к дальнейшему снижению [Зиновьев, 2000, с. 97-98]. Одновременно сокращается доля занятых рутинным трудом в сфере управления, социального обслуживания, строительстве, инфраструктуре. Они замещаются роботами, алгоритмами, автоматизированными процессами. Можно предположить, что эта тенденция в обозримом будущем приведет к полному вытеснению всех нетворческих видов деятельности. И в этом царстве свободы от тяжелого труда производственные отношения будут замещены социальными. Однако это не означает еще всеобщего благополучия и гармонии. Неравенство в обладании собственностью, деньгами, властью создает сложные противоречивые отношения между людьми, которые могут оказаться антагонистическими.

Возможно, в будущем закономерности воспроизводства экономики как единой системы технико- и социально-экономических отношений прекратят свое действие. Но это прекращение может произойти только вследствие этого самого действия. Ниже закономерности

¹ Основоположником комплексной теории постиндустриального общества считается Д.Белл, который описал основные элементы этой теории в книгах «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и «Культурные противоречия капитализма» (1978)

² «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» // Ветхий Завет, Бытие, Глава 3.

долгосрочного экономического развития экстраполируются в будущее с целью выявления признаков ноономики в формирующихся новых технологических, социальных и экономических структурах.

Основные результаты и их обсуждение

Мировой кризис как процесс смены технологических и мирохозяйственных укладов. Охвативший мир кризис носит структурный характер, обусловленный кардинальными технологическими и институциональными изменениями.

В настоящее время происходит переход от пятого к шестому технологическому укладу, в основу которого входит комплекс нано-, биоинженерных и аддитивных технологий, которые, наряду с информационно-коммуникационными и когнитивными составляют ключевой фактор роста нового технологического уклада. Его ядро расширяется с темпом около 35% в год, формируя технологические траектории новой длинной волны экономического роста [Нанотехнологии как ключевой фактор..., 2009, с. 25].

Переход к шестому технологическому укладу совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребностям. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом, в том числе в целях многократного повышения прочности, износостойкости, надежности создаваемых из них изделий. В машиностроении на основе системы «нанокomпьютер – наноманипулятор» создаются сборочные автоматизированные комплексы и 3D принтеры, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продления человеческой жизни¹. Медицина получает в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Трансгенные культуры многократно снижают издержки, повышают эффективность и улучшают потребительские качества фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы будут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность [Матченко, 2012, с. 180].

Одновременно с технологической революцией развивается социально-политическая. Происходит переход от имперского к интегральному мирохозяйственному укладу, американский вековой цикл накопления капитала сменяется азиатским². Система институтов,

¹ Автором настоящего материала в 2016 г. зарегистрировано научное открытие «Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик» (свидетельство о регистрации №65-S выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук)

² Научная гипотеза С.Ю. Глазьева «Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов» (свидетельство № 41-Н о регистрации Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством РАЕН, 2016 г.).

задававшая ход американскому циклу накопления, не обеспечивает более поступательного развития производительных сил. Спустя всего четверть века после установления глобального доминирования США мировой рынок уже не обеспечивает расширенного воспроизводства институтов американского цикла накопления. На периферии американского цикла накопления в Юго-Восточной Азии возник новый центр быстро расширяющегося воспроизводства, который в сфере производства товаров превзошел США.

КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя в мире по темпам экономического роста. Если в США, несмотря на четырехкратное увеличение объема долларовой денежной массы за последнее десятилетие, экономика продолжает стагнировать, то КНР сочетает максимальные уровни монетизации экономики, нормы накопления и темпы ее роста. Ориентирующаяся на максимизацию текущей прибыли американская финансовая олигархия явно уступает по эффективности управления развитием экономики китайским коммунистам, которые используют рыночные механизмы для повышения общественного благосостояния за счет роста производства и инвестиций. До пандемии Индия, предъявившая миру свою редакцию интегральной демократической системы управления, также демонстрировала рекордные темпы роста. Сегодня все страны, идущие по пути формирования конвергентной модели, сочетающей социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством, а также регулируя последнее в целях повышения производства материальных благ, демонстрируют опережающее устойчивое развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран.

Формируется новая, более эффективная по сравнению с предыдущими, система институтов воспроизводства экономики, центр мирового развития перемещается в Юго-Восточную Азию, что позволяет говорить о начале нового – Азиатского – векового цикла накопления капитала. Наряду с упомянутыми Китаем и Индией, в формировании ядра нового мирохозяйственного уклада участвуют Вьетнам, Япония, Сингапур и Южная Корея, принципиально отличающиеся от него политическим устройством и доминирующей формой собственности. Общим для них является сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы, а также приоритет общенародных интересов над частными, который выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четкое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Становление ядра нового мирохозяйственного уклада сопровождается изменением мирового экономического порядка и международных отношений. Об этом же свидетельствует возрождение отвергнутых экономическим мейнстримом институтов планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, промышленной политики, контроля за трансграничными потоками капитала и валютных ограничений [Толкачев, 2020, с. 30].

Новый мирохозяйственный уклад основан на принципах недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориен-

тируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъем народного благосостояния. Характерный для стран ядра интегрального мирохозяйственного уклада подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбарго) дает развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами. Он принципиально отвергает применение силы, а также использование санкций во внешней политике.

Провал попытки американоцентричной властно-финансовой олигархии усилить свои конкурентные преимущества путем организации трансокеанических зон свободной торговли и партнерств, в которых национальные юрисдикции должны были быть замещены международным арбитражем при спорах между государством и иностранными инвесторами, свидетельствует о прекращении проводившейся Вашингтонскими финансовыми институтами либеральной глобализации, служившей целям расширения возможностей воспроизводства Американского цикла накопления капитала. По мере нарастания агрессивности властвующей элиты США, стремящейся удержать глобальную гегемонию посредством мировой гибридной войны, у стран ядра формирующегося нового мирохозяйственного уклада исчезают основания для дальнейшего поддержания финансовой пирамиды американских обязательств, составляющей основу американского цикла накопления капитала. Решение руководства России о прекращении использования доллара в качестве резервной валюты, а также прекращение Китаем наращивания своих долларовых резервов обозначило предел, после которого противоречие интересов властвующей элиты стран ядра старого и нового мирохозяйственных укладов приобретает антагонистический характер [Митяев, 2021, с. 40].

Смена мирохозяйственных укладов до сих пор всегда сопровождалась мировыми войнами. Они провоцировались теряющим влияние глобальным лидером в целях удержания контроля за своей периферией в завершающей фазе жизненного цикла соответствующего мирохозяйственного уклада. И всегда заканчивались появлением нового глобального лидера, превосходство которого обеспечивалось институциональными преимуществами нового мирохозяйственного уклада. Так, две мировых войны прошлого столетия опосредовали переход от мирохозяйственного уклада колониальных империй к имперскому укладу, который в завершающей фазе своего жизненного цикла приобрел форму либеральной глобализации. Движущей силой этого перехода было противоречие между быстрым расширением производства на американской и европейской периферии, доминировавшей в системе мирохозяйственных связей Великобритании, и возможностями последней по удержанию глобального контроля [Глазьев, 2016b, с. 111].

Происходящая в настоящее время эскалация мировой гибридной войны отражает стремление властвующей элиты США любыми средствами оттянуть крах своей финансовой системы и перескочить на длинную волну роста нового технологического уклада до его наступления. Для этого они пытаются переложить бремя обслуживания своих обязательств на другие страны или вовсе их списать. Удержать контроль над нефтедолларами помогают войны на Среднем и Ближнем Востоке. Госперевоорот на Украине с утверждением в республике антироссийского нацистского режима направлен на стравливание европейских стран НАТО с Россией и ослабление всех сторон конфликта ради усиления над ними контроля со стороны американской властвующей элиты с целью усиления возможностей последней по

ослаблению Китая. При этом контроль над Россией американские геополитики традиционно рассматривают как ключ к удержанию глобального лидерства.

С точки зрения исторических аналогий, нынешнее десятилетие аналогично предшествовавшей Второй мировой войне Великой депрессии. Современная ситуация характеризуется наложением процессов смены технологических и мирохозяйственных укладов, следствием чего становится резонансное усиление кризисных явлений. Типичная для смены технологических укладов гонка вооружений с обострением военно-политической напряженности переходит в мировую войну, которая является закономерной фазой смены мирохозяйственных укладов. Хотя благодаря колоссальной денежной накачке эмитенты мировых валют смогли смягчить структурный кризис и избежать резкого падения производства, экономики ведущих стран мира пребывают в состоянии длительной стагнации. Накопленные за десятилетие потери потенциального ВВП вполне сопоставимы с ущербом от падения производства в 30-е годы (см. рис. 1).

Рост ВВП в странах с развитой экономикой после 1929 и 2007 гг.

Процентное соотношение роста ВВП после 1929 и 2007 гг.

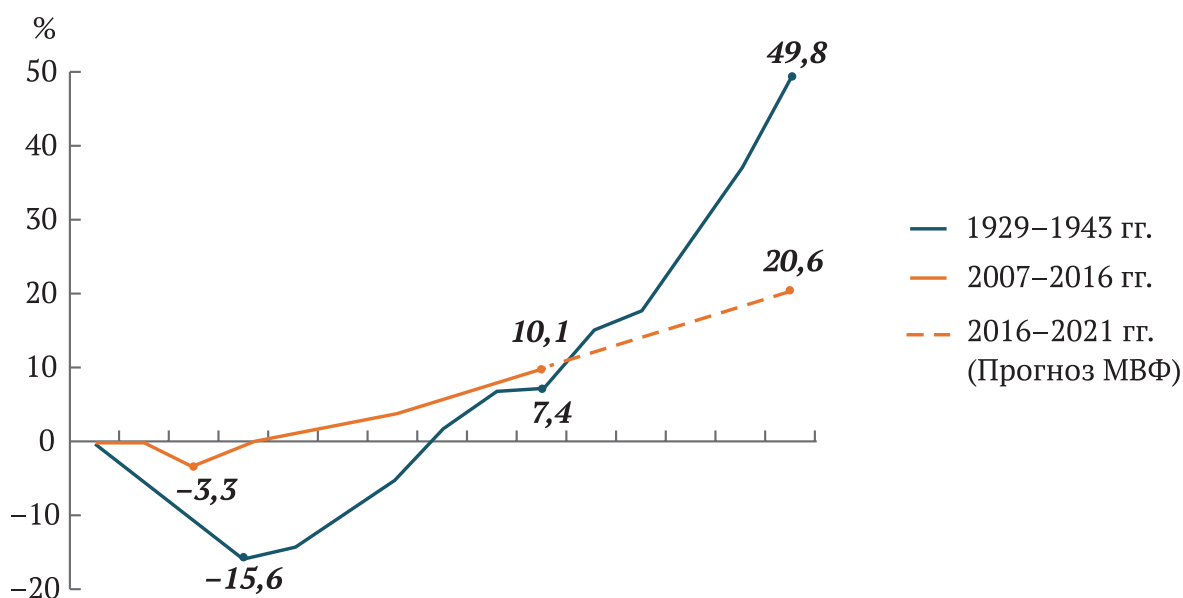

Рис. 1. Рост ВВП в странах с развитой экономикой после 1929 и 2007 гг. [Ross, 2016]¹

Но если тогда выход из Великой депрессии произошел быстро и резко благодаря колоссальному увеличению государственного спроса вследствие милитаризации экономики в преддверии и в ходе мировой войны, то происходящая сегодня гибридная война ведется, главным образом, в сфере гуманитарных технологий и не нуждается в производстве большого количества оружия и военной техники.

И, к счастью, она не сопровождается гигантскими потерями населения и материального богатства, что избавляет от роста расходов на его восстановление. Вместе с тем возникающие в связи с глубокими структурными изменениями мировой экономики угрозы челове-

¹Источник: Calculated from *Madisson Historical Statistics of the World Economy 1-2008 AD*; IMF World Economic Outlook, October 2016.

честву не стоит недооценивать. Тем более в ситуации, когда открыт биологический фронт войны за удержание экономического превосходства уходящим гегемоном, что несет в себе угрозу существованию человечества.

В силу неумолимых законов мирового социально-экономического развития США и действующие в их фарватере государства обречены на поражение в развязанной ими торговой войне с КНР. Но американская властвующая элита будет пытаться бороться за глобальное лидерство всеми доступными ей методами, невзирая на международное право. Впрочем, последнее она уже разрушила: игнорируя нормы ВТО при торговой войне с Китаем; нарушая Устав ООН вооруженной агрессией на Балканах и на Ближнем Востоке, а также организацией госпереворотов в ряде стран Европы и Южной Америки; Устав МВФ – финансовыми санкциями против России; занимаясь разработкой биологического оружия, кибертерроризмом и наращиванием военного присутствия в других странах и в Космосе вопреки международным конвенциям; спонсируя религиозный экстремизм и неонацизм с целью организации и манипулирования террористическими организациями; арестовывая имущество и похищая неугодных граждан других стран. В полном соответствии с теорией [Глазьев, 2016b, с. 19] эта война инициируется властвующей элитой США с целью удержания своей глобальной гегемонии в условиях появления на порядок более эффективной системы управления развитием экономики в КНР.

Мировые войны существенно отличаются друг от друга применяемыми технологиями. Вторая мировая война была войной моторов, давшей мощный импульс развитию автомобилестроения и промышленности органического синтеза, составивших ядро нового для того времени технологического уклада. К середине 70-х годов прошлого века он достиг пределов своего роста и начался процесс его замещения следующим технологическим укладом, ядро которого составили микроэлектронная промышленность и информационно-коммуникационные технологии. Доктрина «звездных войн» и развернутая США гонка вооружений в ракетно-космической сфере дала мощный импульс его росту, который продолжался вплоть до начала нынешнего столетия. Сегодня происходит процесс замещения этого технологического уклада следующим, ядро которого составляют цифровые, нано- и биоинженерные технологии. Как и раньше, он стимулируется гонкой вооружений. Однако базисные технологии формирующегося сегодня нового технологического уклада существенно отличаются от предшествующих. Для стимулирования их разработки хорошо подходят высокоточное ракетное, целевое биологическое, кибернетическое и информационное когнитивное оружие, поражающее стратегические объекты, системы управления, население и сознание противника.

Нетрудно заметить применение этих видов оружия в настоящее время: высокоточного оружия – в боевых действиях; биологического – в форме пандемии коронавируса; кибернетического – в кибератаках против объектов финансовой и энергетической инфраструктуры; когнитивного – в социальных сетях. При невозможности применения ядерного и химического оружия современная мировая война приобретает гибридный характер, включая широкое использование финансовых, торговых, дипломатических приемов сокрушения противника. США используют свое превосходство во всех перечисленных сферах, стремясь усилить свои преимущества в мировой экономике за счет ослабления противника.

Мировые войны прошлого столетия шли за обладание территорией. Во всяком случае со стороны главных агрессоров – Германии и Японии, провозгласивших цели расширения жиз-

ненного пространства для своих наций, которым хотелось поработить все остальное человечество. Нынешняя мировая гибридная война разворачивается властвующей элитой США за контроль над мировой экономикой, прежде всего, ее финансовой системой. Благодаря приватизации функции эмиссии мировой валюты американская властвующая олигархия имеет возможности эксплуатации всего человечества посредством обмена создаваемых ею фиатных денег на реальные материальные блага и активы. Целью ее агрессии является завершение процесса либеральной глобализации, в рамках которой всеми странами должно обеспечиваться свободное обращение доллара в качестве мировой валюты и обмен на нее всех национальных товарно-материальных ценностей и активов. Поэтому боевые действия в нынешней гибридной войне происходят не посредством применения танков, кораблей и самолетов, как это было в прошлом веке, а путем целевого использования финансовых инструментов, торговых ограничений, кибератак и манипулирования общественным сознанием. Вооруженные силы применяются на завершающей фазе боевых действий в карательных целях для окончательной деморализации уже поверженного противника. А биологическое оружие – для создания паники населения в целях дезорганизации управления и остановки экономической деятельности. В конечном счете – для обесценения активов миллионов инвесторов и граждан с целью их последующей скупки и установления контроля властно-финансовой элиты США за системообразующими предприятиями и отраслями в других странах мира [Perkins, 2005, p. 112]. Характерным примером такой политики стал захват контроля над системообразующей в российской алюминиевой промышленности компанией «РусАл» Правительством США, которое посредством применения санкций в отношении собственников компании добилось от них передачи прав управления управляемым Казначейством США членам Совета директоров.

Началом современного перехода к смене мирохозяйственных укладов следует считать крах мировой системы социализма [Швейцер, 1995, с. 18]. Сегодня он вступает в завершающую фазу, в ходе которой должно произойти окончательное разрушение перешедшего после распада СССР под контроль США имперского мирохозяйственного уклада и переход к новому. Контуры последнего уже сформированы в Китае и других странах Юго-Восточной Азии, осваивающих институты и создающих системы управления воспроизводством экономики интегрального мирохозяйственного уклада. Они доказывают свою эффективность не только в динамике макроэкономических показателей, но и в успешном отражении американской агрессии в ходе гибридной мировой войны.

Есть все основания полагать, что китайская система регулирования воспроизводства экономики выйдет из этого кризиса еще более окрепшей. Ее денежные власти воспользовались декапитализацией финансового рынка, чтобы консолидировать национальный контроль над зависимыми от иностранных акционеров сегментами китайской экономики. Она, несомненно, станет еще более эффективной, а также более привлекательной для иностранных инвестиций.

Дальнейшее разворачивание мирового финансового кризиса объективно будет сопровождаться усилением КНР и ослаблением США. Существенно пострадают также находящиеся на периферии американоцентричной финансовой системы страны, включая ЕС и Россию. Вопрос заключается только в масштабе этих изменений. При благоприятном стечении обстоятельств продолжающаяся уже более десятилетия Великая стагнация экономики западных стран продлится еще несколько лет до тех пор, пока оставшиеся после схло-

пывания финансовых пузырей капиталы не будут инвестированы в производства нового технологического уклада, и они смогут «оседлать» новую длинную волну Кондратьева. При неблагоприятном ходе событий, денежная накачка финансовой системы выльется в галопирующую инфляцию, что повлечет дезорганизацию воспроизводства экономики, падение уровня жизни населения и мировой политический кризис. У властвующей элиты США останется две возможности: смириться с утратой глобального доминирования и принять участие в формировании нового мирохозяйственного уклада или перейти к эскалации уже ведущейся ими мировой гибридной войны. И, хотя объективно победить в этой войне они не смогут, ущерб для человечества могут нанести катастрофический, вплоть до летального.

Новый мировой порядок: сценарии перехода к ноономике. В прошлом веке в аналогичный период одновременной смены технологических и мирохозяйственных укладов мировая экономико-политическая система развивалась по трем разным глобальным политическим траекториям. После социалистической революции в России возникает прообраз нового мирохозяйственного уклада с коммунистической идеологией и тотальным государственным планированием. Спустя полтора десятилетия в целях преодоления Великой депрессии в США реализуется Новый курс, формирующий другой тип нового мирохозяйственного уклада с идеологией государства всеобщего благосостояния и государственно-монополистическим регулированием экономики. Чуть позже в Германии формируется его третий тип – с нацистской идеологией и частно-государственной корпоративной экономикой.

Все эти изменения происходят в завершающий период Британского цикла накопления капитала и лежащего в его основе колониального мирохозяйственного уклада. Занимая центральное место в мировой экономической системе, властвующая элита Великобритании пытается противостоять изменениям, подрывающим ее глобальное доминирование. Против СССР вводится экономическая блокада, для провоцирования массового голода разрешается импортировать из России только зерно. Против США вводится торговое эмбарго. В Германии поощряется антикоммунистический нацистский переворот и, в целях противостояния влиянию СССР, английские спецслужбы защищают и продвигают к власти Гитлера. С теми же намерениями и в ожидании больших дивидендов американские корпорации инвестируют большие средства в модернизацию германской промышленности [Highham, 1983, p. 56].

Англичане применяют традиционную для себя геополитику по принципу «разделяй и властвуй», провоцируя войну между Германией и СССР. Они надеются повторить свой успех в развязывании Первой мировой войны, в результате которой произошло самоистребление всех основных конкурентов Великобритании в Евразии: Российской, Германской, Австро-Венгерской, Османской и, окончательно, Китайской империй. Но сразу же после начала войны выясняется качественное превосходство Третьего Рейха над всеми европейскими странами, включая Великобританию, в эффективности управления экономикой и мобилизации всех имеющихся ресурсов для военных целей. И, хотя Великобритания, благодаря союзническим отношениям с СССР, оказалась в числе Победителей, после Второй мировой войны она лишилась всей своей колониальной империи вместе с завершением жизненного цикла колониального мирохозяйственного уклада.

Самой эффективной на тот момент оказалась советская система управления народно-хозяйственным комплексом, которая совершила сразу три экономических чуда: эвакуацию промышленных предприятий с европейской части на Урал и в Сибирь, за полгода отстроив новые промышленные районы; выход на запредельные для других стран параметры произ-

водительности труда и фондоотдачи, на порядок превзошедшие показатели объединенной фашистами Европы; стремительное восстановление полностью разрушенных оккупантами городов и производственных мощностей после войны.

Новый курс Рузвельта существенно поднял мобилизационные возможности американской экономики, что позволило США нанести поражение Японии в Тихоокеанском бассейне. В послевоенной Западной Европе у США не было конкурентов: бывшие колонии европейских государств стали зоной соперничества американских корпораций и советских министерств. В дальнейшем мировое развитие происходило в формате холодной войны двух мировых империй – советской и американской – имевших схожие технократические и диаметрально противоположные политические модели управления социально-экономическим развитием. Каждая из них имела свои преимущества и недостатки, но при этом кардинально превосходила по эффективности организации массового производства и возможностям мобилизации ресурсов систему семейного капитализма с беспощадной эксплуатацией наемных работников и рабов предшествующего Колониального мирохозяйственного уклада.

Аналогичная картина складывается в настоящее время. Формирующийся новый мирохозяйственный уклад имеет также три возможных разновидности. Первая из них уже сформирована в КНР под руководством Компартии Китая. Она характеризуется сочетанием институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы и демонстрирует потрясающую эффективность управления развитием экономики, на порядок превосходящую американскую систему.

Вторая разновидность интегрального мирохозяйственного уклада формируется в Индии, являющейся самой большой реальной функционирующей демократией в мире. Основы индийской разновидности интегрального строя были заложены еще Махатмой Ганди и Джавахарлалом Неру на фундаменте индийской культуры. Национализация банковской системы, проведенная правительством Индиры Ганди, позволила поставить управление финансовыми потоками в соответствие с индикативными планами развития экономики. Правильно выбранные приоритеты дали толчок развитию ключевых направлений формирования нового технологического уклада, и сегодня Индия выходит на первое место в мире по темпам экономического роста. Как и в Китае, государство регулирует рыночные процессы в целях повышения народного благосостояния, стимулируя инвестиции в развитие производства и освоение новых технологий. При этом валютно-финансовые ограничения удерживают капитал внутри страны, а государственное планирование направляет предпринимательскую активность на производство материальных благ.

Третью разновидность нового мирохозяйственного уклада можно разглядеть в тумане нарастающей пандемии: из недр глубинного государства США инициируются заявки на формирование нового мирового порядка. На волне пандемии создаются частные институты, претендующие на управление человечеством. Фонд Б. Гейтса устанавливает контроль над деятельностью ВОЗ в части вакцинации населения. При этом вакцинация может использоваться для продвижения давно разрабатываемой им технологии биологического программирования в целях сокращения рождаемости и тотального контроля над поведением прививаемых людей.

Третья разновидность нового мирохозяйственного уклада предполагает формирование мирового правительства под руководством американской властвующей элиты в интересах финансового олигархата, контролирующего эмиссию мировой валюты, транснациональные банки и корпорации, глобальный финансовый рынок. Это продолжение тенденции либеральной глобализации, дополненной авторитарными технологиями контроля за населением лишенных национального суверенитета стран. В представлении традиционных конфессий – это сценарий «электронного концлагеря», предваряющего конец Света, описанный во многих антиутопиях.

Каждая из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада предполагает использование передовых информационных технологий, составляющих ключевой фактор нового технологического уклада и материальную основу ноономики. Все они используют методы обработки больших данных и системы искусственного интеллекта, необходимые для управления не только безлюдными производственными процессами, но и людьми в системах регулирования экономики и социального поведения. Цели этого регулирования задает властвующая элита, способ формирования которой предопределяет сущностные характеристики каждой из разновидностей нового мирохозяйственного уклада.

Формирование нового мирового порядка будет идти в конкуренции между этими тремя разновидностями нового мирохозяйственного уклада. При этом последняя из них исключает две первых, которые могут мирно сосуществовать. Так же как победа фашистской Германии и Японии в войне против СССР и США исключала бы как советскую, так и американскую модель нового для того времени мирохозяйственного уклада. После общей победы СССР и США создали конкурирующие друг с другом политические системы, разделившие мир на зоны влияния и избегавшие прямой конфронтации.

Итак, существует три прогнозных сценария перехода к ноономике. Общей для них материальной основой является новый технологический уклад, ядро которого составляет совокупность цифровых, информационных, биоинженерных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий. С их помощью сегодня создаются безлюдные полностью автоматизированные производства, управляющие безграничными базами данных системы искусственного интеллекта, трансгенные микроорганизмы, растения и животные, клонируются живые существа и регенерируются ткани человека. На этой технологической основе формируются институты интегрального мирохозяйственного уклада, обеспечивающие сознательное управление социально-экономическим развитием как суверенных государств, так и, потенциально, человечеством в целом. Достигается это путем сочетания государственного стратегического планирования и рыночной конкуренции на основе государственно-частного партнерства. В зависимости от того, в чьих интересах осуществляется регулирование деятельности автономных хозяйствующих субъектов, формируется одна из охарактеризованных выше разновидностей нового мирохозяйственного уклада. Первые две – коммунистическая и демократическая – могут мирно сосуществовать, конкурируя и сотрудничая на основе норм международного права. Третья – олигархическая – является антагонистической по отношению к первым двум, так как предполагает установление наследуемого мирового господства нескольких десятков американско-европейских семейных кланов, несовместимого ни с демократическими, ни с коммунистическими ценностями. Главной угрозой такой политической системы является ее полная безответственность

и аморальность, приверженность ее наследственной властвующей элиты мальтузианским, расистским и человеконенавистническим воззрениям.

По какому из трех прогнозных сценариев пойдет эволюция человечества, зависит от исхода гибридной войны, развернутой американской властвующей элитой против всех неконтролируемых ею странами, используя широкий арсенал финансовых, информационных, когнитивных и уже биологических технологий для их дестабилизации и хаотизации. Целью этой войны является формирование подконтрольной ему глобальной системы институтов, регулирующих воспроизводство не только мировой экономики, но и всего человечества посредством современных информационных, финансовых и биоинженерных технологий. Самое опасное заключается в том, что описанное стремление гегемона удержаться в рамках ориентированного на него мирохозяйственного уклада камуфлируются имитационным процессом инициированных Россией переговоров о гарантиях безопасности.

Особенностью ноономики является ведущая роль знаний в управлении социально-экономическим развитием на национальном, международном и глобальном уровне. Как только механизм эмиссии мировых денег перестанет быть тайной для национальных денежных властей суверенных государств, доминирующему положению американско-европейских олигархических кланов на мировом финансовом рынке придет конец. Слабость их положения заключается в фиатной (фидуциарной) природе современных денег, покупательная способность которых основывается на доверии, формируемом государственной властью. Доверие к доллару основывается на военно-политической и экономической мощи США, которая быстро размывается по мере разворачивания гибридной войны. Каждый акт американской агрессии, хоть и приносит краткосрочные политические дивиденды, но ухудшает положение США в долгосрочном и даже среднесрочном плане. Финансовые санкции подрывают доверие к доллару как мировой валюте. Учащающиеся кризисы долларовой финансовой системы, сопровождающиеся обвальным обесценением активов, свидетельствуют о ее переходе в режим турбулентности, чреватый ее коллапсом в недалеком будущем (см. рис. 2).

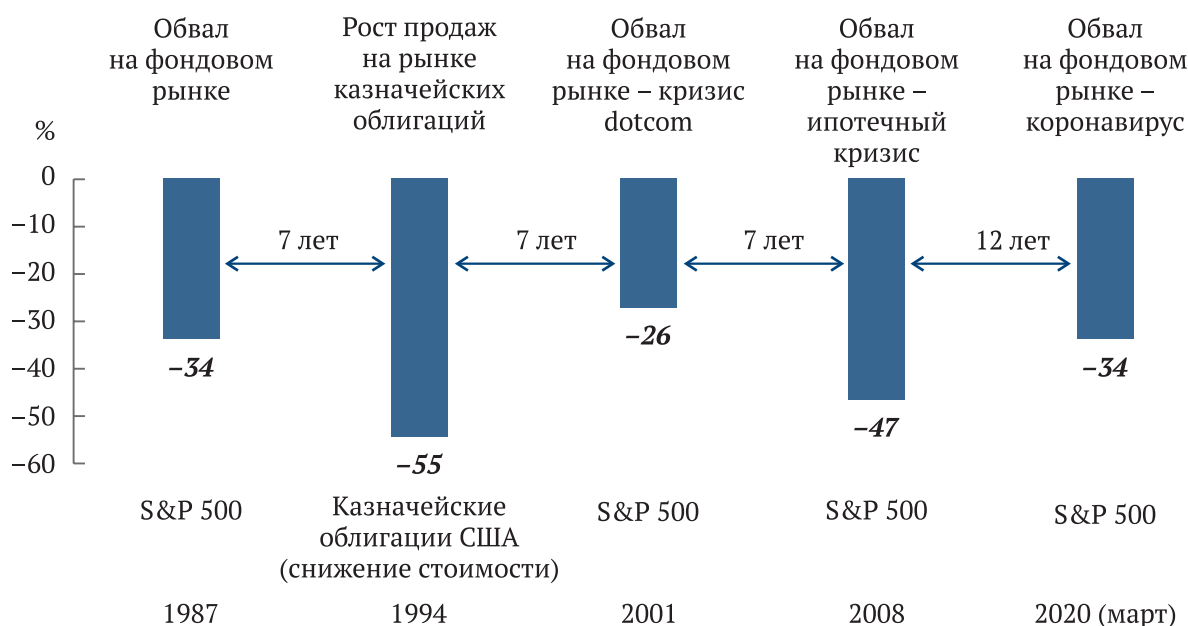

Рис. 2. «Цикличность» провалов (динамика Индекса S&P 500, %) [Ершов, 2020, с. 44]

Нарастающая глобальная инфляция свидетельствует о дестабилизации долларовой валютно-финансовой системы, провоцирующей поиск новых платежно-расчетных инструментов и ускоряющей переход к новому мирохозяйственному укладу.

Выводы

Ноономика будущего мирохозяйственного уклада. Из трех охарактеризованных выше сценариев формирования нового мирохозяйственного уклада вариант мирового правительства выглядит наименее вероятным. Хотя именно в его русле разворачивается сегодня мировая гибридная война, властвующая элита США в ней обречена на поражение в силу качественно более высокой эффективности мобилизационных возможностей КНР и незаинтересованности всех стран мира в этой войне. Ее можно остановить формированием широкой антивоенной коалиции на основе создания автономной от доллара валютно-финансовой системы, заключения международной конвенции против кибертерроризма, формирования механизма контроля за исполнением вступившей в силу в 1975 году Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия.

Если исходить из наиболее вероятного исхода развязанной властвующей элитой США мировой гибридной войны не в ее пользу, новый мирохозяйственный уклад будет формироваться в конкуренции коммунистической и демократической разновидностей, результаты которой будут определяться их сравнительной эффективностью в освоении возможностей и нейтрализации угроз нового технологического уклада. Эта конкуренция будет носить мирный характер и регулироваться нормами международного права. Все аспекты этого регулирования, начиная от контроля за глобальной безопасностью и заканчивая эмиссией мировых валют, будут основываться на международных договорах. Отказывающиеся от принятия обязательств и международного контроля за их соблюдением страны будут изолироваться в соответствующих сферах международного сотрудничества. Мировая экономика станет более сложной, восстановление значения национального суверенитета и разнообразие национальных систем регулирования хозяйственной деятельности будет сочетаться с фундаментальным значением международных организаций с наднациональными полномочиями.

Конкуренция коммунистической и демократической разновидностей интегрального мирохозяйственного уклада не будет антагонистической. К примеру, в китайской инициативе «Один пояс – один путь» с идеологией «единой судьбы человечества» участвует множество стран с различным политическим устройством. Демократические страны ЕС создают зоны свободной торговли с коммунистическим Вьетнамом. Ландшафт конкурентной борьбы будет определяться сравнительной эффективностью национальных систем управления. Все они столкнутся со следующими вызовами нового технологического уклада.

Первое. Массовое высвобождение занятых рутинным трудом, который будет замещен автоматическими системами управления как в материальном производстве, так и в сфере услуг. Этим людям нужно будет либо освоить новые творческие профессии, либо дать им возможность досрочного выхода на пенсию.

Второе. Раскол общества на креативный класс занятых творческой самореализацией людей и прекариат, довольствующийся ролью обслуживающего персонала и потребителей. Для социальной гармонии между этими двумя группами должны работать социальные

лифты и системы социального обеспечения, позволяющие населению с низким уровнем дохода получать хорошее образование, а малоознающим – радоваться жизни.

Третье. Фрагментация общества по социальным сетям, дифференцированным по мировоззренческим представлениям, моральным ценностям, потребностям. Интеграция этих сетевых сообществ государством должна вестись путем гармонизации их интересов в достижении общих целей повышения общественного благосостояния.

Четвертое. Концентрация власти у ноократии, знания которой создают неограниченные возможности использования потенциально опасных для общества технологий. Эти люди должны согласиться на ограничение свободы творчества в сферах, представляющих опасность для человечества, включая биоинженерию, ядерную физику, системное программирование, тонкую химию и т.п.

Пятое. Размывание социальных групп, основанных на физическом ощущении солидарности вследствие социопатии растущей части населения, замыкающейся в виртуальном пространстве. Этим людям необходимы особые условия выживания и самореализации, требующие соответствующих механизмов социальной адаптации. Их интеграция в социум становится важной задачей национальной безопасности.

Шестое. Растущая доля свободного времени вследствие высвобождения людей из трудоемких сфер деятельности. Для его использования в созидательных целях необходимо развитие сфер творческой самореализации, не связанных с работой ради потребления. За порогом этого вызова открывается дверь в ноономику.

Вызовы современной технологической революции можно продолжать дальше. Способные их принять и конструктивно использовать институты формируются в рамках интегрального мирохозяйственного уклада. Общим знаменателем его двух базовых разновидностей является ноономика, определяющая способность системы управления создавать и регулировать автоматически воспроизводящиеся процессы социально-экономического развития. Эффективность как демократической, так и коммунистической ипостасей интегрального мирохозяйственного уклада будет зависеть от нивелирования негативного влияния субъективных факторов управления и стимулирования их позитивной роли. Позитивный отбор этих факторов достигается посредством автоматически действующего механизма ответственности принимающих решения лиц перед обществом. В КНР экспериментируют с системой социального кредита, накладываемой на традиционную для Китая конфуцианскую этику. Согласно заложенному в ней замыслу, социальные возможности каждого гражданина будут зависеть от его рейтинга, который постоянно корректируется на основе баланса хороших и плохих поступков. Чем выше рейтинг, тем больше доверия к человеку при устройстве на работу, продвижении по службе, получении кредита, делегировании полномочий. Эта своеобразная модернизация знакомой советским людям системы ведения личных дел, которые сопровождали человека всю его трудовую жизнь, имеет свои положительные и отрицательные стороны, оценка которых выходит за пределы настоящей статьи. Ее главная проблемная зона – зависимость механизма формирования продуктивной элиты общества от искусственного интеллекта.

Вторая разновидность нового мирохозяйственного уклада определяется демократической политической системой, которая может существенно различаться в разных странах. Наиболее развита она в Швейцарии, где основные политические решения принимаются на всенародных референдумах. В большинстве стран она серьезно поражена коррупцией и

подвержена манипулированию со стороны крупного бизнеса, который может быть патристическим или компрадорским. Внедрение современных информационных технологий в систему выборов народных представителей может существенно повысить эффективность этой политической системы, исключив подтасовки результатов голосования и обеспечив равный доступ кандидатов к средствам массовой информации. Распределенность последних в блогосфере создает конкуренцию источников информации, повышающую степень их достоверности и объективности. При должном правовом обеспечении использования современных информационных технологий в избирательном процессе формируется автоматический механизм ответственности органов государственной власти за результаты своей деятельности в интересах общества. Чем более образованы и активны граждане, тем эффективнее работает демократическая политическая система. Ее главная проблемная зона – зависимость формирования властвующей элиты от кланово-корпоративных структур, не заинтересованных в прозрачности и честности выборов.

Вероятно, что основная конкуренция между коммунистической и демократической разновидностями нового мирохозяйственного уклада развернется между Китаем и Индией, лидирующих сегодня по темпам экономического развития и претендующими в совокупности со своими сателлитами на добрую половину мировой экономики. Институты нового мирохозяйственного уклада на основе ноономики успешно формируются в Японии, Корее, странах АСЕАН. Остается открытым вопрос о будущем других стран, включая Россию, властвующая элита которых противодействует принципам ноономики. Без создания автоматически действующих механизмов ответственности власти перед обществом и положительного кадрового отбора институты нового мирохозяйственного уклада в его как демократической, так и коммунистической ипостаси создать невозможно. А без них нельзя будет освоить производства нового технологического уклада, требующие высокого профессионализма и социальной гармонии.

Ноономика снимает ресурсные ограничения в обеспечении материальных потребностей человечества. Современные аграрные технологии позволяют прокормить вдвое больше людей, чем сегодня проживают на планете. Энергетические технологии, особенно гелиоэнергетика, снимают проблемы с ограниченностью невозпроизводимых сырьевых ресурсов. Информационные технологии снимают ограничения человеческого ума по количеству обрабатываемых данных. Ограничения социально-экономическому развитию создают сегодня, прежде всего, субъективные факторы управления – коррупция, некомпетентность, кумовство, жадность и жажда власти – несовместимые с принципами ноономики и институтами нового мирохозяйственного уклада.

Евразийское измерение ноономики. Позволю себе повторно привести выдержку из труда С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2018, с. 326]: «...Ускоренное развитие человеческого знания будет вынуждать общество принаравливать скорость своего духовно-общественного развития к темпам развития технологического...Поэтому должно произойти сначала естественное «выравнивание долей» материальных и духовных потребностей, а затем и опережение роста потребностей духовных...». Обращение к этой цитате неслучайно, так как позволяет без купюр оценить и евразийскую компоненту социально-экономического развития России и восприятия ею предложенной концепции ноономики.

В настоящее время ЕАЭС представляет исключительно экономическое объединение государств, каждое из которых сохраняет свой национальный суверенитет, независимую

политическую систему и полную самостоятельность функционирования государственных институтов. Никаких планов по реставрации СССР, которые мерещатся западным политикам, у руководства России нет. Как следует из закономерностей формирования нового мирохозяйственного уклада, современная интеграция государств не предполагает их слияния в одно государственное образование. Из этого же исходит выдвинутая Президентом России концепция Большого евразийского партнерства.

Для устойчивой взаимовыгодной и перспективной интеграции одной идеи общего рынка явно недостаточно. Если на этом рынке появляются агрессивные игроки, относящиеся к конкуренции как к игре с нулевой суммой, то вместо совместной выгоды мы получим обогащение одних за счет разорения других. Примером может служить Европейский союз, в котором успешное развитие Германии сопровождается разорением Греции, Испании и Италии, конкурентоспособность которых в привлечении транснациональных корпораций существенно уступает северным соседям.

Европейский союз я определяю как бюрократическую империю, наднациональные органы которой обслуживают интересы транснациональных американо-европейских корпораций в ущерб национальным интересам стран-членов. Общий рынок ЕС регулируется Еврокомиссией в интересах крупного капитала, под требования которого выстраивается наднациональное законодательство. Евразийский экономический союз устроен по-другому: все решения принимаются консенсусом с учетом национальных интересов каждого из государств-членов. Но оставаясь в рамках концепции общего рынка и даже единого экономического пространства, ЕАЭС не может гарантировать, что это пространство будет работать на благосостояние всех проживающих в Союзе народов. Для этого нужна общая цель, а также согласованные механизмы ее достижения.

Согласно Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., его целью является «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов...», а также «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики». Эти цели сугубо инструментально-формальные, не имеющие идеологического содержания. А отсутствие официальной идеологии в современных условиях всегда означает идеологию либертарианскую, отражающую интересы хозяев денег – капиталистов. Наиболее крупные и конкурентоспособные из них заинтересованы в свободном движении товаров и факторов производства с целью подчинения своим интересам общего рынка. А менее крупные и конкурентоспособные, наоборот, заинтересованы в защите со стороны своих государств. Действуя в рамках указанной цели, наднациональный регулятор должен автоматически отстаивать интересы первых, оглядываясь на возможности вторых добиваться защиты у национальных правительств. При этом наиболее крупными и конкурентоспособными часто оказываются иностранные корпорации, которые осваивают наш общий рынок в ущерб интересам отечественных товаропроизводителей всех государств-членов.

Евразийская идеология предполагает объединение народов общей исторической судьбы. Объединение судеб строится на любви, дружбе, взаимопомощи, оно должно быть также взаимовыгодным. Народы ЕАЭС объединяет исторический опыт совместного строительства, развития и защиты самых крупных и влиятельных в мире государств. Положительного в этом опыте, если смотреть в объективной системе координат, намного больше, чем отрицательного. Более того, без этого совместного исторического опыта не было бы самих

нынешних государств ЕАЭС. Вместе с тем, создаваемое ими объединение должно не только иметь прочную историческую основу совместной созидательной деятельности в прошлом, но и быть обращено в будущее.

Трубецкой писал о формировании евразийской национальной идентичности как объединяющей национальные интересы всех евразийских народов. Очевидно, что целью этого объединения не может быть только формирование общего рынка. Если только этим и ограничиться, то вскоре антагонистические интересы конкурирующих между собой корпораций повлекут удовлетворение одних национальных интересов за счет других. Из этого следует, что цель ЕАЭС нужно дополнить критерием повышения благосостояния народов государств-членов ЕАЭС, а также обеспечения поступательного опережающего другие страны социально-экономического развития государств-членов. Тогда у наднационального органа будет четкое понимание как регулировать единое экономическое пространство. Обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы не должно быть самоцелью – оно должно работать на повышение благосостояния народа и конкурентоспособность экономики каждого из государств-членов ЕАЭС. Это соответствует закономерностям становления нового мирохозяйственного уклада, характеризуемых в моих работах [Глазьев, 2019].

Идеология евразийцев позволяет конкретизировать и путь формирования Сообщества единой судьбы человечества. Это создание коалиции стран, заинтересованных в формировании нового мирохозяйственного уклада, исключающего конфронтацию и применение военной силы в международных отношениях, которые должны основываться на уважении национальных интересов и особенностей всех стран, на взаимовыгодном добровольном сотрудничестве и строгого соблюдения международного права. При этом важно добавить, что новый мирохозяйственный уклад мы называли интегральным, поскольку главной функцией государства становится гармонизация интересов всех социальных групп на основе достижения общей цели – повышения народного благосостояния. В характерной для него системе производственных отношений стратегическое планирование сочетается с рыночной конкуренцией, а государственный контроль за денежной системой и инфраструктурными отраслями – с частным предпринимательством, свобода которого ограничивается государством только теми видами деятельности, которые способствуют достижению указанной общей цели. Интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает синтез социалистической идеологии, рыночной экономики и национальных интересов.

При всем миролюбии идеологии евразийцев, которые склонны романтизировать отношения между народами Евразии, следует признать, что евразийская интеграция нуждается в защите от американской агрессии. Ставки в борьбе между желающей удержать мировое господство западной властно-финансовой олигархией и Сообществом единой судьбы человечества как никогда велики. Речь идет о самом существовании человечества, которому современные последователи либертарианства готовят трансформацию в постчеловеческий вид, в котором люди-киборги лишаются какой-либо групповой идентичности (национальной, половой и даже видовой) и манипулируются искусственным интеллектом. Без убедительной объединяющей гуманистической идеологии Сообщество единой судьбы человечества в этой борьбе не только не сможет победить, но даже сформироваться.

В основу такой идеологии может быть положена концепция ноономики. Отчасти по такому пути – формирования интегральной идеологии (разумеется, со своей спецификой)

– пошла коммунистическая партия Китая, взяв на вооружение традиции конфуцианства, даосизма и буддизма. Как было показано выше, своя разновидность построения ноономики имеется у Индии, сочетающей идею массового доступа к плодам научно-технического прогресса с традициями индуизма и буддизма. Современный тип теократического государства в Иране на основе исламской традиции с использованием демократических выборов и соблюдением социальных прав граждан, синтез исламской традиции, парламентской демократии и рыночной экономики в Турции, представляют собой другие примеры социально-консервативного синтеза – ноономики.

Принятие на вооружение концептуальных положений ноономики позволит уточнить повестку евразийской интеграции в самом широком контексте, в том числе, связанном с идейно-смысловыми основами развития ЕАЭС. Это, в свою очередь, обеспечит скрепление единого экономического пространства общей стратегией развития в интересах роста общественного благосостояния. Модель ноономики применительно к России и ее партнерам по ЕАЭС вполне могла бы сочетать духовную традицию евразийских народов с результатами кооперации государств Союза в высокотехнологических сферах.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Глазьев С.Ю. (2016а). Мировоззренческие уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. № 2. С. 3–29.
- Глазьев С.Ю. (2016б). Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир. 253 с.
- Глазьев С.Ю. (2016с). Прикладные результаты теории мировоззренческих укладов // Экономика и математические методы. № 3. С. 3–21.
- Глазьев С.Ю. (2018). Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мировоззренческом укладах. М.: Книжный мир. 768 с.
- Глазьев С.Ю. (2019). Управление развитием экономики: курс лекций. М.: Издательство Московского университета. 759 с.
- Ершов М.В. (2020). О провалах глобальных и российских финансовых рынков и о мерах поддержки экономики и населения в условиях пандемии // Российский экономический журнал. № 3. С. 41–49. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-3-41-49
- Зиновьев А.А. (2000). Запад. М.: Центрполиграф. 507 с.
- Клюкин Н.Ю., Гутников В.А. (2018). Оценка биологической емкости агросферы с целью определения предельной численности населения земли // Государственное управление. Электронный вестник. № 69. С. 482–497.
- Кузнецов В.А. (2009). Новая экономика и постиндустриальное общество: сопоставление понятий // Вестник Челябинского государственного университета. № 2. С. 22–27.
- Матченко Е.А. (2012). Принципы стратегии развития нанотехнологий в секторе «медицина и биотехнологии» в рамках нового технологического уклада // Современные стратегии инновационного развития. Тринадцатые Друкеровские чтения : Материалы Тринадцатых Друкеровских чтений, Москва, 20 ноября 2012 года / Под редакцией Р.М. Нижегородцева. Москва: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. С. 179–183.
- Митяев Д.А. (2021). Проектирование финансового механизма «технологического прорыва».

Как «отформатировать» свои экосистемы, чтобы чужие цифровики и финансисты не «отформатировали» нас. / Экономические стратегии. Т. 23. № 5(179). С. 36–45. DOI 10.33917/es-5.179.2021.36-45.

Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике (2009) / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитоновой. М.: «Тривант». 304 с.

Толкачев С.А. (2020). Концепция отраслевого распространения базисных технологий: новый технологический мегацикл / С.А. Толкачев, А.Ю. Тепляков // Экономист. № 1. С. 25–35.

Швейцер П. (1995). Победа: роль тайной стратегии Администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря [пер. с пол. Л. Филимоновой]. Минск: Авест. 463 с.

Энгельс Ф. (1878). Анти-Дюринг. М.: Изд-во политической литературы, 1988. 500 с.

Highham Ch. (1983). Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi American Money Plot 1933 New York. 201 p.

Perkins J. (2005). Confessions of an Economic Hit Man. Ebury Press. 250 p.

Madisson Historical Statistics of the World Economy1-2008 AD; IMF World Economic Outlook, October 2016.

References

Bodrunov S.D. (2018). Noonomy. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p.

Glaziev S.Yu. (2016a). National Economy Structures in the Global Economic Development. *Ekonomika i matematicheskie metody – Economics and Mathematical Methods*. No. 2, pp. 3–29.

Glaziev S.Yu. (2016b). Last World War. USA starts and loses. Moscow: Knizhnyi mir Publ. 253 p.

Glaziev S.Yu. (2016c) Applied results in the theory of world economic structures. *Ekonomika i matematicheskie metody – Economics and Mathematical Methods*. No. 3, pp. 3–21.

Glaziev S.Yu. (2018). Leap into the future. Russia in the new technological and world economic structures. Moscow: Knizhnyi mir Publ. 768 p.

Glaziev S.Yu. (2019). Management of economic development: a course of lectures. Moscow: Moscow University Publ. 759 p.

Ershov M.V. (2020). About the failures of global and Russian financial markets and measures to support the economy and the population in the context of the pandemic. *Rossiiskiy ekonomicheskiy zhurnal – Russian Economic Journal*. No. 3, pp. 41–49. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-3-41-49

Zinov'ev A.A. (2000). West. Moscow: Tsentrpoligraf Moscow. 507 p.

Klyukin N.Yu., Gutnikov V.A. (2018). Assessment of the Agricultural Sphere Biological Capacity in order to Determine the Limit of the Earth's Population. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik – Public Administration. E-Journal*. No. 69, pp. 482–497.

Kuznetsov V.A. (2009). Novaya ekonomika i postindustrial'noe obshchestvo: sopostavlenie ponyatiy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. pp. 22–27.

Matchenko E.A. (2012). Principles of the strategy for the development of nanotechnologies in the sector “medicine and biotechnology” within the framework of the new technological paradigm. *Moscow: NPI Publ.* pp. 179–183.

Mityaev D.A. (2021). Designing a Financial Mechanism for a “Technological Breakthrough”. How to “Format” Own Ecosystems so That Other People's Digital Devices and Financiers Should Not “Format” Us. *Ekonomicheskie strategii – Economic strategies*. Vol. 23, no. 5(179), pp. 36–45. DOI 10.33917/es-5.179.2021.36-45.

- Glazieva S.Yu., Kharitonova V.V., ed. (2009). Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy. Moscow: «Trovant» Publ. 304 p.
- Tolkachev S.A., Teplyakov A.Yu. (2020). The concept of sectoral diffusion of basic technologies: a new technological megacycle. *Ekonomist – Economist*. No. 1. pp. 25–35.
- Shveitser P. (1995). *Pobeda: rol' tainoi strategii Administratsii SShA v raspade Sovetskogo Soyuza i sotsialisticheskogo lagerya*. Minsk: Avest Publ. 463 p.
- Engel's F. (1878) *Anti-Dyuring*. Moscow: Politicheskoi literatury Publ. 500 p.
- Highham Ch. (1983). *Trading With The Enemy: An Expose of The Nazi American Money Plot*. 1933. New York. 201 p.
- Perkins J. (2005). *Confessions of an Economic Hit Man*. Ebury Press. 250 p.
- Madisson Historical Statistics of the World Economy* 1-2008 AD; IMF World Economic Outlook, October 2016.

Информация об авторе

Глазьев Сергей Юрьевич

Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор, академик РАН (115114, г. Москва, ул. Летниковская, д. 2, стр. 1, стр. 2.)

E-mail: sy_glazyev@guu.ru

Information about the author

Sergey Yu. Glaziev

Dr. of Sc. (Econ.), Professor, Academician of RAS, Member of the Board - Minister in charge of Integration and Macroeconomics, Eurasian Economic Commission (2 Letnikovskaya St., bld.1/2, Moscow 115114, Russia)

E-mail: sy_glazyev@guu.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-65-80

А. И. Колганов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, РФ)

ЭВОЛЮЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ¹

Аннотация: в статье рассматривается вопрос взаимного влияния сдвигов в структуре экономики и изменения содержания деятельности человека в производстве. Эта проблематика лишь частично затрагивается в имеющихся социологических, экономических и философских исследованиях. Содержание труда и структура экономики чаще всего рассматриваются изолированно, а их взаимное влияние изучается лишь в ракурсе инвестиций в «человеческий капитал», необходимых для функционирования и развития современных технологий в производстве. Однако происходящие в последние десятилетия технологические сдвиги ведут к значительному расширению круга человеческой деятельности, которой с необходимостью присущи творческие функции. Эта зависимость получила искаженное отражение в концепции «креативного класса», поскольку в его состав оказались включены занятые, вовлеченные в деятельность, оказывающую неоднозначное, а подчас и противоположное по значению воздействие на эволюцию структуры экономики. Значительная часть творческого потенциала используется для извлечения прибыли путем производства симулятивных благ, манипулирования рынком и предпочтениями потребителей. Особое внимание сконцентрировано на ситуации в России, где наличие значительного человеческого потенциала сопровождается его постепенной деградацией, а сдвиги в экономической структуре определяют низкий уровень востребованности этого потенциала. Такая ситуация находится в контрасте с периодом 20–30-х гг. XX века, когда в СССР осуществлялась стратегия технологической модернизации, опиравшаяся, в том числе и на программу подготовки квалифицированных кадров и развития научных исследований. Переход к широкому использованию творческих функций в трудовой деятельности потребует как прогрессивного изменения технологической структуры экономики, так и изменения критериев производственной деятельности путем отхода от экономической рациональности в пользу критериев разума и культуры. Такой переход потребует соответствующего изменения общественных отношений в пользу отношений сотрудничества и солидарности и глубоких сдвигов в институциональной структуре.

Ключевые слова: содержание труда, творческая деятельность, технология, человеческий потенциал, структура экономики, ноономика.

Для цитирования: Колганов А. И. (2022). Эволюция содержания человеческой деятельности и изменение структуры экономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 65–80. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-65-80.

Дата поступления статьи: 11 января 2022 г.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007\21.

Andrey I. Kolganov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE EVOLUTION OF THE CONTENT OF HUMAN ACTIVITY AND THE CHANGE IN THE STRUCTURE OF THE ECONOMY

Abstract: The article raises the question of how the mutual influence of shifts in the structure of the economy and changes in the content of human activity in production occurs. This problem is only partially addressed in the available sociological, economic and philosophical studies. The content of labor and the structure of the economy are most often considered in isolation, and their mutual influence is studied only from the point of view of investments in “human capital” necessary for the functioning and development of modern technologies in production. However, the technological shifts taking place in recent decades have led to a significant expansion of the range of human activities, which necessarily have creative functions. This dependence was distorted in the concept of the “creative class”, since it included employed people involved in activities that have an ambiguous and sometimes opposite impact on the evolution of the structure of the economy. A significant part of the creative potential is used to extract profit by producing simulated goods, manipulating the market and consumer preferences. Particular attention is paid to the situation in Russia, where the presence of significant human potential is accompanied by its gradual degradation, and shifts in the economic structure determine the low level of demand for this potential. This situation is in contrast with the period of the 20s – 30s. The twentieth century, when the USSR implemented a strategy of technological modernization, based, among other things, on the program of training qualified personnel and the development of scientific research. The transition to the widespread use of creative functions in labor activity will require both a progressive change in the technological structure of the economy and a change in the criteria of production activity by moving away from economic rationality in favor of the criteria of reason and culture. Such a transition will require a corresponding change in public relations in favor of relations of cooperation and solidarity and deep shifts in the institutional structure.

Keywords: labor content, creative activity, technology, human potential, economic structure, noonomy.

For citation: Kolganov A.I. (2022). The evolution of the content of human activity and the change in the structure of the economy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 65–80. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-65-80.

Received January 11, 2022

科尔加诺夫 A.I.

莫斯科大学, 莫斯科

人类活动内容的演变和经济结构的变化

摘要: 文章论述了经济结构变动与人类生产活动内容变化之间相互影响的问题。在现有的社会学、经济学和哲学研究中, 对这个问题只是进行了部分探讨。劳动内容和经济结构二者往往

被孤立地研究,只是从现代生产技术的运用和发展所必需的“人力资本”投资的角度研究它们的相互作用。然而,近几十年来发生的技术进步导致具有创造性的人类活动范围显著扩大。这种相互作用在“创意阶层”概念中被扭曲,因为它由劳动者构成,而这些劳动者参与的活动对经济结构演变产生了不一致的、甚至有时是矛盾的影响。创造能力的大部分被用于生产满足虚假消费的商品、操纵市场和诱导消费者的需求,以获取利润。文章重点研究了俄罗斯的情况。在俄罗斯人类巨大的潜力正在逐渐退化,经济结构变动决定了对这种潜能的需求水平很低。这种情况与20世纪20-30年代形成鲜明对比。当时苏联正在实施技术现代化战略,其支点之一就是培训专业人才和发展科学研究。向在劳动活动中广泛利用创造性的模式过渡,既需要逐步改变经济的技术结构,也需要改变生产活动的标准,摒弃经济合理性的标准,转而采用理性和文化标准。这样的转型需要社会关系发生相应的变化,形成合作和团结的关系,也需要体制发生深刻的转变。

关键词: 劳动内容、创造活动、技术、人的潜力、经济结构、智力经济。

引文注释: 科尔加诺夫 А. И. (2022). 人类活动内容的演变和经济结构的变化. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 65–80. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-65-80.

文章已收到 2022 年 1 月 11 日

Введение

Обычно изменение структуры экономики оценивают по таким показателям, как удельный вес различных отраслей или различных видов продукции. Определяется, какую долю в ВВП занимает производство, скажем, машиностроение или транспорт, либо отдельные виды продукции – например, доля добычи нефти в ВВП и т.д.

Структура экономики может оцениваться также с точки зрения удельного веса работников различных отраслей в общей численности занятых. Подсчитывают, сколько людей занято в промышленности, сколько занято на транспорте, сколько в торговле, сколько в сфере финансовых услуг и т.д. Могут оцениваться не отрасли занятости, а профессиональные группы. Сколько в экономике занято инженеров, сколько промышленных рабочих, сколько менеджеров, продавцов, официантов и так далее.

Значительно реже предпринимаются попытки оценки структуры экономики с точки зрения различия в технологических уровнях производства. Технологическую структуру экономики оценить довольно сложно, поскольку нет статистических показателей, которые измеряли бы уровень технологического развития прямо. Поэтому измерение технологической структуры строится главным образом на основе экспертных оценок. Проводятся оценки того, какую долю в экономике занимает производство на основе того или иного технологического уклада. Но, с такими оценками мы сталкиваемся довольно редко, хотя они делаются. Еще более редкими в экономической теории были оценки с позиции различия характера деятельности людей, занятых в экономике.

Нельзя сказать, что этими вопросами наука не занималась, но они поднимались, главным образом, в социологических науках, и притом первоначально лишь в прикладном аспекте, когда изучались вопросы эффективной организации труда, мотивация трудовой деятельности и тому подобные вопросы. Эти проблемы получили разработку в классических трудах Ф. Тэйлора, Х. Эмерсона и Э. Мэйо [Taylor, 1911; Emerson, 1909; Mayo, 1933].

Лишь после второй мировой войны эти исследования получили более глубокую теоретическую ориентацию в трудах Дж. Фридмана, П. Томпсона и У. Бека [Friedmann, 1950; Thompson, 1989; Beck, 2000].

Одновременно развивались прикладные исследования, в рамках которых содержание труда более пристально исследовалось с точки зрения усиления его мотивации через улучшение качества труда, что должно было привести к росту удовлетворенности трудом [The Quality.., 1979]. Исследованиями такого рода занимался, например, Tavistock Institute of Human Relations (Лондон), осуществлявший ряд экспериментов по так называемой гуманизации труда с использованием социотехнического подхода [Alter, 2015; Bednar, 2020; Mumford, 2000; Welch, 2020]. Но и в рамках этих исследований не изучалось взаимовлияние содержания труда и структуры экономики.

Что же касается экономической теории, то она, ни в ее неоклассическом варианте, ни в рамках нового институционализма, содержанием труда не занималась. И, соответственно, она не занималась оценкой его влияния на экономическую структуру.

В СССР вопросы содержания труда исследовались и философами [Волков, 1972; Научные кадры.., 1991], и социологами [Человек.., 1967; Чангли, 1973], и экономистами [Врублевский, 1980]. Но в экономической науке содержание труда исследовалось также либо в прикладном аспекте, перекликаясь с аналогичными социологическими исследованиями, либо на самом абстрактном политико-экономическом уровне. Связь изменений в содержании человеческой деятельности с изменением структуры экономики практически не исследовалась, оставаясь на уровне догматического истолкования тезисов о сближении аграрного и индустриального, физического и умственного труда при социализме, и превращении труда в первую жизненную потребность [Гатовский, 1979, с. 242; Изменение содержания.., 1982].

В экономической теории на Западе внимание к содержанию труда с точки зрения его влияния на развитие структуры экономики в некоторой степени стало проявляться в связи с введением в исследования категории «человеческого капитала». Однако эта категория отражает лишь затратную сторону эволюции содержания труда, то есть инвестиции в образование, повышение квалификации, профессиональную подготовку и переподготовку. Это лишь косвенным образом может свидетельствовать о сложности труда, но совсем не затрагивает качественные характеристики его содержания.

Методология исследования

На практическом уровне связь структуры экономики с содержанием труда и квалификацией занятых улавливалась довольно давно. Было понятно, что технологические сдвиги влекут за собой изменения не только в профессиональной структуре занятых, но и в характере их труда, что требует соответствующей квалификации, соответствующего уровня образования и подготовки. А без обеспечения такой подготовки работников невозможно эффективно изменять и технологическую структуру производства. Например, индустриализация СССР потребовала значительных усилий как по повышению уровня элементарной грамотности населения, так и по существенному расширению сети профессионального образования всех уровней.

Так, к началу 1-й пятилетки в промышленности СССР имелось всего 31 тысяча инженеров и 35 тысяч техников. Для обеспечения развертывания процесса индустриализации

было намечено в течение пятилетки подготовить 176 тысяч инженеров и 259 тысяч техников [Петровский, 1930, с. 15–16]. Расширялась подготовка специалистов с высшим образованием. Количество принятых в вузы возросло с 56,2 тысяч в 1929 году до 245,8 тысяч в 1932 г. [Лапко, 1972, с. 12]

Кроме того, происходил опережающий рост удельного веса занятых в сфере научных исследований и опытно-конструкторских разработок. К 1925 году в системе Академии наук числилось уже 42 научных учреждения. Значительное число академических организаций было создано на базе Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) [Романовский, 1999, с. 161]. В 1925 году в системе высшего образования была создана аспирантура. В 1927 году численность аспирантов составляла всего 0,9 тысяч человек, в 1929 году численность аспирантов достигла 3 тысяч, в 1933 году – уже 14,8 тысяч, затем несколько сократилась, но в 1940 году достигла 16,9 тысяч [Аллахвердян, 2014, с. 125–126; Лапко, 1972, с. 21].

То, что получило на Западе название «информационной революции» и «экономики знаний» также подтолкнуло к усилению внимания к содержательной стороне труда именно в связи с необходимостью значительных инвестиций в образование и профессиональную подготовку. Однако до сих пор вопросы содержания трудовой деятельности, несмотря на значительное внимание к данной проблематике в социологических и прикладных экономических исследованиях, мало занимают представителей основного течения экономической теории. Например, нашумевшие исследования Р. Флориды, посвященные креативному классу, – это разработки не столько экономиста, сколько социолога и специалиста по менеджменту. [Florida, 2002a; 2005b].

Флорида, на наш взгляд, удачно выразил широко распространенное в среде социологов убеждение, что в условиях современной экономики ее технологическое развитие, опирающееся на инновационные процессы, делает востребованной творческую активность для все более широкого слоя людей. Хотя критерии, которые он использует для определения принадлежности к креативному классу (образ жизни, увлечения и т.д.), являются довольно расплывчатыми, что допускает их произвольное толкование. У Флориды заметна тенденция к расширению понятия креативного класса прежде всего за счет того слоя занятых, которые обслуживают в первую очередь интересы спекулятивного финансового капитала, обеспечивают производство симулятивных благ и манипулирование общественным сознанием. Это отметил в своих работах даже его учитель, Питер Маркузе [Marcuse, 2003, pp. 40–41].

В своем нынешнем виде креативность деятельности, с одной стороны, безусловно, способствует развитию экономики, а, с другой стороны, порождает глубокие противоречия – как в положении того слоя людей, которые именуются креативным классом, так и в отношениях этого слоя креативных работников, с одной стороны, с массой рядовых занятых, а, с другой стороны, с представителями капитала. Креативный класс в целом занимает относительно привилегированное положение: и по условиям труда, и по условиям его оплаты, находясь в более благоприятном положении по сравнению с массой рядовых работников, особенно, если смотреть на рядовых сотрудников сферы услуг. В то же самое время можно констатировать неустойчивость занятости многих категорий творческих работников, использование потенциала творческого труда зачастую не для целей развития, а для продвижения на рынок иллюзорных благ и симулякров, предназначенных лишь для извлечения прибыли от потребителей. Фактически, значительная часть творческого потенциала рас-

ходуется на такие виды деятельности, которые, в общем-то, мало что вносят в развитие экономики, а иногда и наносят ей ущерб. Огромный потенциал творческих способностей людей используется, например, для совершенствования спекулятивных операций на финансовом рынке [Бузгалин, Колганов, 2019, с. 21–23].

Поэтому, рассматривая структуру экономики с точки зрения того, как на нее влияет характер деятельности занятых в экономике людей, мы не можем приводить к единой оценке всех представителей креативного класса, так как они решают разные задачи. Несмотря на то, что содержательно их деятельность несет в себе творческие компоненты, эта творческая деятельность по-разному оказывает влияние на развитие экономических процессов и на изменение структуры экономики.

Основные результаты и их обсуждение

Какие условия необходимы для практического решения задачи превращения человека экономического в человека творческого? Достаточно ли для такого превращения только наличие творческих функций в деятельности людей? Недостаточно. Потому что, во-первых, отказ от экономической рациональности и ориентация на развитие творческих способностей человека как на основную цель производства требует существенных сдвигов в общественных отношениях, на основе которых осуществляется производственная деятельность (что мы рассмотрим подробнее далее). Во-вторых, творческие функции, на данном уровне развития экономики, присущи далеко не самому многочисленному слою работников. Несмотря на преувеличенные оценки численности креативного класса у Р. Флориды, реально творческим трудом занята сравнительно небольшая часть людей. Да, их стало значительно больше, чем было, скажем, 50 или 100 лет назад. Но все-таки этот слой немногочисленный.

Какие условия необходимы для практического решения задачи превращения человека экономического в человека творческого? Достаточно ли для такого превращения только наличие творческих функций в деятельности людей? Недостаточно. Потому что, во-первых, отказ от экономической рациональности и ориентация на развитие творческих способностей человека как на основную цель производства требует существенных сдвигов в общественных отношениях, на основе которых осуществляется производственная деятельность (что мы рассмотрим подробнее далее). Во-вторых, творческие функции, на данном уровне развития экономики, присущи далеко не самому многочисленному слою работников. Несмотря на преувеличенные оценки численности креативного класса у Р. Флориды, реально творческим трудом занята сравнительно небольшая часть людей. Да, их стало значительно больше, чем было, скажем, 50 или 100 лет назад. Но все-таки этот слой немногочисленный.

Следует особо подчеркнуть, что в России этот слой существенно уменьшился в ходе радикальных рыночных реформ.

Сложилась парадоксальная ситуация: по формальным показателям удельный вес занятых с высшим образованием заметно вырос. В 2005 году лиц с высшим образованием среди занятых было 25,3%, а в 2018 их доля достигла 33,6% [Труд и занятость..., 2017а, с. 32; 2019b, с. 20]. При этом параллельно происходит значительная декартификация рабочей силы, причем этот процесс происходил не только во время разрушительного спада 90-х годов. Так, если в 2010/2011 учебном году была подготовлена 581 тысяча квалифицированных рабочих и служащих, то в 2018/2019 – всего лишь 169 тысяч [Труд и занятость..., 2019, с. 89].

При таких обстоятельствах вполне понятно, что российские предприниматели во весь голос жалуются на недостаток квалифицированных кадров на рынке труда. Но что делают сами предприниматели для решения этой проблемы? Похоже, они старательно создают экономические условия, способствующие усугублению этого дефицита специалистов и квалифицированных работников. Об этом можно судить по заниженному уровню оплаты квалифицированного труда и стремлению занижать сами расходы на подготовку кадров. Бизнес (особенно мелкий и средний) зачастую не выделяет финансовые потоки на подготовку кадров, а те крупные компании, которые все же расходуют средства на повышение квалификации своих работников, затрачивают на эти цели примерно 0,5–0,7% от величины фонда оплаты труда. Что же касается развитых стран, то в них крупные компании расходуют на аналогичные цели от 5 до 10% фонда оплаты труда [Лебедева, 2010, с. 86]. Итак, потребность в специалистах вроде бы есть, но фактически эффективный спрос на их услуги предъявляется в крайне узких пределах [Гимпельсон, 2016].

Такое положение вещей зависит не только от скудости или неадекватности российского бизнеса (хотя эти недостатки ему также присущи), но и от объективной ситуации с эволюцией структуры российской экономики. Российский бизнес, за исключением добывающей промышленности, финансовых и посреднических услуг, в основном характеризуется низкой нормой рентабельности, и не может преодолеть макроэкономические, институциональные и бюрократические барьеры, препятствующие повышению эффективности предпринимательства. Экономика длительное время находится в состоянии, близком к стагнации. А если у предпринимателя нет уверенности в расширении рынка, то нет и стимулов к значительным инвестициям, в особенности, к инвестициям в технологические инновации. Та технологическая деградация экономики, которая произошла в 90-е годы XX века, сохраняется, не происходит развитие высокотехнологичных секторов экономики и наукоемкого производства.

В целом темпы создания новых рабочих мест держатся на уровне не более 4–5% в год, а выбытие рабочих мест происходит более высокими темпами, нежели их создание – 5–6% в год [Гимпельсон, Жихарева, Капелюшников, 2014]. При этом технологическая деградация производства находит свое выражение в сокращении числа высокопроизводительных рабочих мест, которое оказывается еще более значительным, чем в экономике в целом. Так, в 2015 году их количество снизилось на 9%, а в 2016 году – еще на 4,8%. Это снижение наиболее глубоко затронуло такие отрасли, как обрабатывающая промышленность, образование, здравоохранение, связь [Серебрякова и др., 2017, с. 256].

Поэтому и на рынке труда реальным спросом пользуются в основном низкооплачиваемые работники низшей и средней квалификации [Гимпельсон, 2016]. В результате к наиболее типичным профессиям, на которые имеется спрос на российском рынке труда, относятся строители, водители и продавцы.

Технологическая примитивизация структуры экономики одновременно подрывает материальную базу инновационного развития, и препятствует использованию для этой цели имеющегося человеческого потенциала. Еще в 90-е годы XX века в экономической науке получила обоснование позиция, согласно которой инновационное развитие опирается прежде всего на человеческий капитал [Nelson, Phelps, 1966; Romer, 1990; Redding, 1996; Aghion, Howitt, 1998].

Человеческий капитал рассматривается «как основной источник инноваций, повышающий способность индивидов производить технические изменения и адаптироваться к ним»¹ [Blundell et al, 1999, p. 16].

И это не просто некое общее соображение. Имеется целый ряд эмпирических исследований, подтверждающих наличие несомненной связи инновационной активности и освоения новых технологий с уровнем накопленного человеческого капитала [Benhabib, Spiegel, 1994]. В рамках проведенных исследований пока не ясно, какой из факторов является первичным. Выступает ли технологическое развитие и инновационная активность как источник потребности в человеческом капитале, или же наличие человеческого капитала определяет возможности инновационного развития и технологической модернизации [Blundell et al, 1999, p. 17]. Тем не менее, можно с уверенностью говорить о том, что уровень образования и профессиональной подготовки является фактором, позитивно влияющим на накопление физического капитала [Gemmel, 1996; Lillard, Tan, 1992].

К сожалению, в российской экономике выявленные взаимозависимости оборачиваются своей негативной стороной. Низкий уровень инновационной активности и технологического обновления производства ведет к тому, что оказывается мало востребованным человеческий капитал. Имеющийся интеллектуальный потенциал нации и творческие способности занятых далеко не в полной мере используются для экономического развития России.

Этот прискорбный вывод подтверждается изучением статистических данных. Можно процитировать результаты такого исследования: «в структуре факторов производства многократно снизилась роль знаний и информации как фактора производства. В российской экономике отдача от фактора земли (в виде горной ренты) в 31 раз выше, чем от интеллектуальной ренты (для США, Германии, Франции это соотношений менее 1). Инвестирование средств производства в России опережает вложения в НИОКР в 28,6 раз, в развитых странах – не более 6 раз. Поэтому доля промышленной добавленной стоимости в ВВП в России более чем в два раза отстает от уровня США, Германии и Франции, а доля высокотехнологичного экспорта в ВВП – в 7–12 раз. Это является основным препятствием роста предложения высокооплачиваемых рабочих мест для технических специалистов – основы современного среднего класса, со стороны российской промышленности» [Гасанов, 2014].

Поэтому имеющийся в стране неплохой уровень человеческого потенциала не дает возможного экономического эффекта. Если технологический уровень деградирует, а капиталовооруженность труда снижается, то самые лучшие работники не смогут продемонстрировать высокопроизводительный труд. Это наглядно видно на примере такой отрасли, как машиностроение. В ней произошло сокращение производственных мощностей, которое опережало темпы сокращения персонала, что означало падение уровня капиталовооруженности труда. В российском машиностроении на 1 станок приходится 4,7 работника, а в странах Евросоюза – 0,8. В результате и производительность труда в машиностроительной отрасли России в шесть раз ниже, чем в ЕС [Экономические..., 2018].

Отсутствие стратегии технологической модернизации, а по некоторым направлениям – и продолжение технологической деградации, не могут не сказаться и на востребованности науки, и, соответственно, на состоянии ее человеческого потенциала. Идет сокращение

¹ Перевод Авт.: «...Human capital as the primary source of innovation, increasing individuals' capacity both to produce technical change and to adapt to it».

занятости в сфере НИОКР, несмотря на формальный рост подготовки научных и преподавательских кадров. Так, численность аспирантов с 1990 по 2016 год выросла более, чем в полтора раза [Российская наука..., 2018, с. 32]. Однако персонал, занятый в сфере НИОКР, сократился с 1943,4 тысяч человек в 1990 году до 887,7 тысяч в 2000 году. Более того, далее это сокращение продолжилось, и в 2016 году в сфере НИОКР было занято уже 722,3 тысяч человек [Российская наука..., 2018, с. 28]. Особенно серьезные потери понес внутрифирменный сектор исследований и разработок. В нем численность персонала к 2018 году упала до 51,1 тысяч человек [Индикаторы..., 2020, с. 178]. При такой численности занятых во внутрифирменном секторе НИОКР говорить о его реальном значении для российского бизнеса не приходится.

Такая ситуация с исследованиями и разработками неизбежно становится барьером на пути развития инновационной экономики. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, за последние 20 лет практически не вырос и остается на недопустимо низком уровне. В России этот показатель составил в 2017 году 7,5%, что характеризует вопиющее отставание от европейских стран. Так, в Бельгии аналогичный показатель составил 62,1%, в Финляндии – 58,2%, в Германии – 50,0%, в Эстонии – 44,4%, и даже в Болгарии – 19,8% [Индикаторы..., 2019, с. 343].

Сложившееся положение находится в резком контрасте с усилиями по наращиванию возможностей человеческого потенциала страны в 20-е – 30-е годы XX века. Но тогда изменение профессионально-квалификационной структуры занятых рассматривалось как составная часть стратегии индустриализации, состоявшей как в повышении удельного веса промышленности в экономике, так и в переходе преимущественно от 1-го и 2-го технологических укладов к 3-му и отчасти к 4-му. Эта стратегия опиралась на соответствующие социально-институциональные предпосылки, в том числе на плановое регулирование структурной перестройки экономики, включая и структуру занятости. Уже план ГОЭЛРО, принятый в 1920 году, предполагал значительные технологические и структурные сдвиги, осуществление которых подготовило промышленный рывок в годы первых пятилеток.

Разумеется, те сдвиги в содержании труда, которые происходили в 20-е – 30-е годы, обеспечивали распространение в основном массовых профессий – промышленных рабочих, в меньшей степени – инженеров, конструкторов, техников, и совсем несопоставимо с современными масштабами – научных работников. О массовом овладении творческими функциями в труде речь не шла, хотя серьезные попытки привнести творческие элементы в массовую трудовую деятельность и предпринимались (например, через развертывание движения рационализаторов и изобретателей).

В российской экономике до сих пор не наблюдается какой-либо осмысленно осуществляемой стратегии структурно-технологической модернизации производства [Квинт, 2015] и необходимой для этого стратегии подготовки кадрового потенциала.

Исследования проблем отставания российской экономики от более развитых стран показывают, что разрыв в человеческом потенциале пока играет очень небольшую роль в этом отставании. Анализ многофакторной производительности показал, что отрыв России по этому показателю от более развитых стран лишь на величину в 3% (в среднем) определяется уровнем развития человеческого капитала. Наибольший вклад в этот отрыв вносит разница в уровне технологического развития – 61%, и отставание по степени капиталовооруженности – 36% [Зайцев, 2016, с. 17–20].

Казалось бы, на этом можно подвести итог, и не обращать внимания на тревожные факты относительно уровня развития человеческого потенциала России, которые приводились в статье выше, а делать акцент только на совершенствование технологий и повышение капиталовооруженности труда. Но более высокотехнологичный и более капиталовооруженный труд сразу же станет предъявлять и более высокие требования к образованию и квалификации работников. Поэтому перевод экономики России на новый технологический уровень потребует и соответствующих инвестиций в развитие человеческого потенциала.

Выводы

На нынешнем этапе развития, когда речь идет о широком распространении 5-го технологического уклада и о зарождении 6-го, роль творческих функций в труде существенно возрастает. Но для того чтобы в современной экономике творческая деятельность стала достоянием большинства, должны произойти очень существенные сдвиги в технологической основе производства, в сторону формирования так называемого «безлюдного производства».

Однако, пока еще очень сложно сказать, насколько и когда это станет возможным для значительной части массовых профессий сферы услуг. Здесь есть очень серьезный вопрос, который разрабатывается в исследованиях нашего коллеги А. Фримана [Freeman, 2015].

Вопрос стоит о таких видах труда, которые принципиально не заменимы машинами. Причем это не значит, что они по своим технологическим условиям не поддаются замене машинами. Это одна сторона вопроса. Есть такие разновидности труда, которые с точки зрения современных представлений, вообще, в принципе, никогда не будут заменены машинами.

А есть такие виды труда, для которых замена машинами просто нецелесообразна. Например, можно заменить исполнителя, скажем, музыки, воспроизведением этой музыки с помощью звукозаписывающего и звуковоспроизводящего устройства, и такая замена получила широкое распространение уже начиная с XIX века. Но живое исполнение музыки всегда будет более ценно для восприятия людей, чем использование технических устройств. Здесь есть моменты такого межперсонального психологического контакта, который машина предоставить не может.

И, кроме того, следует сказать, что даже широкое распространение творческих функций еще не решает проблему, потому что должна измениться вся система мотивов, целей и ценностей человеческой деятельности, которые, безусловно, меняются под воздействием содержания человеческого труда, но этот процесс происходит не автоматически. Условием этого перехода является эволюция отношений между людьми, эволюция тех социально-экономических условий, в которых они работают.

И здесь мы можем обратиться к работам С.Д. Бодрунова, где подчеркивается необходимость изменения отношений между людьми в духе солидарности и эволюции их культурных ценностей в пользу самореализации и развития творческого потенциала человека [Бодрунов, 2021b, с. 28–29]. Материальные предпосылки таких сдвигов закладываются, во-первых, технологическим прогрессом, ведущим к изменению структуры производства и уровня удовлетворения потребностей. Во-вторых, сдвиги в содержании человеческой деятельности меняют ценностные и потребительские ориентации человека [Бодрунов, 2021b, с. 78–79].

Однако превращение возможности эволюции человеческих отношений в духе солидарности в действительность требует также и сдвигов в системе общественных отношений и институтов. Необходима реализация дискретных институциональных альтернатив, уводящих общество от институтов, нацеленных на извлечение прибыли, к институтам, ориентированным на ценности развития творческого потенциала человека, опирающегося на критерии культуры. Именно изменения ценностных ориентаций, опирающиеся на изменения в содержании труда, будут ориентировать и на такое изменение структуры производства, которое будет служить разумному удовлетворению человеческих потребностей и развитию творческого потенциала человека.

Список источников

- Аллахвердян А. Г. (2014). Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование. М.: Изд-во «КогитоЦентр».
- Бодрунов С. Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция.
- Бодрунов С. Д. (2021a). Что такое ноономика? В: А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб: ИНИР.
- Бодрунов С. Д. (2021b). От хомо экономикус к хомо сапиенс // Вопросы философии, № 12, С. 18–31.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. (2019). Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. № 1. С. 18–28.
- Волков Г. Н. (1972). Человек и научно-техническая революция. М.: Наука.
- Врублевский В. К. (1980). Труд на пороге третьего тысячелетия. Труд и НТР: политико-экономический аспект. Киев: изд-во политической литературы.
- Гасанов М. А. (2014). Институциональные ловушки экономики благополучия в России и перспективы новой индустриализации // Современные проблемы науки и образования. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14611> (дата доступа: 03.01.2021).
- Гатовский Л. М. (1979). Опросы развития политической экономии социализма. М.: Наука.
- Гимпельсон В. (2016). Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики, № 10, С. 129–143.
- Гимпельсон В., Жихарева О., Капелюшников Р. (2014). Движение рабочих мест: что говорит российская статистика // Вопросы экономики, № 7. С. 93–126.
- Зайцев А. (2016). Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики, № 9, С. 67–93.
- Изменение содержания и характера труда в условиях развитого социализма. (1982). Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Индикаторы инновационной деятельности: 2019. (2019). Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ.
- Индикаторы науки: 2020. (2020). Статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ.
- Квинт В. Л. У России нет четкой стратегии развития, отсюда наши беды // Аргументы и факты (еженедельник), 2015, № 41, с. 21.
- Лапко А. Ф. (1972). Развитие высшего образования в СССР в период трех первых пятилеток // Успехи математических наук, том 27, выпуск 6(168). С. 5–23.

- Лебедева Ю.В. (2010). Инвестиции в человеческий капитал и экономический рост // Проблемы современной экономики, № 2 (34). С. 86–88.
- Научные кадры СССР. Динамика и структура. (1991). Под ред. В.Ж. Келле, С.А. Кугеля. М.: Мысль.
- Петровский Д.А. (1930). Реконструкция технической школы и пятилетка кадров. Л.: Гостехиздат.
- Романовский С.И. (1999). Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Российская наука в цифрах (2018). Власова В.В., Гохберг Л.М., Дьяченко Е.Л. и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ.
- Серебрякова Н.А., Волкова С.А., Шендрикова О.О., Волкова Т.А. (2017). Роль человеческого капитала в современной экономике и показатели ее оценки // Вестник ВГУИТ, Т. 79, № 4. С. 253–259. DOI: <http://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-4-253-259>.
- Труд и занятость в России (2017). Стат.сб. М.: Росстат.
- Труд и занятость в России (2019). Стат.сб. М.: Росстат.
- Чангли И.И. Труд (1973). Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука.
- Человек и его работа (социологическое исследование) (1967). Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль.
- Экономические эффекты от цифровизации и внедрения IoT в машиностроении в России. (2018). Аналитический Отчет. J'son & Partners Consulting. 17 Августа 2018. URL: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii-20180817013305 (дата доступа: 03.01.2021).
- Aghion, P. and Howitt, P. (1998). *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Alter S. (2015) «Sociotechnical Systems through a Work System Lens: A Possible Path for Reconciling System Conceptualizations, Business Realities, and Humanist Values in IS Development,» STPIS2015 (1st International Workshop on Socio-Technical Perspective in IS Development) associated with CAISE2015 (Conference on Advanced Information System Engineering), June 10–12, Stockholm, Sweden. University of San-Francisco Scholarship Repository. <https://repository.usfca.edu/at/54/>
- Beck, Ul. (2000). *The Brave New World of Work*. Cambridge, UK: Polity Press
- Bednar, P. M.; Welch, C. (April 2020). Socio-Technical Perspectives on Smart Working: Creating Meaningful and Sustainable Systems. *Information Systems Frontiers*. 22 (2), pp. 281–298. doi:10.1007/s10796-019-09921-1.
- Benhabib, J., Spiegel, M. (1994). The role of human capital in economic development: evidence from aggregate cross-country data. *Journal of Monetary Economics*, vol. 34, pp. 143–73.
- Blundell R., Dearden L., Meghir C., Sianesi B. (1999). Human Capital Investment: The Returns from Education and Training to the Individual, the Firm and the Economy. *Fiscal Studies*, vol. 20. No. 1, pp. 1–23.
- Emerson, H. (1909). *Efficiency as a Basis for Operation and Wages*. New York: Engineering Magazine.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Florida R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, HarperCollins.
- Freeman A. (2015). *Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour*. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*/ Kees van der Pijl (ed.) Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 352–375.

- Friedmann, G. (1950). *Où va le travail humain*. Paris: Gallimard.
- Gemmell, N. (1996). Evaluating the impacts of human capital stocks and accumulation on economic growth: some new evidence. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 58, pp. 9–28.
- Lillard, L. A., Tan, H. W. (1992). Private sector training: who gets it and what are its effects? *Research in Labor Economics*, vol. 13, pp. 1–62.
- Marcuse, P. (2003) Review of The rise of the creative class by Richard Florida. *Urban Land*. vol. 62, No. 8, pp. 40–41.
- Mayo, E. (1933). *The human problems of an industrial civilization*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mumford E. (2000) Socio-Technical Design: An Unfulfilled Promise or a Future Opportunity?. In: Baskerville R., Stage J., DeGross J.I. (eds) *Organizational and Social Perspectives on Information Technology*. IFIP – The International Federation for Information Processing, vol 41. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-0-387-35505-4_3
- Nelson, R. R., Phelps, E. S. (1966). Investment in humans, technological diffusion and economic growth. *American Economic Review*, vol. 56, pp. 69–75.
- Peck J. (2005). Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. Volume 29, Issue 4, pp. 740–770.
- Redding, S. (1996). Low-skill, low-quality trap: strategic complementarities between human capital and R&D. *Economic Journal*, vol. 106, pp. 458–70.
- Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, part II, pp. S71–102.
- Taylor, F.W. (1911). *Principles of scientific management*. New York, London, Harper & Brothers.
- The Quality of Working Life in Western and Eastern Europe*. London: Associated Business Press, 1979.
- Thompson, P. (1989). *The Nature of Work*, 2nd edn. Basingstoke: Macmillan.

References

- Allahverdyan A. G. (2014). *The Dynamics of Scientific Personnel in Soviet and Russian Science: an observable-historical research*. Moscow: KogitoCentr.
- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.*
- Bodrunov S.D. (2021a). What is noonomy? V: A(O)ntologiya_noonomiki: the fourth technological revolution and its economic, social and humanitarian consequences. St. Petersburg: INIR Publ.
- Bodrunov S.D. (2021b). From Homo Economicus – to Homo Sapiens. *Voprosy filosofii – The questions of philosophy*, no. 12, pp. 18–31.
- Buzgalin A. V., Kolganov A. I. (2019). Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. no. 1. pp. 18–28.
- Volkov G.N. (1972). *Human and the scientific and technological revolution*. Moscow: Nauka Publ.
- Vrublevskij V.K. (1980). *Labor on the threshold of the third millennium. Labor and scientific and technological revolution: political and economic aspect*. Kiev: Politicheskoy literatury Publ.
- Gasanov M.A. (2014). Institutional traps of economy of wellbeing to Russia and prospects of new industrialization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. no 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14611>.
- Gatovskii L.M. (1979). *Reviews of the political economy of socialism development*. Moscow: Nauka Publ.

- Gimpel'son V. (2016). Does the Russian economy need human capital? Ten doubt. *Voprosy ekonomiki – The questions of economics*, no. 10, pp. 129–143.
- Gimpel'son V., Zhikhareva O., Kapelyushnikov R. (2014). Job Turnover: What the Russian Statistics Tells Us. *Voprosy ekonomiki – The questions of economics*, no. 7. pp. 93–126.
- Zaitsev A. (2016). International differences in labor productivity: Role of capital, technological level and resource rent. *Voprosy ekonomiki – The questions of economics*, no. 9, pp. 67–93.
- Changes in the concept and character of labor under developed socialism. (1982). Leningrad.: Leningradskiy universitet Publ.
- Innovation performance indicators: 2019. (2019). *Statisticheskii sbornik – Statistical digest*. Moscow: HSE University Publ.
- Science indicators: 2020. (2020). *Statisticheskii sbornik – Statistical digest*. Moscow: HSE University Publ.
- Kvint V.L. (2015). Russia does not have a clear development strategy, hence our troubles. *Argumenty i fakty (ezhenedel'nik) – Arguments and facts (weekly)*, no. 41, s. 21.
- Lapko A.F. (1972). The development of higher education in the U.S.S.R. during the first three five-year plans. *Uspekhi matematicheskikh nauk – Russian Mathematical Surveys*, Vol. 27, no. 6(168):3, pp. 5–23.
- Lebedeva Yu. V. (2010). Investment in human capital and economic growth. *Problemy sovremennoi ekonomiki – Problems of modern economics*, no 2 (34). pp. 86–88.
- Nauchnye kadry SSSR. Dinamika i struktura*. (1991). Pod red. V. Zh. Kelle, S.A. Kugelya. Moscow: Mysl' Publ.
- Petrovskii D.A. (1930). Reconstruction of the technical school and the five-year plan of personnel. Leningrad: Gostekhizdat Publ.
- Romanovskii S.I. (1999). Science under the yoke of the Russian history. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ.
- Russian science in numbers. (2018). V.V. Vlasova, L.M. Gokhberg, E.L. D'yachenko. Moscow: HSE University Publ.
- Serebrjakova N.A., Volkova S.A., Shendrikova O.O., Volkova T.A. (2017). The role of human capital in the modern economy and indicators of its evaluation.
- Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta ingenernykh tekhnologii Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, Vol. 79, no. 4. pp. 253–259. DOI: <http://doi.org/10.20914/2310-1202-2017-4-253-259>.
- Labor and employment in Russia. 2017. (2017). Statisticheskii sbornik. Moscow, Rosstat Publ.
- Labor and employment in Russia. 2019. (2019). Statisticheskii sbornik. Moscow, Rosstat Publ.
- Changli I.I. Trud. (1973). Sociological aspects of the theory and methodology of research. M.: Nauka Publ.
- Zdravomyslova A.G., Rozhina V.P., Jadova V.A., ed. (1967). Human and his work. Moscow: Mysl' Publ.
- Ekonomicheskie efekty ot cifrovizatsii i vnedreniya IoT v mashinostroenii v Rossii*. (2018). Analiticheskij Otchet. J'son & Partners Consulting. 17 Avgusta 2018.
- Available at: https://json.tv/ict_telecom_analytics_view/ekonomicheskie-effekty-ot-tsifrovizatsii-i-vnedreniya-iot-v-mashinostroenii-v-rossii-20180817013305
- Aghion, P. and Howitt, P. (1998). *Endogenous Growth Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Alter S. (2015) «*Sociotechnical Systems through a Work System Lens: A Possible Path for Reconciling System Conceptualizations, Business Realities, and Humanist Values in IS Development*» STPIS2015 (1st International Workshop on Socio-Technical Perspective in IS Development) associated with

- CAISE2015 (Conference on Advanced Information System Engineering), June 10–12, Stockholm, Sweden. University of San-Francisco Scholarship Repository. Available at: <http://repository.usfca.edu/at/54/>
- Beck, Ul. (2000). *The Brave New World of Work*. Cambridge, UK: Polity Press
- Bednar, P. M.; Welch, C. (April 2020). Socio-Technical Perspectives on Smart Working: Creating Meaningful and Sustainable Systems. *Information Systems Frontiers*. 22 (2), pp. 281–298. doi:10.1007/s10796-019-09921-1.
- Benhabib, J., Spiegel, M. (1994). The role of human capital in economic development: evidence from aggregate cross-country data. *Journal of Monetary Economics*, vol. 34, pp. 143–73.
- Blundell R., Dearden L., Meghir C., Sianesi B. (1999). Human Capital Investment: The Returns from Education and Training to the Individual, the Firm and the Economy. *Fiscal Studies*, vol. 20, no. 1, pp. 1–23.
- Emerson, H. (1909). *Efficiency as a Basis for Operation and Wages*. New York: Engineering Magazine.
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York: Basic Books.
- Florida R. (2005). *The Flight of the Creative Class. The New Global Competition for Talent*. New York: Harper Business, HarperCollins.
- Freeman A. (2015). *Twilight of the machinocrats: creative industries, design and the future of human labour*. In: *Handbook of the International Political Economy of Production*/ Kees van der Pijl (ed.) Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, pp. 352–375.
- Friedmann, G. (1950). *Où va le travail humain*. Paris: Gallimard.
- Gemmell, N. (1996). Evaluating the impacts of human capital stocks and accumulation on economic growth: some new evidence. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 58, pp. 9–28.
- Lillard, L. A., Tan, H. W. (1992). Private sector training: who gets it and what are its effects? *Research in Labor Economics*, vol. 13, pp. 1–62.
- Marcuse, P. (2003) Review of The rise of the creative class by Richard Florida. *Urban Land*. vol. 62, no. 8, pp. 40–41.
- Mayo, E. (1933). *The human problems of an industrial civilization*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mumford E. (2000) *Socio-Technical Design: An Unfulfilled Promise or a Future Opportunity?* In: Baskerville R., Stage J., DeGross J.I. (eds) *Organizational and Social Perspectives on Information Technology*. IFIP – The International Federation for Information Processing, vol 41. Springer, Boston, MA. https://doi.org/10.1007/978-0-387-35505-4_3
- Nelson, R. R., Phelps, E. S. (1966). Investment in humans, technological diffusion and economic growth. *American Economic Review*, vol. 56, pp. 69–75.
- Peck J. (2005). Struggling with the Creative Class. *International Journal of Urban and Regional Research*. Volume 29, Issue 4, pp. 740–770.
- Redding, S. (1996). Low-skill, low-quality trap: strategic complementarities between human capital and R&D. *Economic Journal*, vol. 106, pp. 458–70.
- Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, part II, pp. S71–102.
- Taylor, F.W. (1911). *Principles of scientific management*. New York, London, Harper & Brothers.
- The Quality of Working Life in Western and Eastern Europe*. London: Associated Business Press, 1979.
- Thompson, P. (1989). *The Nature of Work*, 2nd edn. Basingstoke: Macmillan.

Информация об авторе

Колганов Андрей Иванович

Заведующий лабораторией сравнительного исследования экономических систем, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 46)

E-mail: onaglo@mail.ru

Information about the author

Andrey I. Kolganov

Dr. of Sc. (Econ.), Chief of the Laboratory of Comparative Study of Socio-Economic Systems, Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University (GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia)

E-mail: onaglo@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-81-100

С.А. Толкачев

Департамент экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, РФ)

А.Ю. Тепляков

Центр исследований долгосрочных закономерностей развития экономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, РФ)

КОНЦЕПЦИЯ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БАЗИСНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКОНОМИКЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ТЕОРИЙ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА¹

Аннотация: сформулирована и обоснована гипотеза о последовательном распространении базисных технологий в таких секторах, как средства коммуникации, производства и транспорта. Этот концептуальный подход позволяет объяснить ретроспективную динамику мировой системы хозяйственных связей и текущую глобальную экономическую ситуацию. Установлена циклическая повторяемость базовых технологий технологических укладов и соответствующих режимов регулирования мирохозяйственных отношений. Даются прогнозы относительно того, какие отрасли станут драйверами мировой экономики и какую внешнеэкономическую политику будут проводить ведущие страны мира на полувековом горизонте планирования. Обосновывается объективная онтологическая обусловленность формирования теорий индустриального и нового индустриального общества.

Ключевые слова: базисная технология, промышленная революция, технологический уклад, внешнеэкономическая политика, новое индустриальное общество.

Для цитирования: Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2022). Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 81–100. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-81-100.

¹ Данная статья ранее опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (Толкачев, С.А., Тепляков, А.Ю. Концепция циклической последовательности распространения базисных технологий в экономике и онтологическая обусловленность теорий индустриального общества / С. А. Толкачев, А. Ю. Тепляков // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 4 (62). – С. 19-36). Повторная публикация осуществлена в целях ознакомления с содержащимися в данной статье идеями более широкой читательской аудитории.

Sergey A. Tolkachev

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Artem Yu. Tepliakov

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

CONCEPT OF CYCLIC SEQUENCE IN THE DISSEMINATION OF BASE-LEVEL TECHNOLOGIES IN THE ECONOMY AND ONTOLOGICAL CAUSALITY OF INDUSTRIAL SOCIETY THEORIES

Abstract: The authors formulate and substantiate the hypothesis on sequential dissemination of base-level technologies in such segments as communications, production and transportation. This conceptual approach explains retroactive dynamics of the global economic system and the current situation in the world economy. The article establishes the cyclic repetition of basic technologies of technological modes and of relevant regimes that regulate global economic relations. The authors forecast which sectors will serve as global economic drivers and what foreign economic policies will be pursued by global leaders in the next fifty years. The article substantiates objective ontological causality behind the formation of industrial and new industrial society theories.

Keywords: base-level technology, industrial revolution, technological mode, foreign economic policies, new industrial society.

For citation: Tolkachev S. A., Tepliakov A. Yu. (2022). Concept of cyclic sequence in the dissemination of base-level technologies in the economy and ontological causality of industrial society theories. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 81–100. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-81-100.

托尔卡切夫 S. A.

俄罗斯联邦政府财政金融大学经济理论部, 俄罗斯莫斯科

腾里亚科夫 A. Yu.

俄罗斯联邦政府财政金融大学经济发展长期规律性研究中心, 俄罗斯莫斯科

经济中基本技术普及的周期连续性概念和工业社会理论的本体制约性

摘要: 本文提出并论证了通信、生产和运输等行业基础技术持续普及的假说。这种理性方法有助于解释世界经济关系体系的回顾性动态和当前的全球经济形势。指出了基本技术体制和相应的世界经济关系调节制度的周期性反复的特点。预测了哪些行业将成为全球经济的驱动力, 以及世界主要国家在半世纪规划中将采取哪些对外经济政策。论证了工业社会和新工业社会理论形成的客观本体制约性。

关键词: 基础技术、工业革命、技术体制、对外经济政策、新工业社会。

引文注释: 托尔卡切夫 S. A.、腾里亚科夫 A. Yu. (2022). 经济中基本技术普及的周期连续性概念和工业社会理论的本体制约性//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 81–100. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-81-100.

Введение

Переход к новому технологическому укладу (ТУ), совпадающий с наступлением эпохи очередной промышленной революции, нуждается во всестороннем политико-экономическом обосновании, опирающемся на глубокие исторические традиции. Одной из таких исследовательских парадигм является семейство теорий долгосрочного технологического развития. В ряде предыдущих публикаций [Толкачев 2017а, 2017b, 2017с, 2019] авторы, развивая концепцию технологических укладов С.Ю. Глазьева, описали циклическую закономерность смены форм внешнеэкономической политики ведущих капиталистических стран в исторической ретроспективе последних 2–3 веков. Суть закономерности сводится к последовательно чередующемуся (примерно полувековому) господству протекционизма, затем – фритредерства и, наконец, – империализма в глобальной системе хозяйственных связей (табл. 1). При этом под протекционизмом понимается широкий спектр государственных мероприятий по развитию и защите от иностранной конкуренции нарождающихся высокотехнологичных отечественных отраслей. Политика фритредерства предполагает либерализацию международной торговли, а империализм обеспечивает максимально беспрепятственное трансграничное движение международного капитала.

Таблица 1

*Смена форм внешнеэкономической политики ведущих капиталистических стран мира в XIX–XXI вв.**

Период	Форма внешнеэкономической политики
До 1840-х гг.	Протекционизм
1840–1870-е гг.	Фритредерство
1870–1910-е гг.	Империализм
1910–1940-е гг.	Протекционизм
1940–1970-е гг.	Фритредерство
1970–2010-е гг.	Империализм
2010–2040-е гг. (?)	Протекционизм
2040-е гг. – ?	Фритредерство?

* Табл. 1, 3, 7, 8 составлены авторами.

Методология исследования

Предположив, что данная закономерность обусловлена регулярностью и определенной последовательностью долгосрочных технологических изменений в экономике, за «исходный пункт» логической цепочки доказательства примем понятие базисной инновации (технологии), введенное в 1970-х гг. в научный оборот Г. Меншем [Менш 1979, 2019]. Неравномерное появление совокупностей инноваций он рассматривает в качестве главной причины долгосрочной смены фаз процветания и депрессии в экономике. Г. Менш выделяет базисные, улучшающие и кажущиеся (псевдоинновации) типы инноваций.

Базисная инновация – это основополагающее технологическое новшество с его промышленной реализацией. Благодаря базисным инновациям создаются новые отрасли. В экономической истории они проявляются в виде групп – кластеров. Данные кластеры возникали волнами примерно с полувековым интервалом преимущественно на понижательных волнах циклов Кондратьева. Однако массовое применение инноваций начиналось только

в фазе роста экономики и сопровождалось увеличением количества улучшающих инноваций (технологических новшеств в существующих областях хозяйственной деятельности, т. е. процессов и продуктов, более совершенных, чем предшествующие, с точки зрения производственной эффективности и удовлетворения потребительского спроса) и кажущихся (незначительных изменений в дизайне продукта).

С течением времени экономическая конъюнктура начинает стагнировать, поскольку коммерческий потенциал использования базисных инноваций близок к исчерпанию. Новых особенно продуктивных инвестиционных сдвигов не происходит, а инвестиции направляются в основном в рентный и спекулятивный капитал. В тех отраслях, где предшествующий рост был выше среднего, возникают избыточные мощности, создающие предпосылки для начала депрессии. Возникает ситуация «технологического пата», для преодоления которой требуются новые базисные инновации.

В периоды депрессий у предпринимателей часто остается альтернатива – начать инвестировать в новые технологии. Если инновации оказываются прибыльными, к ним обращается все больше предпринимателей. Создаются условия для нового продолжительного подъема в экономике.

Содержательно близкой к понятию базисной инновации является категория *технология широкого применения*, введенная в 1990-х гг. Т. Бреснахэном и М. Трахтенбергом [Бреснахэн 1991, General Purpose...1998, Полтерович, 2009]. Они характеризуют данную категорию как технологию, которая допускает многочисленные усовершенствования, применима во многих секторах экономики, комплементарна с другими технологиями и существенно повышает их эффективность. С учетом таких характеристик каждая технология широкого применения порождает «дерево» новых технологий, принципиально меняя технологическую структуру экономики, препятствуя убыванию отдачи факторов производства и тем самым поддерживая экономический рост.

В экономической литературе особенно «плотные сгустки» базисных технологий (технологий широкого применения) традиционно описывают понятием *промышленная революция (промышленный переворот)*. В 1830–1840-х гг. оно было введено в научный оборот французским экономистом А. Бланки и стало активно использоваться, в частности в трудах марксистов, для описания взрывообразного характера социально-экономических изменений на базе машинного производства, которые произошли на рубеже XVIII–XIX вв. в Англии, а затем и в других странах европейской цивилизации [Нуреев, 2019].

В 1915 г. британский социолог П. Геддес сформулировал, а в 1970-х гг. американский экономист Д. Лэндисом популяризировал концепцию второй промышленной (технологической) революции. Она охватывает период второй половины XIX – начала XX в. Ее началом считают внедрение бессемеровского способа выплавки стали в 1860-х гг., основой – создание электротехнической и химической промышленности, кульминацией – распространение поточного производства. В этот период инновации начинают генерироваться уже не на основе случайных изобретений отдельных инженеров-энтузиастов, а в рамках институционализированной прикладной науки. Данная революция быстро охватила Западную Европу, США, Российскую империю и Японию [Хулл, 1999]. В конце XX в. ученые заговорили о новой – информационно-технологической – революции.

М. Кастельс связал ее с использованием компьютеров, коммуникационных систем, генетическим декодированием и программированием, а ее рождение датировал 1970-ми гг.

Он писал: «Если первая индустриальная революция была британской, то первая информационно-технологическая революция – американской с калифорнийским уклоном. В обоих случаях ученые и промышленники из других стран играли важную роль как в открытии, так и в распространении новых технологий» [Кастельс, 2019].

Наконец, сравнительно недавно в научный оборот введен термин *четвертая промышленная революция*. Он появился в Германии на Ганноверской ярмарке в 2011 г. при обсуждении «Индустрии 4.0» – так был обозначен процесс коренного преобразования глобальных цепочек создания стоимости через распространение технологии «умных заводов» [Шваб, 2016].

Основные результаты и обсуждения

Вместе с тем, с учетом технологической «преемственности» между «Индустрией 4.0» и информационной революцией последней трети XX в. представляется целесообразным рассматривать эти процессы как этапы единого феномена – третьей промышленной революции. Тем более что в современной экономической науке есть авторитетные исследователи, обосновывающие именно такой подход к «нумерации» современного промышленного переворота (например, [Рифкин, 2014, Щедровицкий, 2019]).

Поскольку эпоха каждой промышленной революции охватывает большой промежуток времени (примерно столетие), важно проанализировать логику технологического развития экономики как внутри нее, так и на стыке промышленных революций. Такое более детальное научное осмысление позволяет сделать теория технологических укладов (ТУ) Д. С. Львова и С. Ю. Глазьева (см. табл. 2).

Таблица 2
Хронология и характеристика технологических укладов [Глазьев, 2010]

Номер ТУ	Характеристики ТУ		
	Период доминирования	Технологические лидеры	«Ядро»
1	1770-1830	Англия, Бельгия	Текстильное производство и машиностроение, выплавка чугуна, обработка железа, строительство каналов, водяной двигатель
2	1830-1880	Англия, Франция, Бельгия, Германия, США	Паровой двигатель, железнодорожное строительство, пароходостроение, угольная, станкоинструментальная промышленность, черная металлургия
3	1880-1930	Германия, США, Англия, Франция	Электротехническое и тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередач, неорганическая химия
4	1930-1970	США, СССР, Западная Европа, Япония	Автомобиле- и тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, добыча и переработка нефти
5	1970-2010	США, ЕС, Япония	Электронная промышленность, вычислительная и оптика-волоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, добыча и переработка газа, информационные услуги
6	2010-2050	США, ЕС, Китай, Япония, Россия(?)	Нанoeлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы, нанобиотехнологии, наносистемная техника

Примечательно, что хронологически на каждую промышленную революцию приходится по два ТУ. Отсюда можно предположить существование технологической преемственности укладов в рамках одной промышленной революции, которая обеспечивает циклические изменения во внешнеэкономической политике, проводимой ведущими капиталистическими странами в XIX – начале XXI в. Проиллюстрируем эти взаимосвязи. Р. Аллен выделяет 10 макроизобретателей первой (британской) промышленной революции (табл. 3), чей новаторский вклад породил сонм последователей – изобретателей «второго и третьего эшелонов» [Аллен, 2017, с. 353].

Таблица 3

Макроизобретатели и их вклад в развитие промышленной революции

Макроизобретатель	Отрасль
Джозайя Уэджвуд (Josiah Wedgwood)	Керамическое производство
Джон Смитон (John Smeaton)	Машиностроение
Томас Ньюкомен (Thomas Newcomen)	
Джеймс Уатт (James Watt)	
Абрахам Дерби (Abraham Darby)	Металлургия
Генри Корт (Henry Cort)	
Деймс Харгривс (James Hargreaves)	Текстильное производство
Ричард Аркрайт (Richard Arkwright)	
Сэмюэл Кромптон (Samuel Crompton)	
Эдмунд Картрайт (Edmund Cartwright)	

Сегодня (постфактум) за Великобританией признается пальма первенства в формировании предпосылок и развитии процессов первой промышленной революции. Это не означает, что у «владычицы морей» не было геополитических конкурентов, претендующих на глобальное лидерство в формирующейся капиталистической экономике.

Так, русский химик, ученый-энциклопедист и экономист Д.И. Менделеев писал: «Попутно с систематическим рядом морских и колониальных войн (XVII и XVIII столетия) с голландцами англичане настойчиво вели войну промышленную, и Навигационный акт был главным орудием войны этого последнего рода» [Менделеев, 1891].

Не менее судьбоносным для экономики Британской империи стал рубеж XVIII–XIX вв. – эпоха наполеоновских войн и инициированная Бонапартом континентальная блокада Англии. Таким образом, на заре первой промышленной революции ключевые геополитические конкуренты стремились использовать жесткую протекционистскую политику. Между тем, история показала, что именно Англия смогла наиболее эффективно поддержать активные инновационные процессы у себя дома, используя политические, экономические и военные средства, что обеспечило ей позицию глобального капиталистического лидера в XIX в.

Однако в 1840-е гг. Англия сознательно отказывается от безапелляционной защиты внутренних рынков. Противоречило ли это интересам британской короны? Нет, не только не противоречило, но и самым непосредственным образом служило ее интересам. Ф. Лист в 1841 г. писал: «Только та нация, которая производит все предметы фабрично- заводской промышленности по самым низким ценам, может завязать торговые сношения с народами».

ми всех поясов и всех ступеней культуры; только она одна может удовлетворить всем их потребностям, а за недостатком последних вызвать новые, принимая в обмен сырье и пищевые продукты всякого рода. Только такая нация может нагрузить корабли массой таких различных изделий, в которых нуждается страна, отдаленная и лишенная своей собственной фабрично-заводской промышленности» [Лист, 2019].

Великобритания не только могла «завязать торговые сношения с народами всех поясов и всех ступеней культуры» и «нагрузить корабли массой таких различных изделий» – она испытывала в этом острую капиталистическую потребность! Д. И. Менделеев по этому поводу писал: «Производство фабрично-заводских продуктов <...> достигло в Англии до того, что нужно было заботиться об отыскании рынков для сбыта избытков производимого» [Менделеев, 1891].

Иными словами, в соответствии с концепцией Г. Менша «пучок» базисных технологий освоил через распространение улучшающих и кажущихся инноваций пространство английской экономики и достиг естественного предела разделения труда в национальном масштабе. К началу 1840-х гг. производство новых средств производства для внутреннего рынка столкнулось с резким падением прибыли [Арригли, 2006, с. 220]. Для существенного расширения емкости рынка, способного воспрепятствовать падению нормы прибыли, британский капитал был вынужден лоббировать отмену протекционистских барьеров. Это и привело к отмене Навигационного акта Кромвеля, «Хлебных законов» и ряда других протекционистских мер.

Начав международную торговую экспансию, британский капитализм неизбежно встал перед необходимостью снижения транспортных издержек трансграничной и даже трансконтинентальной торговли. К этому времени для решения данной задачи уже имелись серьезные заделы в рамках первого технологического уклада. Так, на базе достижений в металлургии и машиностроении (5 из 10 макроизобретений в табл. 3) в 1807 г. Р. Фултоном в США был построен первый коммерческий пароход, а первые регулярные рейсы через Атлантику начали осуществляться в 1837 г. на пароходе, построенном британским инженером И. Брюнелем. Практически одновременно в Англии на рудничных и шахтовых колеях появились паровозы (1813–1814 гг.), а после нововведений инженера Дж. Стефенсона (1825–1833 гг.) железные дороги получили значение дальнего транспорта [Гловели, 2016, с. 290].

Таким образом, внешнеполитический разворот Британской империи в сторону фритредерства стал мощным стимулом для экспансии второго технологического уклада (см. табл. 2). Если для первого ТУ отраслями-драйверами были черная металлургия, машиностроение и текстильное производство, то для второго – транспортное машиностроение (табл. 4) и обслуживающие его отрасли: черная металлургия и получившая дополнительный импульс для развития угольная промышленность.

Вместе с тем, внешнеторговая экспансия имеет свои пределы из-за ограничений емкости мирового рынка и усиления конкуренции с бизнесом других государств – «второго эшелона» капиталистического развития. Так, в 1870 г. Великобритания еще занимает первое место в Европе по объемам промышленного производства (30,3 % от общеевропейских объемов), однако весьма заметные доли демонстрируют Германия, Франция, Италия и Австро-Венгрия (19,8; 18,9; 10,0 и 9,0 % соответственно). При этом еще три страны (кроме Великобритании) имеют долю промышленности в ВВП больше 30 %: Швейцария, Франция

и Бельгия [Кэмбриджская экономическая история..., с. 269]. Безусловно, нельзя забывать о Соединенных Штатах Америки (где после кровопролитной Гражданской войны закладывались основы долгосрочного геополитического лидерства), Российской империи (где активно шли реформы Александра II) и Японии (с ее революцией Мейдзи и успешной попыткой догоняющего развития).

С начала британской промышленной революции (особенно политики фритредерства) Англия активно экспортировала не только промышленные товары, но и технологии первого и второго ТУ, а также институты капиталистического развития. Поэтому, с одной стороны, исчерпание коммерческого потенциала технологий первой промышленной революции, а с другой – обострение капиталистической конкуренции компаний, представляющих ведущие державы мира, по всей видимости, привело к очередному снижению нормы предпринимательской прибыли. Об этом свидетельствует динамика среднего учетного процента в 1857–1906 гг., когда стоимость капитала в европейской экономике упала более чем в полтора раза: с 4,82 % на рубеже 1850–1860-х гг. до 3,04 % на рубеже 1880–1890-х гг. [Гильфердинг, 1922, с. 104].

Таблица 4

Железнодорожный и морской паровой транспорт в Европе в 1821–1876 гг.
[Филипенко, 2010, с. 276]

Годы	Длина железных дорог, км	Тоннаж пароходов
1821	332	32 000
1841	8 591	105 121
1846	17 424	139 973
1851	38 022	263 679
1856	68 148	575 928
1861	106 886	803 003
1866	145 114	1 423 232
1871	235 375	1 930 089
1876	309 641	3 293 072

Именно в этот период меняется внешнеэкономическая политика стран – капиталистических лидеров: от экспорта товаров они переходят к экспорту капитала в те регионы мира, где он может дать наибольшую отдачу – наступает эпоха империализма. Империализм промышленной эпохи актуализировал новый для предпринимателей вызов – проблему дистанционного управления активами (особенно промышленными), предполагающую контроль бизнес-процессов в других странах и даже на других континентах. Данная задача решается в рамках начинающейся второй промышленной революции, ее первого этапа – третьего ТУ (1880–1930-е гг.).

Технологические основы второй промышленной революции закладывались в недрах второго и даже первого ТУ. Так, из 21 базисной технологии первой половины XIX в., выделенной Г. Меншем, по крайней мере, 15 относятся к электротехническому и химическому производствам – двум ведущим отраслям второй промышленной революции [Менш, 2019, с. 124]: генератор высокого напряжения – 1849 г., электрический импульсный индук-

тор – 1846 г., глубоководный кабель – 1866 г., производство электроэнергии – 1800 г., изолированный провод – 1820 г., дуговая электро- лампа – 1844 г., велосипед – 1839 г., рельс – 1835 г., протянутый провод – 1820 г., пудлингование – 1824 г., коксовая доменная печь – 1796 г., тигельная сталь – 1811 г., паровоз – 1824 г., телеграф – 1833 г., камерный процесс получения серной кислоты – 1819 г., фармацевтическое производство – 1827 г., производство хинина – 1820 г., вулканизированная резина – 1852 г., портландцемент – 1824 г., бертолетова соль – 1831 г., фотография – 1838 г.

Итак, с одной стороны, технологии первой промышленной революции в последней трети XIX в. себя коммерчески исчерпали, а с другой – медленно, но неуклонно набирали силу технологии второй промышленной революции. Какие технологии последней в первую очередь заинтересуют бизнес ведущих стран мира (прежде всего Великобритании), отягощенный отраслевой структурой первого и второго ТУ и соответствующей ей инфраструктурой? Логично предположить, что предприниматели, особенно владеющие и управляющие крупными производствами, в известной мере консервативны и склонны не доверять инновациям «нового века», требующим ломки существующих технологических и организационных структур.

К. Перес так описывает данную ситуацию: «Базовые отрасли минувшей технологической революции срывают последние плоды экономии на масштабе и, скорее всего, изнемогают от огромных инвестиций в основной капитал. Вместе с тем эти отрасли обладают мощной рыночной структурой (олигополия или почти монополия), способной обеспечить их средствами для поиска новых эффективных решений, чтобы вырваться из ловушки. Такие средства могут включать слияния, изменение месторасположения и другие оригинальные действия по отношению к финансовому капиталу. <...> Однако важнейшее значение имеют процессы, ведущие к следующей технологической революции» [Перес, 2011, с. 58].

Как видим, инвестиционные решения в этот период в основном направлены на искусственное продление жизни применяемых технологий и использование новых технологий, позволяющих эту задачу решить. Отсюда не случаен коммерческий интерес к информационно-коммуникационным технологиям второй промышленной революции на «излете» первой: телеграф (1833 г.), фотосъемка (1838 г.), трансатлантический телеграф (1866), телефон (1881 г.), фонограф / граммофон (1887 г.), международная телефонная связь (1910 г.), радио (1922 г.) [Менш, 2019, с. 124–128]. По нашему мнению, эти инновации существенно снизили для Англии, Франции, Германии и других развитых капиталистических стран трансакционные издержки управления зарубежной финансовой экспансией, связанной с резким ростом экспорта капитала в предвоенные полвека (1870– 1910-е гг.).

Это не означало консервацию технологий первой промышленной революции и развитие только информационно-коммуникационного сектора на базе технологий второй промышленной революции. Третий ТУ известен и серьезными прорывами в электрификации, сталелитейном производстве, неорганической химии, тяжелом машиностроении (см. табл. 2). Вместе с тем, на заре развития данного уклада преобладали именно информационно-коммуникационные технологии, позволившие ведущим государствам реализовать политику империализма, характеризующуюся глобальным господством финансового капитала [Гильдерфинг, 1922]. Данная политика при постоянном росте дефицита торгового баланса, тем не менее, обеспечила финансовому центру мира (Англии) устойчиво растущее положительное сальдо платежного баланса (табл. 5).

Таблица 5

Динамика торгового и платежного балансов Великобритании (1831–1913 гг.) [22, с. 276]

Годы	Импорт	Экспорт	Торговый баланс	Услуги	Прибыли	Текущий Счет
1831–1835	53,6	40,5	–13,1	14,1	5,4	6,4
1851–1855	116,4	88,9	–27,5	23,7	11,7	8,0
1871–1875	302,0	239,5	–62,5	86,8	50,0	74,6
1891–1895	357,1	226,8	–130,3	88,4	94,0	52,0
1911–1913	632,2	488,9	–134,4	152,6	187,9	201,6

Однако логика развития второй промышленной революции требовала радикального технологического обновления средств производства – промышленного фундамента экономики, что привело к возврату протекционистских форм внешнеэкономической политики. Такой разворот примерно за четверть века до этого предвидел Д. И. Менделеев: «В Англии нет пока надобности возобновлять таможенный протекционизм, потому что во всех ее основных промышленности (например, мореходстве, добыче каменного угля, в производстве машин и в мануфактурном деле) она еще не имеет в Европе соперников. Но уже очевидно, что если в этих делах Америка или Россия представят шансы соперничества, Англия опять прибегнет к таможенному покровительству» [Менделеев, 1891]. Не только Англия, все ведущие капиталистические страны в это время последовательно защищали внутренние рынки от иностранной конкуренции.

Между тем, исход глобального военного конфликта predetermined экономическое лидерство Соединенных Штатов Америки. Если в 1938 г. совокупная доля их основных геополитических конкурентов (СССР, Великобритании, Германии, Франции, Японии) была существенно выше, чем у США (35,0 против 23,4 %), то в 1950 г. они почти сравнялись (29,7% против 28,8 %) [Мировая экономика..., с. 503–504]. Во время Второй мировой войны промышленные предприятия США не только не пострадали от налетов бомбардировщиков и артиллерийского огня, но, напротив, динамично развивались, обеспечивая выполнение госзаказа, в том числе удовлетворявшего нужды союзников по антигитлеровской коалиции.

Завершение войны могло грозить американским бизнесменам кризисом перепроизводства и падением нормы прибыли.

Не удивительно, что сразу после окончания войны Соединенные Штаты оказались самыми последовательными сторонниками политики международной торговли и инициаторами заключения Генерального соглашения по торговле и тарифам (1947 г.). Разоренные войной Европа, СССР и Япония также были заинтересованы в импорте американских товаров и технологий. Активизация внешнеторговых связей оказала мощное влияние на развитие средств транспорта.

К. Перес обратила внимание, что «нефтепереработка и двигатель внутреннего сгорания, изобретенные в рамках третьей парадигмы, использовались преимущественно в роскошных автомобилях» [Перес, 2011, с. 56]. Иными словами, автомобили, самолеты, вертолеты, а также принцип реактивного движения как инновации имели место уже в рамках третьего ТУ, во многом получив импульс для развития благодаря военным конфликтам. Однако полностью раскрыть свой коммерческий потенциал, выраженный в увеличении скорости

транспортировки грузов и соответственно снижении транспортных издержек, они смогли только в рамках четвертого ТУ, став следующим закономерным этапом второй промышленной революции.

Производство средств транспорта стало драйвером экономического роста в капиталистическом мире в период четвертого ТУ. «Транспортная» тенденция технологического развития находит подтверждение в статистических данных рейтинга «Fortune Global 500». С 1955 г. американский деловой журнал «Fortune» ежегодно включает в него 500 крупнейших компаний мира по критерию выручки [A database of 50 years, Рейтинг самых крупных компаний]. Анализ отраслевой специализации ТОП-100 компаний данного рейтинга показал (табл. 6), что в 1955, 1965 и 1975 гг. от 23 до 25 предприятий были напрямую связаны с производством транспортных средств и их компонентов либо с оказанием транспортных услуг. Однако в 1985, 1995 и 2005 гг. наблюдается заметное снижение количества компаний такого типа: 22, 14 и 9 из 100 соответственно.

Можно сказать, что в этот период вторая промышленная революция начала выдыхаться, что привело к снижению нормы отдачи вложений в основной капитал. Так, в 1974–1995 гг. в США она примерно на треть ниже, чем в 1949–1973 гг.: 13,3% против 18,5 % [Клинов, 2016, с. 140]. Глобальный бизнес, возможно, сам того не подозревая, стал воспроизводить модель поведения, концептуально напоминающую ту, что сложилась в последней трети XIX – начале XX в. на стыке первой и второй промышленных революций.

П. Г. Щедровицкий и В. Н. Княгинин так описывают данный период развития мировой экономики: «Промышленно-технологическое развитие <...> сопровождается двумя взаимосвязанными процессами: быстрым старением, а как следствие, и обесцениванием технологий, с одной стороны, и вытеснением устаревающих и второстепенных технологий на региональную периферию, где дешевле рабочая сила и природные ресурсы, – с другой. В 1970–1980-е гг. широкое распространение получило так называемое бегство заводов из индустриально развитых стран в страны – развивающиеся рынки. При этом развитые страны постарались оставить в своих руках разработку новых технологий, инновации и маркетинг, а главное, утверждение технологических стандартов и стандартов потребления.

Таблица 6
Динамика количества компаний в ТОП-100 рейтинга «Fortune Global 500»

Сектор экономики	1955	1965	1975	1985	1995	2005	2018
Производство средств хранения и передачи информации	8	10	10	15	19	19	17
Производство средств производства	42	41	40	35	15	16	25
Производство транспортных средств и их комплектующих, оказание транспортных услуг	23	25	25	22	14	9	12

С конца 1990-х гг. Соединенные Штаты и многие иные индустриально развитые страны мира столкнулись с новым феноменом – выводом за рубеж не только индустриальных производств, но и в сфере услуг и интеллектуального труда. Был разработан метод так называемого «аутсорсинга бизнес-процессов» <...>, предусматривающий в качестве одного из наиболее важных средств достижения компаниями своей глобальной конкурентоспособности передачу на подряд другим предприятиям комплекса второстепенных технологических

процессов. <...> Всего с 1995 по 2000 г. промышленный сектор 20 крупнейших экономик мира закрыл более 22 млн рабочих мест (или 11 % от общего числа), значительная часть которых была перенесена на “развивающиеся рынки”» [Щедровицкий, 2019].

Технологической основой таких глобальных экономических сдвигов стали постоянно совершенствуемые компьютеры, соединенные сетью интернет, позволяющей передавать все большие объемы информации со все большей скоростью (основа пятого ТУ). Так, в 1991 г. количество компьютеров с доступом в интернет во всем мире составило около 5 млн, в 1996 г. – 60 млн, в 2001 г. – около 300 млн. При этом происходило постоянное удешевление электронной техники и снижение стоимости услуг по передаче информации. Например, цена персонального компьютера и периферийного оборудования к нему с 1960 по 2000 г. упала в 1869 раз! [Мировая экономика..., 2003, с. 36–37].

Анализируя эти процессы, Ю.В. Шишков подчеркивает связь новейших телекоммуникационных и информационных технологий и эффектов, получаемых предпринимателями, отраслями и государствами: «Информация легко преодолевает физические преграды и государственные границы. Складывается глобальное киберпространство. Позволяя получать необходимую информацию с любого расстояния в реальном режиме времени и быстро принимать решения, современные системы телекоммуникаций беспрецедентно облегчают организацию международного инвестирования капиталов, кооперирования производства и маркетинга на фирменном уровне, как и взаимоприспособления макроэкономической политики разных государств на уровне правительств и центральных банков. Интернет – это мощнейший ускоритель глобализации экономики» [Мировая экономика..., 2003, с. 37].

Потенциал производственных технологий третьей промышленной революции начал раскрываться в рамках пятого ТУ (роботостроение, станки с числовым программным управлением и др.), но его основу составили именно информационно – коммуникационные технологии, которые преимущественно продлевали жизнь технологий второй промышленной революции. Вместе с тем, «кризис доткомов» в США и особенно мировой экономический кризис 2008–2009 гг. обозначили пределы последней. Мир стоит на пороге новой производственной революции, получившей название «Индустрия 4.0» и логически вытекающей из информационной революции последней трети XX в., демонстрируя последовательность распространения базисных технологий от сектора средств коммуникации к сектору средств производства и далее к транспортному сектору. Данные табл. 6 подтверждают эту закономерность. Так, во второй половине XX в. растет влияние компаний информационно-коммуникационного сектора на глобальные хозяйственные процессы: в 1955 г. – 8, в 1965 г. – 10, в 1975 г. – 10, в 1985 г. – 15, в 1995 г. – 19 компаний из 100 в рейтинге «Fortune». В 1995–2005 гг., по всей видимости, происходит исчерпание взрывного роста данного сектора (в 2005 г. – также 19 компаний). Неслучайно именно на 2000 г. пришелся «крах доткомов». В 2018 г. в ТОП-100 рейтинга осталось уже 17 компаний информационно-коммуникационной специализации.

С другой стороны, после резкого сокращения количества промышленных гигантов в конце XX в. (в 1985 г. – 35, в 1995 г. – 15 предприятий из 100) в начале XXI в. снова наблюдается их заметное увеличение: в 2005 г. – 16, в 2018 г. – 25. На наш взгляд, это свидетельствует о своеобразном переходе секторального доминирования от информационно-коммуникационных к производственным технологиям новой промышленной революции.

Конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий вместе с развитием 3D-принтинга, промышленного интернета и рядом других инновационных трендов должны привести к очередному массовому «созидательному разрушению» в производстве средств производства (шестой ТУ). Поэтому в настоящее время (как и в период первого и на стыке третьего и четвертого ТУ) мы наблюдаем стремление ведущих стран мира обеспечить на национальной территории критическую концентрацию научно-инженерной базы и защитить нарождающиеся высокотехнологичные отечественные отрасли и собственное лидерство на полувековом горизонте. Торговая война между США и Китаем, развернувшаяся в 2018–2019 гг., подтверждает наши выводы.

Таким образом, можно констатировать взаимосвязь циклических процессов во внешнеэкономической политике и технологическом развитии экономики, выражающуюся в последовательном распространении базисных технологий в таких секторах, как средства коммуникации, производства и транспорта (табл. 7). С учетом выявленной секторальной логики распространения базисных технологий можно прогнозировать, что примерно во второй трети XXI в. драйвером развития глобальной экономики станет транспортный уклад с массовым развитием беспилотников, электромобилей и даже частной космонавтики. Возможно, именно в это время следует ожидать очередного витка активности ВТО, связанного с новациями по снижению таможенных барьеров (так называемое новое фри-тредерство).

В трудах профессора С.Д. Бодрунова затрагивается проблема становления нового индустриального общества второго поколения (НИО.2) и ноономики через смену технологических укладов и промышленных революций [Бодрунов, 2018а, 2018б]. В ряде монографий автор раскрыл преемственность между теориями НИО.1 Дж. К. Гэлбрейта и НИО.2 [Бодрунов, 2016], а также закономерности перехода от НИО.2 к ноономике [Бодрунов, 2018]. Развивая методологический подход С.Д. Бодрунова, попытаемся предложить объективное обоснование возникновения теории НИО.2, которая логически вытекает из представленной выше концепции циклической последовательности распространения базовых технологий и режимов мирохозяйственных связей. Для этого объединим в табл. 8 хронологические последовательности промышленных революций, технологических укладов, режимов мирохозяйственных связей и этапов возникновения теорий индустриального общества.

Будем придерживаться более распространенной четырехстадийной периодизации промышленных революций К. Шваба, имея в виду, что третья промышленная революция является начальной стадией внедрения базисной инновации – микропроцессора – в промышленность, а наступающая четвертая промышленная революция – эпохой массового преобразования промышленно - технологических процессов на электронной основе. Таким образом, третья промышленная революция выступает в качестве своеобразного переходного периода, аналогичного переходному периоду между первой и второй промышленными революциями, когда базисная технология *электричество* вначале преобразовала инфокоммуникационную сферу, а затем стала массово внедряться в промышленную базу.

Вряд ли подлежит сомнению тот факт, что К. Маркс в «Капитале» дал политэкономическое описание индустриального общества. Промышленный капитал и пролетариат – главные действующие лица «диалектической трагедии» автора самого популярного труда по экономике в истории человечества, оттесняющие на второй план такие властные социальные фигуры любого общества, как банкиры, владельцы недвижимости, государственные

Таблица 7
Технологическая обусловленность форм внешнеэкономической политики ведущих капиталистических стран мира в XIX–XXI вв.

Базисные технологии	Технологический уклад	Период	Локомотивный сектор экономики	Внешнеэкономическая политика странлидеров
Выплавка железа, текстильные машины, паровые двигатели	I	До 1840-х гг.	Средства производства	Протекционизм
	II	1840–1870-е гг.	То же транспорта	Фритредерство
	III	1870–1910-е гг.	То же коммуникации	Империализм
Технологии электротехнической, химической и сталелитейной промышленности	IV	1910–1940-е гг.	То же производства	Протекционизм
	V	1940–1970-е гг.	То же транспорта	Фритредерство
Аддитивные технологии, промышленный интернет, роботизация	VI	1970–2010-е гг.	То же коммуникации	Империализм
	VII (?)	2010–2040-е гг. (?)	То же производства	Протекционизм
	VII (?)	2040-е гг. (?)	То же транспорта (?)	Фритредерство (?)

Таблица 8
Циклические закономерности развития базисных технологий, режимов мирохозяйственных связей и теорий индустриального общества

Промышленная революция	Технологический уклад	Период	Локомотивный сектор экономики	Режим мирохозяйственных связей	Этапы формирования теорий индустриального общества
I	I	До 1840-х гг.	Средства производства	Протекционизм	Индустриальное общество (К. Маркс)
	II	1840–1870-е гг.	То же транспорта	Фритредерство	
I–II	III	1870–1910-е гг.	То же коммуникации	Империализм	Переходный период, кризис, теории «ультраимпериализма»
	IV	1910–1940-е гг.	То же производства	Протекционизм	Новое индустриальное общество –
II	V	1940–1970-е гг.	То же транспорта	Фритредерство	НИО 1.0 (Дж. К. Гэлбрейт)
	V	1970–2010-е гг.	То же коммуникации	Империализм	Переходный период, кризис, «постиндустриальное общество»
III	VI	2010–2040-е гг. (?)	То же производства	Протекционизм	НИО 2.0 (С. Д. Бодрунов)
	VII (?)	2040-е гг. (?)	То же транспорта (?)	Фритредерство (?)	

чиновники. У Маркса они выступают в роли «нахлебников» промышленного капитала, откусывающих свою долю прибавочной стоимости, создаваемой в индустриальном производстве. Можно считать, что Маркс создал первую всеобъемлющую теорию индустриального общества, находясь во временных рамках господства технологий второго ТУ и первой промышленной революции. Технологическая детерминированность индустриального типа мышления К. Маркса сформировалась в эпоху, когда паровой двигатель преобразовывал отрасли промышленности и транспорта, а последнюю классик, как известно, также включал в сферу материального производства, создающую реальное богатство.

Великий мыслитель, скончавшийся в 1883 г., не дожидаясь до полномасштабного распространения ключевой технологии третьего ТУ и второй промышленной революции – электричества. Быстрое развитие средств связи в период, соответствующий первой половине развертывания третьего ТУ и переходу от первой ко второй промышленной революции, породило временный кризис индустриальной онтологии и содействовало формированию теории ультраимпериализма, выдвинутой рядом влиятельных социальных мыслителей левого толка (К. Каутский, Р. Гильфердинг, Дж. Гобсон) и допускающей преодоление кризиса сложившейся в конце XIX в. империалистической модели мира на основе сотрудничества мощных глобальных корпораций. Технологические возможности для концентрации капитала и управления разбросанными по миру подразделениями корпораций предоставили достижения первой информационной революции конца XIX столетия.

Однако логика развития технологий в тот же период способствовала массовому внедрению электричества в промышленность. Соединение электричества и двигателя внутреннего сгорания привело ко второй промышленной революции, начало которой хронологически соответствует второй половине третьего ТУ и включает четвертый ТУ. Экономические императивы развертывания второй промышленной революции требуют возврата к протекционизму. Массовое обновление промышленной базы в странах-лидерах не оставляет иллюзий для мирного перехода империализма в некую сверхстадию, и соответствующие теории временно отступают на задний план. Индустриальная онтология снова овладевает умами прогрессивно мыслящих экономистов. В середине XX в. уже в фазе зрелого состояния четвертого ТУ выдающийся экономист Дж. К. Гэлбрейт формулирует теорию нового индустриального общества (1967 г.) с ее знаменитыми составляющими – *техноструктурой* и *планирующей системой*.

Однако наступают кризисные 1970-е гг., когда на фоне снижения эффективности четвертого («транспортного») ТУ постепенно разворачивается новая инфо-коммуникационная революция. Пессимизм интеллектуалов того времени воплощается не только в неомальтузианских докладах Римского клуба, но и в очередном сдвиге онтологии экономики от индустриализма к сфере услуг. Последняя «обретает» одежды теорий постиндустриального общества Д. Белла (1973 г.) и его многочисленных последователей. Д. Белл поддержал моду на периодизацию технологических революций, обозначив создание компьютеров как третью революцию, которая должна обеспечить поточное производство информации, обеспечивающее социальное развитие по всем направлениям. Действительно, в 1980-х гг. наступает эпоха пятого – «информационного» ТУ: возврат к империализму в виде финансовой либерализации, «Вашингтонского консенсуса» и теорий глобализации. Надежды на утверждение очередной стадии ультраимпериализма выражены в шумевшей политико-философской концепции *конца истории* Ф. Фукуямы (1990–1992 гг.) и несомненно

более слабых собственно экономических концепциях бескризисного управляемого развития экономики.

Финансовый кризис и последующая рецессия 2008–2009 гг. не только поставили крест на иллюзиях сторонников постиндустриального общества и глобализации как очередного издания ультраимпериализма, но и ярко продемонстрировали наступление четвертой промышленной революции, совпадающей с формированием нового, шестого ТУ. Мир в очередной раз в ходе осознания объективных закономерностей циклического технологического развития отказывается от устаревшей системы регулирования мирохозяйственных связей (возврат к протекционизму, феномен Д. Трампа). А наиболее прогрессивные социальные мыслители создают теории, опирающиеся на новую индустриальную онтологию.

Список источников

- Аллен Р. (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. перевода В.С. Автономов. М.: Изд-во Института Гайдара. 448 с.
- Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М.: Территория будущего. 472 с.
- Бодрунов С.Д. (2016). Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция. 312 с.
- Бодрунов С.Д. (2018а). Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обусловливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // Экономическое возрождение России. № 2. С. 5–13.
- Бодрунов С.Д. (2018b). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2018с). Переход к перспективному технологическому укладу: анализ с позиций концепций НИО.2 и ноономики // Экономическое возрождение России. № 3. С. 5–12.
- Гильфердинг Р. (1922). Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / пер. с нем. И. Степанова. М.: Государственное издательство. 447 с.
- Глазьев С.Ю. (2010). Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика. С. 94–95.
- Гловели Г.Д. (2016). Экономическая история: учебник для бакалавров. М.: Юрайт. 719 с.
- Дробышевская Т. (2013). Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1. М.: Изд-во Института Гайдара. 464 с.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура // Библиотека Гумер. Гуманитарные науки. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/01.php (Дата обращения: 30.10.2019).
- Клинов В.Г. (2016). Причины и последствия модификации большого цикла мирового хозяйства // Кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн; под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Р.С. Гринберга. М.: Учитель.
- Королева И.С. (2003). Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет/ М.: Юрист.
- Лист Ф. (1891). Национальная система политической экономии. Гл. XXI. СПб.: Русское самодержавие. URL: <http://samoderjavie.ru/node/511> (Дата обращения: 30.10.2019).
- Менделеев Д.И. (1891). Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом. Русское самодержавие. URL: <http://samoderjavie.ru/mendeleev-tarif> (Дата обращения: 30.10.2019).

- Менш Г. (2019). Словари и энциклопедии на Академике URL: [https:// dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1292607](https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1292607) (Дата обращения: 30.10.2019).
- Нуреев Р., Латов Ю. Промышленная революция // Кругосвет. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/PROMISHLENNAYA_REVOLYUTSIYA.html (Дата обращения: 30.10.2019).
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело.
- Полтерович В. (2009). Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопросы экономики. №6. С. 4–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-6-4-23.
- Рейтинг самых крупных компаний в мире (Fortune 500) // Информационный портал «NoNews» URL: <https://nonews.co/directory/lists/companies/fortune-global-500> (Дата обращения: 30.10.2019).
- Рифкин Дж. (2014). Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: Альпина нонфикшн. 411 с.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2017а). Закономерности развития технологических укладов и смена режимов системы мирохозяйственных связей // Глобальная экономика в XXI веке: диалектика конфронтации и солидарности. Краснодар. С. 256–258.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2017b). Типология экономических укладов и современный этап деглобализации // Phenomenon of the Market Economy: Vectors and Features Evolution. Printed in the UK, pp. 202–208.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2017с). Новый протекционизм в контексте циклических закономерностей технологических укладов // Львовские чтения – 2017: сб. статей V Всероссийской науч. конф. / под науч. ред. Г.Б. Клейнера. М.: ГУУ. С. 163–168.
- Толкачев С.А., Тепляков А.Ю. (2019). Секторальные аспекты закономерностей смены технологических укладов // Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Арригиевские чтения» по теме «Глобальный хаос современного мироустройства: сущность, развитие и пути преодоления. Проблемы мирового переустройства в условиях тройного переходного периода»: в 2 ч. / под ред. О.В. Пилипенко, С.Ю. Глазьева и др. Часть 1. Орел: Орловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева. С. 300–307.
- Филипенко А.С. (2010). Экономическая глобализация: истоки и результаты. М.: Экономика. 511 с.
- Шваб К. (2016). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 208 с.
- Щедровицкий П.Г. (2009). Территориальная проекция промышленной политики в России – кто оплатит издержки глобализации // Аналит. портал «Гуманитарные технологии». URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2564> (Дата обращения: 30.10.2019).
- Щедровицкий П.Г. (2018). Вверх и вниз по волнам промышленных революций. Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/on-the-waves-of-industrial-revolutions/> (Дата обращения: 30.10.2019).
- A database of 50 years of FORTUNE's list of America's largest corporations / Fortune 500. URL: http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune500_archive/full/1955/1.html (Дата обращения: 30.10.2019).
- Bresnahan T.F. (1995). General Purpose Technologies: «Engines of Growth»? / T. F. Bresnahan, M. Trajtenberg // Journal of Econometrics. Vol. 65, No. 1, pp. 83–108.

- Helpman E. (ed.). (1998). *General Purpose Technologies and Economic Growth*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- Hull J. (1999). The Second Industrial Revolution: The History of a Concept // *Storia Della Storiografia*. Issue 36, pp. 81–90.
- Mensch G. (1979). *Stalemate in Technology*. Ballinger Publishing Company.

References

- Allen R. (2014). *British industrial revolution in the global picture of the world*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Publ. 448 p. (In Russ.).
- Arrigi G. (2006). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time*. Moscow: Territoriya Budushchego. 472 p.
- Bodrunov S.D. (2016). *The Future. The New Industrial Society: Reloaded* Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ. 318 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018a). Noonomics. The Future: The Fourth Technological Revolution Requires Profound Changes in Economic and Social Life. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia]. No. 2, pp. 5–13. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018b). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In Russ.).
- Bodrunov S.D. (2018c). Transition to a promising technological mode: analysis from the NIS. 2 and noonomy standpoints. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia]. No. 3, pp. 5–12. (In Russ.).
- Gil'ferding R. (1922). *Financial capital. The latest phase in the development of capitalism*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ. 447 p. (In Russ.).
- Glaz'ev S. Yu. (2010). *Russia's Rapid Development Strategy in the Conditions of the Global Crisis*. Moscow: Ekonomika Publ. pp. 94–95. (In Russ.).
- Gloveli G.D. (2016). *Economic History: Textbook for Bachelors*. Moscow: Yurayt Publ. 719 p. (In Russ.).
- Drobyshevskoy T. (2013). *The Cambridge Economic History of Modern and Modern Europe*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy Publ. 464 p. (In Russ.).
- Kastel's M. *Information Age: Economy, Society and Culture*. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/01.php (Accessed: 30.10.2019).
- Klinov V.G. (2016). *Causes and consequences of modification of the large cycle of the world economy*. Moscow: Uchitel' Publ. (In Russ.).
- Koroleva I.S. (2003). *World Economy: Global Trends for 100 Years*. Moscow: Yurist' Publ.
- List F. *National system of political economy*. URL: <http://samoderjavie.ru/node/511> (Accessed: 30.10.2019).
- Mandeleev D.I. (1891). *Explanatory Tariff or Research on the Development of Russian Industry in Connection with its General Customs Tariff*. URL: <http://samoderjavie.ru/mendeleev-tarif> (Accessed: 30.10.2019).
- Mensch G. (2019). *Dictionaries and encyclopedias at Academician*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1292607> (Accessed: 30.10.2019).
- Nureev R. Latov Yu. *Industrial Revolution*. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/PROMISHLENNAYA_REVOLYUTSIYA.html
- Peres K. (2011). *Technological revolutions and financial capital. The dynamics of bubbles and periods of prosperity*. Moscow: Delo Publ.

- Polterovich P. (2009). The Innovation Pause Hypothesis and the Strategy of Modernization. *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues]. No. 6, pp. 4–23. DOI: 10.32609/0042-8736-2009-6-4-23.
- Rating of the largest companies in the world (Fortune 500)*. NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/companies/fortune-global-500> (Accessed: 30.10.2019).
- Rifkin G. (2014). *The third industrial revolution: how the horizon of interactions replaces energy, interaction and the world as a whole*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ. 411 p.
- Tolkachev S.A. (2017a). *Patterns of the development of technological structures and changes in the regimes of the system of world economic relations*. Global economy in the XXI theory: an alternative to confrontation and solidarity. Krasnodar. pp. 256–258. (In Russ.)
- Tolkachev S.A. (2017b). *Typology of economic structures and the current stage of deglobalization*. Phenomenon of the Market Economy: Vectors and Features Evolution. UK: LSP. pp. 202–208. (In Russ.)
- Tolkachev S.A. Teplyakov A. Yu. (2017c). New protectionism in the context of cyclic patterns of technological patterns. *Digest of articles of the V All-Russian scientific conference* (ed. G. B. Kleiner). Moscow: GUU. pp. 163–168. (In Russ.)
- Tolkachev S.A. Teplyakov A. Yu. (2019). Sectoral aspects of patterns of change in technological patterns. Materials of the international scientific and practical. conf. “Arrigian Readings” on the topic “Global Chaos of the Modern World Order: Essence, Development and Ways to Overcome. Problems of World Reorganization in the Conditions of the Triple Transition. Part 1. (ed. Pilipenko O.V., Glaz'ev S. Yu.). Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev. Pp. 300–307. (In Russ.)
- Filipenko A.S. (2010). *Economic globalization: origins and results*. Moscow: Ekonomika Publ. (In Russ.)
- Shvab K. (2016). *The fourth industrial revolution*. Moscow: Eksmo Publ. 208 p.
- Shchedrovitskiy P.G. (2009). *Territorial projection of industrial policy in Russia – who will pay the costs of globalization*. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2564> (Accessed: 30.10.2019).
- Shchedrovitskiy P.G. (2018). *Up and down the waves of industrial revolutions*. URL: <https://asi.ru/on-the-waves-of-industrial-revolutions/> (Accessed: 30.10.2019). (In Russ.)
- A database of 50 years of FORTUNE's list of America's largest corporations / Fortune 500*. URL: http://archive.fortune.com/magazines/fortune/fortune500_archive/full/1955/1.html (Accessed: 30.10.2019).
- Bresnahan T.F. (1995) General Purpose Technologies: «Engines of Growth»? / T. F. Bresnahan, M. Trajtenberg. *Journal of Econometrics*. Vol. 65, No. 1, pp. 83–108.
- Helpman E. (ed). (1998). *General Purpose Technologies and Economic Growth*. Cambridge, Mass.: The MIT Pres.
- Hull J. (1999). The Second Industrial Revolution: The History of a Concept. *Storia Della Storiografia*. Issue 36, pp. 81–90.
- Mensch G. (1979). *Stalemate in Technology*. Ballinger Publishing Company.

Информация об авторах

Сергей Александрович Толкачев

Первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (125993, Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: tsa2000@mail.ru

Артем Юрьевич Тепляков

Ведущий научный сотрудник Центра исследований долго срочных закономерностей развития экономики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук (125993, Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: Teplyakovy@mail.ru

Information about the authors

Sergey A. Tolkachev

Dr. Sc. (Econ.), Professor, First Deputy Head of the Department of Economic Theory of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Leninskiy Ave 49, Moscow, 125993, Russia)

E-mail: tsa2000@mail.ru

Artem Yu. Teplyakov

Cand. Sc. (Econ.), Leading Research Fellow of the Center for Research on Long-Term Patterns of Economic Development of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Leninskiy Ave 49, Moscow, 125993, Russia)

E-mail: Teplyakovy@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-101-114

К. А. Хубиев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, РФ)

О ПЕРЕХОДНЫХ ФОРМАХ «УГАСАНИЯ» ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ НООНОМИКИ

Аннотация: коронакризис и четвертая промышленная революция как главные факторы глобальных трендовых изменений потребовали новых научных подходов к осмыслению «новой нормальности». Теории, основанные на ценностях методологического индивидуализма, проявили свою ограниченность и даже несостоятельность перед новыми вызовами. Вирус имел наибольший успех в своем распространении там, где встречал индивидуализм, перерастающий в эгоизм. Появление ноономики в ряду других концепций явилось реакцией на ситуацию недостаточности потенциала существующих теорий перед вызовами нового времени. Теоретическая модель ноономики опирается на совершенные технологии, которые обеспечат граждан необходимыми жизненными благами, освобождая их от необходимости вынужденно трудиться в сфере производства и на новых людей с приоритетами творческой мотивации и свободных от индивидуализма. В статье акцентируется внимание на том, что переход от нынешнего состояния экономики, экономической науки и экономического человека к ноономике и человеку креативному образует большую дистанцию с переходными состояниями. Необходимость их исследования образует глобальную научную задачу. В статье автором обосновывается необходимость таких исследований, выделяются некоторые уже существующие переходные формы и отмечается появление новых, на базе развивающейся реальности..

Ключевые слова: ноономика, добротворение, солидаризм, ноосферный социализм, либерализация, переходные отношения.

Для цитирования: Хубиев К.А. (2022). О переходных формах «угасания» экономических отношений в теоретической модели ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 101–114. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-101-114.

Дата поступления статьи: 10 декабря 2021 г.

Kaysyn A. Khubiev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ON THE TRANSITIONAL FORMS OF THE «FADING» OF ECONOMIC RELATIONS IN THE THEORETICAL MODEL OF NOONOMY

Abstract: The Coronavirus Crisis and the Fourth Industrial Revolution, as the main drivers of global trend changes, have called for new scientific approaches to understanding the “new normal.” Theories based on the values of methodological individualism have shown their limita-

tions and even their insolvency in the face of the new challenges. The virus was most successful in its spread where it encountered an individualism that had degenerated into egoism. The emergence of Noonomy, among other concepts, was a reaction to the insufficient potential of existing theories in the face of the challenges of the new era. The theoretical model of Noonomy relies on a perfect technology that provides citizens with the necessary benefits of life and frees them from the need for forced labor in production, and on new people, with creative motivation at the forefront and free from individualism. The article focuses on the fact that the transition from the current state of the economy, economic science and economic man to Noonomy and creative man is a great distance from the transitional states. The necessity of their research represents a global scientific task. The author justifies the necessity of such research, highlights some existing transitional forms and notes the emergence of new forms based on an evolving reality.

Keywords: noonomy, goodwill, solidarism, noosphere socialism, liberalization, transitional relations.

For citation: Khubiev K.A. (2022). On the transitional forms of “fading” economic relations in the theoretical model of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 101–114. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-101-114.

Received December 10, 2021

乎比耶夫 K. A.

莫斯科大学, 莫斯科

智力经济理论模型中经济关系“消逝”的过渡形式

摘要:新冠危机和第四次工业革命作为全球趋势变化的主要因素,要求用新的科学方法来理解“新常态”。基于个人主义价值观的方法论在面对新的挑战时已经显示出其局限性和缺乏力量。在出现个人主义堕落为利己主义现象的地方,这种病毒的传播最为成功。“智力经济”概念的出现是现有理论无力应对新时代挑战的体现。智力经济的理论模式依赖于完美的技术,这种技术为民众提供必要的生活福利,可以使他们避免从事不想从事的生产劳动并成为具有创造力优势和不受个人主义影响的新人。文章强调,从经济、经济科学和经济性人的现状过渡到智力经济和创造性人,需要经历一个长时期的过渡状态。对他们的研究是必须进行的一项伟大的科学任务。文章论证了这种研究的必要性,指出了一些已经存在的过渡形式,以及在不断发展的现实基础上正在出现的新的过渡形式。

关键词:智力经济学、团结主义、智力圈社会主义、自由化、过渡关系。

引文注释: 乎比耶夫 K. A. (2022). 智力经济理论模型中经济关系“消逝”期间的过渡形式//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 101–114. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-101-114.

文章已收到 2021 年 12 月 10 日

Введение

Наиболее значимыми событиями начала XXI века явились начало промышленной революции 4.0 и коронавирусная инфекция. Причем, последняя стимулировала развитие некоторых направлений первой: цифровые технологии, биотехнологии. Эти события глобального масштаба не могли не повлиять на фундаментальные скрепы общественного бытия. Ценности и модели общественного развития стали предметом актуальных обсуждений на научных форумах разных уровней.

Коронавирус атаковал человечество солидарно, сплоченно и агрессивно. Такая же ответная реакция требовалась и от человечества. Но не все ценности, выработанные человечеством, образующие фундаментальные устои его самоорганизации, успешно прошли проверку на испытания. Одним из самых уязвимых принципов социально – экономического устройства современной, наиболее развитой в экономическом отношении части мира оказался индивидуализм и выросший из него принцип методологического индивидуализма в экономической теории, а также модель «экономического человека». Недостаток и даже порочность этого принципа, проявился в общественно значимых негативных явлениях как на индивидуальном уровне, так и на уровне государств, основанных на ценностях индивидуализма, какая бы псевдодемократическая риторика его ни сопровождала. В самом начале нашествия инфекции развилась необыкновенная спекуляция средствами индивидуальной защиты, выпуск контрафактных средств. Позже подключилась и до сих пор продолжается спекуляция лекарственными средствами, условиями госпитализации и больничного обслуживания. Появились и утвердились теневые ценники медицинских услуг. В дальнейшей перспективе развернулась закулисная борьба за государственные заказы частным организациям за услуги по обороту средств вакцинации. На межгосударственном уровне развернулась недобросовестная конкуренция за рынок вакцины с использованием политических мотивов и средств. Перечисленное не охватывает все разнообразие и масштаб событий, основанных на индивидуализме. Все участники названных событий исходят из индивидуальных интересов, максимизируют свою полезность. Им не могут противостоять заболевшие люди, хотя они тоже свободные граждане с равными правами. Именно в период угроз и испытаний индивидуализм проявил себя порочным образом. Вместе с тем, опыт вакцинации в советский период и опыт успешной борьбы против коронавирусной инфекции свидетельствует о более высокой эффективности ценностей, противоположных индивидуализму.

На фоне названных событий актуализировались обсуждения проблем современности, в том числе критика современного капиталистического мироустройства. На фоне критики отдельных свойств капитализма появляются концепции новых направлений социально – экономического развития и новых моделей организации общества и экономики, альтернативные капитализму. Рассмотрим некоторые из них.

Основные результаты и обсуждения

Уже несколько лет ведутся разработки модели общества, основанного на ценностях солидаризма [Беляев, Кошкин, 2020]. Основное внимание в этом опыте уделено вопросам собственности и доходов: все граждане страны, в рамках этого подхода, обеспечиваются безусловным доходом не ниже прожиточного минимума, имеют трудовые доходы и доходы от собственности; средствами производства владеют солидарно и такому же распределению подлежит доход. Соответственно, такая форма распределения как заработная плата

в этой системе не является актуальной. Несколько забегаая вперед, отметим, что при достаточной экономической фундированной данной концепции отсутствует технологическая сторона. Остается пока без ответа важный вопрос: на базе какого уровня развития технологий (производительных сил) это произойдет. Поскольку авторы разделяют политэкономический подход, то резонно поставить вопрос: какие производительные силы (технологии) адекватны тем экономическим отношениям, которые составляют основы солидарного общества или солидаризма.

Близкой к рассмотренной концепции является концепция под названием Добротворение [Кретов, 2019]. При ценностном налете, исходящим из названия, у данной концепции есть солидное обоснование. Она претендует на свою оригинальную методологию под общим названием «кибернетическая эпистемология». В модели социального устройства абсолютизируется гармоничное единство природы и общества, безотходные технологии, умеренное потребление природных ресурсов, исключаящее элитное, демонстративное и прочее излишнее потребление. Такое общество не может быть элитарно дифференцированным (классовым). Есть теоретические исследования отдельных сторон экономики и экономической системы в целом (собственность, воспроизводство и др.) и разработка важнейших инструментов функционирования экономики, из которых мы выделим особую систему денег и денежного обращения (деньги Гизеля). Что касается технологий (производительных сил), то о них говорится в общих чертах: они должны быть эффективными и безотходными и не должны нарушать гармонию естественного развития.

В самые последние годы появилась и активно развивается концепция под названием Ноономика [Бодрунов, 2020].

В XXI веке росла популярность идеи гармонизации существования человека и среды его обитания. Некоторые работы в этом направлении перерастали в оценку моделей общественного развития. Капитализм критиковался и извне, и снаружи за разрушение среды обитания в погоне за прибылью. Соответственно конструировались альтернативные системы общественно развития. В этом направлении наиболее активно себя проявлял А.И. Субетто [Суббетто, 2007]. В его работах соединены ценности социальной справедливости и экологической устойчивости при критике капитализма. Это направление можно назвать ноосферным социализмом. Все эти направления, (может быть кроме модели солидаризма), так или иначе, связаны с проблемами гармонизации жизни природы и общества и восходят к наследию Вернадского. Но дальше возникают различия. Труды А.И. Субетто однозначно говорят о социалистической альтернативе капитализму. Другие авторы стараются избегать «измов», но критическое отношение к капитализму достаточно очевидно у всех. Наконец, есть слой общественной элиты, состоящей из деятелей науки, политики, образования, которая придерживается парадигмы вечности и неизменности капиталистического миропорядка, который считается «лучшим из миров». Представители этого направления не считают необходимым обсуждать альтернативы капитализму, но тоже предлагают его совершенствовать. Набор рецептов тиражируется и хорошо известен: защита прав частной собственности, создание конкуренции, независимый суд, сокращение доли государства, долиберализация экономики, включая «вторую волну» приватизации.

Общим для перечисленных концепций, кроме последней, является отсутствие перекрестных экономических отношений и форм, ведущих к вершинам очень привлекательных моделей социально – экономической организации общества и его экономики. Представ-

ляется, даже, что это главная научная проблема для изысканий в области альтернативы сложившейся реальности. Рассмотрим подробно эту проблему на примере ноономики как активно развивающуюся в научном отношении. При этом будет обращено внимание и на другие концепции. Отдельно остановимся на неолиберальной модели совершенствования существующей реальности.

Концепция ноономика опирается на два существенных основания. Принципиально новый человек: креативный, инновационный, творческий. В таком качестве он радикально противостоит человеку «экономическому», основанному на принципе индивидуализма. Как таковой он высоко ответственен не только за себя, но и среду своего бытия. Другим опорным пунктом являются технологии высокого уровня развития, обеспечивающие людей необходимыми благами. Эти технологии не только высокоэффективны, но и экологичны. В сферу производства человека привлекает не нужда пропитания и выживания, а естественное стремление проявить свои творческие способности, освоение новых технологий, создание новых продуктов и вообще инновационная деятельность. В этой системе человек выталкивается из процесса производства благ, в нынешнем понимании этого процесса. Более того, в этой системе отмирают экономические отношения

Особое внимание следует обратить внимание на два положения, вытекающие из сути ноономики. В процессе технологического прогресса в формате ноономики, человек вытесняется из непосредственного процесса производства, а так же вытесняется из экономических отношений. Т.е. последние просто исчезают. Вытеснение человека из непосредственного процесса производства является закономерным явлением, подтверждаемым историей развития технологий. Неожиданным показался тезис об исчезновении экономических отношений, поскольку не было объяснено, как это произойдет и какие переходные формы к этому приведут. Для экономиста (и не только) очень трудно даже в воображении представить такое общество. Однако со временем эти сомнения стали проходить и стали обнаруживаться фактические аргументы, которые не приводились автором этой концепции, поскольку переходным формам он не уделял особого внимания.

На сегодняшний день имеются основания для того, чтобы с этими тезисами согласиться и привести в их пользу аргументы, которые складываются в действительность. В текущей действительности уже есть основание утверждать, что в перспективе человечество ожидают радикальные изменения, если оно будет продолжать двигаться по линии технологического прогресса.

Почему именно переходным отношениям мы придаем большое значение? Сегодня мир живет в потоке доминирующих ценностей, принципов и механизмов рыночной экономики, основанной на индивидуализме. Порядок этот подходит только для последней из названных выше позиций. Как будет осуществлён переход из одной реальности в другую, принципиально иную? На этот вопрос должна ответить наука и ей не обойтись без исследования шагов, ступеней, этапов, ведущих из одного состояния к другому. Только у политической экономии имеется опыт таких исследований. Однако в последнее время она предана забвению. Между тем, естественные науки, по мере своего развития уделяли пристальное внимание переходным процессам и состояниям объектов исследования, подверженным изменениям.

Экономические отношения развиваются эволюционно и путь к их вытеснению очень длинный, и наука не может совершать скачок из господства капитализма в царство отсут-

ствия экономических отношений. Предстоит большая работа по исследованию переходных экономических форм и состояний. Технологически убедительная концепция должна быть дополнена и сопровождается исследованием динамики экономических отношений, соответствующих уровню и характеру производительных сил ноономики.

Нельзя не учитывать, что сегодня мы находимся в той реальности, когда в мире господствует экономика капиталистического типа и человеку властно навязана модель поведения экономического человека, причем в акцентированно либеральном варианте на основе методологического индивидуализма, который уже упоминался. Есть уверенность в том, что по мере цивилизационного развития, охватывающего технологический прогресс и социальное развитие, эта модель будет изменяться и даже вытесняться. Но реальность такова, что путь этот долгий и этапы движения к цели пока, в основном, неведомы. Здесь задача науки – исследование переходных отношений и процессов. А каково положение в самой науке?

Научная реальность такова, что мейнстрим, основное научно-идеологическое сопровождение капиталистической системы тоже занимается человеком и создало соответствующую теорию человеческого капитала. И в процессе научной работы мы должны критически взаимодействовать с этим течением и аргументированно его преодолевать. Мы полностью согласны с критикой С. Д. Бодруновым того, что неолиберализм поставил во главу угла максимизацию индивидуальной полезности, подменяя потом этот тезис максимизацией денежного дохода, и с его конечным выводом о том, что эта идеология ведет человечество в примитивный коммерческий тупик.

Нетрудно доказать на основе маржинальной методологии, что последовательное проведение принципа максимизации индивидуальной полезности, с учетом эффективности по Парето, приводит эту же неолиберальную теорию к тому, что наиболее рациональным и эффективным по суммарной полезности является уравнительное распределение, что коренным образом противоречит сути рыночной экономики. Здесь не место останавливаться на иных противоречиях, которые содержатся внутри неоклассической теории, основанной на методологическом индивидуализме.

Есть смысл остановиться на сути теории человеческого капитала, поскольку это оппонит теории человека креативного. Шульц и Беккер, которые считаются родоначальниками рыночной теории человеческого капитала, заявили, что часть потребительских расходов людей надо рассматривать как инвестиции: образование, медицина и т. д. Почему? А потому что затраты в эту область готовят индивиду в будущем более повышенный доход. Часть потребительских расходов индивида в духе основ рыночной экономики, превратились в инвестиционные затраты и экономическое поведение индивида свели к рыночному шаблону – затраты и результаты. Индивид сам на себя тратит, повышая свой человеческий капитал, и сам же получает выгоду. И все это завершается теорией жизненного цикла. Человек приходит в этот мир без всего, потом он накапливает человеческий капитал, на котором наживает доход в первой активной части своей жизни. Потом, во второй, более пассивной части своей жизни, человек расходует все прежде накопленное и в конце жизненного цикла уходит в мир иной с нулевым доходом. В этой теории либеральный прагматизм доведен до абсурда.

Эта теория, рожденная в США, сразу испытала трудности, как только она переместилась в пространство Европы. Оказалось, что в Европе затраты и результаты асимметричны. Государство затрачивает средства на образование, например, а благо извлекает индивид. Здесь

дискуссия перемещается в область налогов, которые должны погашать эти расходы и т. д. Но этой дискуссией не затронуто методологическое основание самой теории.

На этом трудности теории человеческого капитала не заканчиваются. На уровне любой организации (корпорации) действует не сумма индивидов, каждый из которых индивидуально максимизирует свою полезность, а сообщества, где отдельные индивиды связаны командной работой. Кроме того, индивидуальное благополучие отдельного работника полностью зависит от благополучия организации (фирмы). В свою очередь, благополучие фирмы зависит от макроэкономической ситуации в стране. Принцип методологического индивидуализма разрушается на разных уровнях. В этой связи, переход к теории человека креативного, и человека социального, является перспективной альтернативой теории человеческого капитала.

Полученные выводы являются поддержкой теории ноономики и обоснованием необходимости дополнить ее исследованием переходных отношений и форм социальной организации, учитывая реальность нынешнего стартового положения движения к обществу будущего, названного ноономикой.

Рассмотрим теперь практическую составляющую. Тезис об исчезновении в будущем экономических отношений в ноономике воспринимается, первоначально, в жанре фантастического предположения. Но практика дает основания для перемены точки зрения на эту проблему. В работах Клауса Шваба приводятся данные как новая технологическая революция, действительно, массово выталкивает людей из процесса производства. Приводится пример, как переход от Детройта к Кремниевой долине по капитализации крупнейших компаний растет в 10 раз и во столько же сокращается занятость [Шваб, 2017, с. 19-20]. Это уже факт выталкивания работников из сферы производства не где-то за фантастическим горизонтом, а у истоков новой промышленной революции. Но выталкивание работников из сферы непосредственного производства не есть «выталкивание» экономических отношений. Безработные в системе капиталистических отношений не перестают быть субъектами экономических отношений, поскольку отчуждены от условий производства и жизненных средств.

Но есть иные признаки сворачивания экономических отношений. Сейчас в развитых странах интенсивно обсуждается вопрос о безусловном доходе для граждан, независимо от их участия в производстве благ и создании доходов. Эта идея уже приближается к началу практической реализации. В той мере, в какой будет внедряться в существующий социально-экономический формат практика безусловного дохода, в той же мере экономические отношения начнут вытесняться. А по мере развития данного социального плана, объективное экономическое развитие будет двигаться в ту сторону, которая излагается в теории ноономики.

Остается рассмотреть позицию, в соответствии с которой ныне господствующая система в России считается естественной и эффективной моделью, которая не требует фундаментальных изменений. Требуются усовершенствования отдельных сторон и направлений: защита частной собственности, обеспечение конкуренции, создание независимого суда и т.п. Иногда сюда добавляется создание качественной институциональной среды.

Защита прав частной собственности. Ни одна страна в мире не сделала для частной собственности столько, сколько было для нее сделано в России. В частные руки передан был беспроцентный объем имущества и ресурсов, включая природные. Достаточно обра-

таться к материалам счетной палаты РФ, чтобы убедиться в необоснованности мнения об ущемленном положении частной собственности со стороны государства [Анализ процессов приватизации, 2004; Полтерович, 2012]. На самом деле в защите нуждаются другие формы собственности, отражающие интересы абсолютного большинства граждан России и защищенные Конституцией.

Защита конкуренции. Конкуренция является естественным состоянием и следствием частной собственности. Если структуры, находящиеся в частной собственности, не конкурируют друг с другом, то это говорит о фундаментальных изъянах в самой частной собственности. Правда, здесь выделяются два фактора, не зависящих от конкурирующих субъектов экономики: монополизм и высокая доля участия государства в экономике, доходящая до 70%. Что касается монополизма, то в России создана нормативная база и структура в исполнительной власти (Антимонопольный комитет с региональными подразделениями) специально для борьбы с монопольным доминированием на рынке. Таким образом здесь нет проблем властно-политического характера и предложения о борьбе с монополизмом должны носить конкретный и адресный характер. Что касается чрезмерной доли участия государства в экономике (70%), это уникальное недоразумение в российской науке и практике. Эта цифра появилась в докладе Антимонопольного комитета 2014 года и получила широкое распространение в высших кругах науки и политики. Впоследствии выяснилось, что данная цифра была получена не методическим путем, а была заимствована из аналитических материалов Мирового банка. Подробный анализ этого вселенского заблуждения не входит в задачу данной статьи. Его результаты опубликованы [Хубиев, 2016]. Здесь достаточно очень краткой статистической ссылки. В предпандемный 2019 год в государственной собственности по официальным данным было всего 15% основных фондов [Полтерович, 2016, с. 314, 336]. Если на 15% основных фондов государству удастся создавать 70% ВВП, то это может свидетельствовать только об очень высокой эффективности госсектора со всеми вытекающими отсюда выводами относительно реструктуризации собственности при создании новой модели экономики.

Пренебрежение достоверными источниками и предпочтение необоснованно завышенных данных о доли государства в экономике потребовалось для двух целей. Во-первых: обвинить «непомерно раздутый» госсектор в стагнации и технологическом отставании; во-вторых: для обоснования претворения в жизнь идеи «второй волны приватизации». Целью является образование «второй волны» олигархической элиты.

Создание независимой судебной системы. Здесь проблема перевернута с ног на голову. Избыточная свобода и независимость судей является главной причиной многоуровневой коррупции в этой системе. На самом деле, необходим контроль за деятельностью судей, но не государственный, а общественный. Шагом вперед, по сравнению с нынешней системой, было бы использование советского опыта: выборность судей, периодическая отчетность перед избирателями, институт народных заседателей. Не недостаток, а избыточная независимость судей является главной проблемой этой ветви власти. Судьи, принявшие решения, никак за них не отвечают. Они даже не посещают апелляционные заседания, где им могут быть заданы вопросы по поводу принятых ими решений, и где они могли бы аргументировать свои решения. У предложений создать независимый суд есть и другой контекст. Усложненная и дорогостоящая судебная процедура требует больших затрат на адвокатов, экспертизу. А если учесть и коррупционный рынок судебных услуг, то очевиден

исход судебных споров в пользу наиболее состоятельной стороны. В этом суть разговоров о независимости судей за завесой риторики о демократизации.

Второй подход не содержит потенциала изменения системы. Наоборот, предложения по «долиберализации» российской экономики только усугубит ее неэффективность. Все предлагаемые институты были созданы: частная собственность, антимонопольный комитет, независимый суд. Вместо того, чтобы исследовать их неэффективность и даже их провалы, предлагается развивать эту систему. Если модель неэффективна, то не даст желаемого результата. Сколько ни заливай в жернова неэффективной модели потоки денег под разными названиями (инновационное развитие, институты развития, приоритетные проекты, национальные проекты) существующая экономическая модель не содержит персонифицированных стимулов прорывного развития. Если субъектом прорывного развития выступает государство, его денежные потоки должны быть направлены на создание конкретных объектов и комплексов, которые явятся локомотивами развития новых технологий. Этому должна предшествовать плановая работа, вытекающая из Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633, и функций воспроизводственной экономической политики.

Особого внимания требует институциональный ресурс. Продвижение экономики по этапам, стадиям, ступеням и другим состояниям переходной экономики сопровождается созданием одних и отменой других институтов. Поэтому метод продвижения к ноономике через специальное исследование переходных процессов должен быть дополнен рассмотрением институтов как ресурса, наряду с капитальным и человеческим. При этом попутно придется обращаться к методологическим вопросам соотношения неоинституциональной экономической теории (НИЭТ) и неоклассической экономической теории (НКЭТ).

В результате институциональных преобразований в России 90-х годов экономика претерпела беспрецедентно катастрофические последствия. Спад производства в России превзошёл Великую депрессию. ВВП к 1998 году составил по разным оценкам от 42% до 50% от уровня 1990 г., инвестиции сократились на 80%, население сократилось более чем на 10 млн чел. Это результат **радикальных институциональных преобразований**. Они имели свое идеологическое и научное сопровождение. В теоретическом фаворе была неоклассика и неоинституционализм, как ее течение. Политическая экономия не была допущена к обоснованию радикальных реформ. Она вообще оказалась в полулегальном положении в системе образования и аналитики.

Неоклассика не содержит теории переходов и преобразований экономических систем, отношений, структур. «Переварив» институционализм, превратив его в свою составную часть, НКЭТ (неоклассическая экономическая теория) получила раздел, дополнивший этот недостаток. Но НИЭТ (неоинституциональная экономическая теория) предметно охватывает лишь пограничный слой собственно экономических отношений, переходя в область неэкономических отношений, правовых, главным образом. Поэтому ее нормативные функции не имеют надежность научного уровня. Законодательно можно перераспределить права и установить новые права, создать органы исполнительной власти для их внедрения. То есть могут быть созданы как отдельные институты, так и их системы. Но не будет никаких гарантий и оснований для эффективного результата.

Пример с катастрофическими результатами приватизации известен. Тем не менее без объективного анализа ее результатов, еще не до конца преодолев ее разрушительные последствия, правительство принимает новые планы приватизации. Без учета глобо-

ких травм, нанесенных экономике, вынашиваются планы «второй волны» приватизации. Главным результатом приватизации 90-х годов было образование класса олигархов. Новая волна приватизации породит новую волну того же класса олигархов. Сколько-нибудь очевидные результаты, отражающие национальные интересы, не могут быть обнаружены без специальных исследований экономической системы в нынешнем ее переходном состоянии. В заходе на новую волну приватизации отчетливо проявляется единство экономики и политики. Идеологическим обоснованием и сопровождением как первой, так и второй волны приватизации является НКЭТ с абсолютизацией частной собственности и свободного рынка.

Теоретико-методическим и инструментальным обоснованием является НИЭТ, которая тоже исповедует идеи свободного рынка и частной собственности. Главным негативным результатом провала российской экономики 1990-2000-х годов является потеря исторического времени, которое выразилось в глубоком технологическом отставании. Результаты, исследования причин случившегося провала, зависят от используемой методологии. Системный подход ориентирует на поиск фундаментальных причин, которые располагаются на уровне основ системы. Радикально разрушая основы прежней системы, новым комплексом институтов реформаторы создали ситуацию «неправильно застегнутой первой пуговицы». Основная масса государственных предприятий была формально преобразована в акционерные общества, ничего общего, не имея с природой и сутью акционерных обществ.

Опыт создания акционерных обществ, включая опыт России конца 19 века, свидетельствует о том, что они осуществляли прорывное развитие сфер и отраслей экономики. Такой результат был возможен по следующим причинам. АО создавались мотивированными субъектами, которые предварительно разрабатывали проект, как правило, инновационный. Для его реализации изыскивались средства как собственные, так и привлеченные. Акционеры рисковали не только средствами, но и репутацией, судьбами (пример Мамонтова). Энергия, навыки и способности были мобилизованы для реализации проекта. Результатом были не только новые рабочие места, но и новые производственные, инфраструктурные объекты. Создание акционерных обществ в соответствии с их природой было мощным импульсом инновационного развития экономики России.

Создание акционерных обществ в 90-х лишь формально соответствовало их названию, а по сути были их противоположностью, поэтому и результаты не могли быть иными. Под создаваемые АО новые проекты не разрабатывались, новые средства не привлекались, новые рабочие места не создавались. Новые собственники не несли никаких рисков и ответственности. Они не создавали и не приобретали новую собственность, а ею наделялись. Сущность и последствия возникновения такой собственности была очевидна для отечественных экономистов. Практические события 90-х подтвердили тревожные социально-экономические прогнозы, составленные на основе политико-экономического подхода. К концу второго десятилетия 21 века обнаружился союзник со стороны неоклассической теории в лице лауреата Нобелевской премии 2017 года Р. Талера. Он обосновал неэффективность наделенной (незаработанной) собственности. Та экономическая система, в основу которой были заложены институциональные преобразования по созданию неэффективной собственности, иной быть не могла. И тщетными, или даже лицемерными оказались уверения общественности в том, что, преобразовав «неэффективную» государственную собственность на «эффективную» частную, будут включены стимулы частного предпри-

нимательства: конкуренция, инновационная инициатива. Была вера в то, что энергия предпринимательства и законы рынка вынесут экономику на вершины технологического прогресса. Ничего этого не произошло и не могло произойти по определению. Наделенная собственностью вырабатывала навыки хищнической эксплуатации ресурсов, и вывода за рубеж извлеченных доходов.

Технологическое развитие России оказалась в тупиковой ситуации. Либеральная стратегия технологического прорыва через приватизацию и запуск конкурентного механизма не состоялась. Либерализация внешнеэкономических отношений привела к компрадорскому отношению финансово – экономической элиты к национальной экономике.

Государство не могло безучастно наблюдать катастрофическое отставание от мировых тенденций. Разрабатывался целый комплекс документов, направленных на промышленное и технологическое развитие. Их вехой явились майские Указы Президента РФ (2018), нацеленные на прорывное социально-экономическое развитие. Но уже был накоплен опыт реализация подобного рода важных документов, которые успешностью не отличались. К примеру: в 2008 году была принята Концепция долгосрочного социально – экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации, согласно Концепции, должна была возрасти с 13% в 2007 году до 40%-50% к 2020 году. Эта Концепция осталась благопожеланием и существенного продвижения в инновациях не получилось. Такая судьба постигла и другие важные государственные решения. Но в рамках государственных программ продолжается наращивание и накопление комплекса инициатив. Для этого разработаны национальные проекты 2019-2024 гг., приоритетные программы, федеральные институты развития, региональные институты развития. Имеются и отдельные значимые проекты, с целевым финансированием из бюджета.

Попытки государства выступить инициатором и катализатором развития, в том числе через реализацию приоритетных национальных проектов, не содержат ни потенциала, ни гарантий прорывного развития. Усилия федерального уровня можно охарактеризовать как очередные проекты благопожелательного политического значения, похожие на совсем еще недавние, но уже бесславно забытые проекты инноваций и инновационного развития. Частный бизнес, которому переданы ресурсы в результате радикальной и исторически беспрецедентной по масштабам и темпам приватизации, занял по преимуществу паразитически – компрадорскую позицию. Он не заинтересован в развитии отечественной экономики. Государство, периодически иницилирующее прорывное развитие уже не обладает для этого ресурсами. Это самое глубокое противоречие экономической политики на федеральном уровне и перспективы его разрешения не видны.

Комплекс инициатив на государственном уровне по прорывному развитию впечатляют замыслом, масштабами и объемом финансирования. При этом возникает вопрос об их эффективности. Могут ли быть гарантии тому, что уровень эффективности и реализация именно новых инициатив окажется выше предыдущих, принятых на том же уровне, если экономическая система не претерпевает изменения в своей основе и не меняется существенно механизм реализации.

Инициативная деятельность руководства страны с целью всколыхнуть и придать импульс развитию с точки зрения экономической политики относится к **стимулирующей** фискальной политике и устремлена к прорывному технологическому и социально-экономическому

развитию страны. Но она упирается в монетарную политику, которая имеет противоположную направленность. Во главу угла Центробанком поставлено таргетирование инфляции, что относится к классическим инструментам **сдерживающей** политики. Одновременное проведение двух противоположно направленных политик своим основным результатом может иметь только неэффективное расходование ресурсов. Но надо учесть и третью силу, влияющую на результат функционирования национальной экономики. Это крупный бизнес, на вершине которого находится олигархический слой. Он присваивает потоки доходов и переводит их за границу. Работает механизм «утечек», вместо «инъекций» в национальную экономику. Экономическая политика в результате действия трех разнонаправленных сил: стимулирующей, сдерживающей и компрадорской не может быть эффективной по определению. Это одно из проявлений экономической системы на поверхности ее функционирования.

Выводы

Экономическая система России деформирована в фундаментальной основе на уровне отношений собственности. Интересы наделенных собственников не находятся в органической связи с инициативами субъектов прорывного технологического развития России. Тем более они не связаны с интересами экономических субъектов, отчужденных от собственности на капитальные и природные ресурсы. Система, порочная от основания до конкретного уровня функционирования экономики, не содержит потенциала прорывного развития. А стремление залить ее деньгами, (преимущественно ресурсного происхождения) в возрастающем количестве не решит проблему системного характера.

В этой связи перед экономической наукой встает масштабная задача разработки собственно российской экономической модели, учитывающей ее особенности и направления уместных преобразований. В этом направлении проводятся исследования, но задача эта сложная, ее решение требует мобилизации большого научного потенциала. Прорывное развитие возможно только тогда, когда гармонизированы интересы основных «игроков». А решение проблемы такого уровня связано с передислокацией собственности, соответственно экономической власти и социальной структуры общества. Любые преобразования в настоящем должны быть ориентированы на цели в будущем. Если нет ясных целей, то преобразования теряют смысл. При бесцельном движении только случайно один из экономических ветров может оказаться попутным. Но и при наличии ясных целей необходимо последовательно вырабатывать стратегию и тактику последовательных шагов движения к ней.

Для продвижения к новым моделям экономической системы необходимо выявить переходные состояния, через которые должна пройти реально существующая система, какие социальные силы будут двигать этот процесс. Это масштабный научный проект, требующий мобилизации больших исследовательских ресурсов. Но без выполнения такой работы ни один из вариантов и концепций новой модели экономической системы нельзя считать полным и завершенным.

Список источников

- Беляев С., Кошкин В. (2020). Может ли быть экономика солидарной? Эксперт, № 14 (1158).
Бодрунов С. Д. (2020). Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция. 224 с.

- Кретов С. (2019). Теория и практика сосуществования человека с природой. М.: Добротворение. 1370 с.
- Полтерович В.М. (2012). Приватизация и рациональная структура собственности. Ч. 1 // Экономические науки современной России. № 4 (59). С. 7–23.
- Полтерович В.М. (2013). Приватизация и рациональная структура собственности. Ч. 2. Рационализация структуры собственности // Экономическая наука в современной России. № 1.
- Российский статистический ежегодник. 2020. с 314
- Субетто А. И (2007). В. И. Вернадский: от начала ноосферно-ориентированного синтеза наук — к вернадскианской революции в системе научного мировоззрения в начале XXI века и к становлению ноосферизма. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 105 с.
- Шваб К. (2017). Четвертая промышленная революция. Москва. С. 19–20.
- Анализ процессов приватизации государственной собственности в российской федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие) URL: <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf>. (In Russ.)
- Хубиев К.А. (2016) Актуальная роль государства в экономическом развитии // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Т. 8, № 4. С. 7–23.

References

- Belyaev S., Koshkin V. (2020) Can the economy be solidary?? Ekspert –Ekspert. No. 14 (1158). (in Russ.)
- Bodrunov S.D. (2020) Noonomy: the trajectory of global transformation. Moscow: Kul'turnaya Revolutsiya Publ. (In Russ.)
- Kretov S. (2019). Theory and practice of coexistence of human with nature. Moscow: Dobrotvorenje Publ. 1370 p. (In Russ.)
- Polterovich V.M. (2012). Privatization and the rational ownership structure. Ch. 1. Ekonomicheskie nauki sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]. No. 4 (59), pp. 7–23. (In Russ.)
- Polterovich V.M. (2013). Privatization and the rational ownership structure. Ch. 2. Rationalization of the ownership structure. Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii [Economics of Contemporary Russia]. No. 1. (In Russ.)
- Russian statistical yearbook (2020) p 314. (In Russ.)
- Subetto A.I. (2007). V. I. Vernadsky: from the beginning of the noosphere-oriented synthesis of sciences — to the Vernadskian revolution in the system of scientific worldview at the beginning of the 21st century and to the formation of noospherism at the beginning of the XXI century and to the formation of noospherism. Kostroma: Nekrasov Kostroma State University Publ. 105 p. (In Russ.)
- Shvab K. (2017). Fourth industrial revolution. Moscow. Pp. 19–20. (In Russ.)
- Analysis of the processes of privatization of state property in the Russian Federation for the period 1993–2003 (expert-analytical event). URL: <http://nationalization.ru/biblioteka/Analiz-processov-privatizacii-gosudarstvennoj-sobstvennosti-v-rossijskoj-federacii-za-period-1993-2003-gody.pdf>. (In Russ.)

Khubiev K.A. (2016). The Actual Role of the State in Economic Development. Scientific researches of faculty of economics. Electronic journal. Vol. 8, No. 4, pp. 7–23. (In Russ).

Информация об авторе

Кайсын Азретович Хубиев

Профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 46)

E-mail: khubiev48@mail.ru

Information about the author

Kaysyn A. Khubiev

Dr. Sc. (Econ.), Professor of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia)

E-mail: khubiev48@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-115-128

Джеймс К. Гэлбрейт

Школа по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (Техас, США)

НООНОМИКА, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПАНДЕМИЯ¹

Аннотация: В исследовании автором акцентируется внимание на различиях экономических систем между странами со сбалансированными и устойчивыми промышленными системами и странами с хрупкими системами. Рассматриваются данные отличия с позиции оценки: системы планирования, потребностей, глобализации, пандемии Covid-19 и связанной с ней кризисом. В заключении автор приходит к выводу о том, что страны, не осуществившие переход к продвинутым системам финансовых отношений, оказались наиболее успешными в сохранении жизнеспособности своей экономики на фоне мировой пандемии.

Ключевые слова: ноономика, симулякры, производство, глобализация, предложение и спрос, пандемия, мировой кризис.

Для цитирования: Гэлбрейт Дж. К. (2022). Ноономика, глобализация и пандемия // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 115–128. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-115-128.

James K. Galbraith

The Lyndon B. Johnson School of Public Affairs at the University of Texas at Austin (Texas, USA)

NOONOMY, GLOBALIZATION AND PANDEMICS

Abstract. The author focuses on the differences in economic systems between countries with balanced and sustainable industrial systems and countries with fragile systems in his study. These differences are under analysis from the perspective of assessment: planning system, wants, globalization, the COVID-19 pandemic and the related crisis. Lastly, the author concludes that countries that have not made the transition to advanced systems of financial relations have been the most successful in maintaining the viability of their economies against the backdrop of a global pandemic.

Keywords: noonomy, simulacrums, production, globalization, supply and demand, pandemic, world crisis.

¹ Данная статья ранее опубликована в книге «А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия» (Гэлбрейт, Дж.К. Ноономика, глобализация и пандемия / Дж. К. Гэлбрейт // А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб: ИНИР, 2021, С. 132-157)). Повторная публикация осуществлена в целях ознакомления с содержащимися в данной статье идеями более широкой читательской аудитории.

For citation: Galbraith J. K. (2022). Noonomy, globalization and the pandemic. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 115–128. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-115-128.

伽尔布莱特 J. К.

德克萨斯大学奥斯汀分校林登约翰逊公共关系学院教授

智力经济、全球化和大流行病

摘要:作者的研究重点是工业体系平衡和稳定的国家与工业体系脆弱的国家之间的经济体系的差异。从以下角度探讨了这些差异:计划体系、需求、全球化、新冠大流行病和相关危机。作者得出的结论是,在爆发世界性大流行病背景下,没有过渡到先进金融体系的国家,在保持经济活力方面取得了最大的成功。

关键词:智力经济、模拟、生产、全球化、供需、大流行病、全球危机。

引文注释: 伽尔布莱特 J. К. (2022). 智力经济、全球化和大流行病//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 115–128. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-115-128.

Введение

«Ноономика» в интерпретации профессора С.Д. Бодрунова [Бодрунов, 2018] используется для описания потенциального развития индустриальной системы, которая соответствует назначению в плане удовлетворения основных требований справедливого и цивилизованного общества с учетом возможностей технологий и в пределах, обусловленных окружающей средой.

В этой системе производственные процессы не будут настолько зависеть от прямых затрат на труд, а структура общества будет строиться в основном на принципах, отличающихся от ограниченных экономических критериев, используемых до сих пор.

В некотором смысле общество в целом уже двигалось в сторону ноономики путем реструктуризации промышленности и автоматизации, развития цифровых технологий и технологий твердотельных элементов и схем, а также с помощью корпоративных стратегий контроля затрат. Многие работники уже уволены. Однако данный процесс, в том виде, в котором он существует сейчас, не способствует ни достижению справедливости, ни развитию цивилизации, ни сохранению окружающей среды; напротив, данный процесс происходит в неравноправных условиях, является грубым в основных чертах и оказывает разрушающее воздействие на окружающую среду. И хотя подавляющее большинство уволенных работников нашли работу в сфере услуг, и лишь относительно немногие были вынуждены долгое время пользоваться скудной поддержкой, предоставляемой государством, пандемия Covid-19 выявила хрупкость такой трудовой занятости и неспособность современной системы противостоять радикальным изменениям в поведении, вызванным серьезной угрозой здоровью населения. Таким образом, данный процесс приводит к тем шагам, которые необходимо предпринять для реализации потенциала экологически безопасной ноономики.

Основные результаты и их обсуждение

Система планирования. Экономика, независимо от ее вида: национальная, континентальная или мировая экономика, в которой промышленный сектор основан на базе знаний, непременно будет основываться на принципах промышленной организации и контроля, изложенных в работе Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное государство» [Гэлбрейт, 1967]. Существует система планирования, разработанная с учетом потребностей промышленного предприятия, которая включает исследования рынка, проектирование изделий, технические разработки, финансирование и контроль качества и затрат по процессу производства. Компания взаимодействует со своими клиентами, сотрудниками, государственным сектором и финансовым сектором и работает, чтобы координировать и контролировать поведение каждого сотрудника, наиболее эффективно достигать целей и задач компании, поставленных руководством и директорами. Поскольку система планирования на уровне предприятия остается решающим фактором процесса производства, определение его целей и за дач становится ключевым вопросом.

Цели и задачи крупного промышленного предприятия частично определяются политической, правовой и идеологической средой, в которой оно ведет деятельность. Разница заключается в том, что цели и задачи долгосрочно действующих предприятий заключаются в удовлетворении потребностей общества, тогда как цели и задачи других организаций заключаются в получении максимальной прибыли для акционеров в краткосрочной перспективе и выплате вознаграждения руководству компании. Общеизвестно, что в Соединенных Штатах и Великобритании принятие стоимости акционерного капитала в качестве основного критерия эффективности, начиная с конца 1970-х годов под влиянием экономической политики неолиберализма, привело к постепенному ослаблению долгосрочной жизнеспособности крупных компаний, подобно тому, как приватизация, организованная номенклатурой, привела к грабежам при распаде СССР. Однако в других странах, и в первую очередь в Германии, Японии, Корее и Китае, система планирования продолжала функционировать для поддержки долгосрочной жизнеспособности промышленных предприятий в качестве действующих предприятий; и эти страны постепенно поддерживали и развивали свой технологический потенциал в кумулятивном процессе деятельности. Стоит отметить, что всякий раз корпоративная система планирования существует в структуре с уравнивающей силой (например, профсоюзы и другие социальные партнеры в Германии), или в партнерстве с государственными учреждениями (Япония и Корея), или даже, на примере Китая, в форме государственной собственности для многих основных предприятий. В какой-то степени эти предприятия реагируют на социальное и экологическое давление, однако, согласно постулату Гэлбрейта, их основная цель заключается в обеспечении стабильности и роста для себя.

Действительно, даже само поддержание стабильности промышленной системы требует творческого подхода, реализация которого не всегда была успешной. Построение экономики, базирующейся на новых производственных технологиях, неизбежно влечет за собой создание мира, в котором лишь небольшая часть трудоспособного населения будет задействована в производственной деятельности; в то время как гораздо большая часть должна будет искать работу в других сферах или искать другие средства к существованию, не предполагающие работу по найму.

Этот факт относится ко всем странам, где существует производство, однако, больше всего это касается тех стран с высоким уровнем заработной платы, которые активно вытесняют

производителей и заменяют их торговыми партнерами с низким уровнем заработной платы, и агрессивно внедряют трудосберегающие технологические изменения. В этих странах существенно сократилась доля рабочей силы, занятой на производственных предприятиях с высоким уровнем заработной платы. Задача системы планирования, даже если она иным образом не ограничена необходимостью достижения общественных целей, состоит в том, чтобы обеспечить как спрос, так и предложение на услуги, которые обеспечивают получение дохода большинству трудящихся, не производящих материальные товары, для того, чтобы мог существовать достаточный спрос на материальные товары, предусмотренные системой планирования. В силу социальных и политических причин, за исключением важной, но ограниченной по составу, группы пожилых людей, которым предоставляется поддержка по программе социального обеспечения и другим государственными пенсионными программам, эта систему невозможно широко применить, чтобы гарантировать получения дохода всем, кто нуждается в нем. Таким образом, система планирования должна была способствовать развитию экономики, в которой наемный труд был бы широко востребован не только в секторах, связанных с производством товаров.

Симулякры, излишества и предметы роскоши. Создание дополнительных рабочих мест в постиндустриальной протоноомике возможно благодаря стимулированию спроса и предложения товаров и услуг, которые являются несущественными или излишними, в том смысле, что от них можно отказаться без серьезного ущерба для благосостояния; товары и услуги, соответствующие этому описанию, можно охарактеризовать как «симулякры», поскольку они удовлетворяют потребности, которые не являются реальными потребностями, а надуманными желаниями. Изначальные идеи различия между существенным и несущественным, утраченные в неоклассической экономической теории, берут свое начало в классической дихотомии на производительный и непроизводительный труд, а также в концепциях материального соперничества и показных трат, которые продвигались Т. Вебленом [Веблен, 1899], и в его теории разделения на промышленный рабочий класс и праздный класс. Таким образом, для А. Смита, который адаптировал более раннюю концепцию физиократов, служащие, солдаты, духовенство и большинство государственных чиновников относились к «непроизводительному» классу и, по его мнению, существовали за счет излишков, произведенных трудом фермеров, ремесленников и торговцев, которые являлись основой экономической жизни Британии XVIII века. В то время как у Т. Веблена праздный класс был нацелен на активное потребление предметов роскоши и демонстрацию своего благосостояния, что включало в себя дорогостоящее содержание многочисленной челяди и слуг, которые потребляли продукты, созданные промышленными классами.

В послевоенную эпоху рост производительности труда означал необходимость борьбы с потенциальной возможностью марксистского «кризиса реализации». Чтобы поддерживать спрос на свой выпуск продукции, система планирования предусматривала разработку и продвижение симулякров во множестве форм. Первоначально такая поддержка состояла в основном из растущего разнообразия потребительских товаров, а также их активного продвижения при помощи рекламы. Эта тема была хорошо изучена Дж.К. Гэлбрейтом [Гэлбрейт, 1958]. Однако в последнее время симулякры все больше создаются в сфере услуг. Таким образом, мы наблюдаем за процессом трансформации простых и ранее обычных действий, таких как занятие спортом, поход в кафе или покупка продуктов питания

и одежды, получение высшего образования, а также отдельные медицинские процедуры, в дорогостоящие формы дискреционного потребления, некоторые из которых могут усилить фундамент экономической жизни наряду с ее другими существенными элементами. Таким образом, симулякры в последнее время получили наибольшее развитие именно в секторе услуг, а не в секторе производства товаров, и именно в этом секторе большинство людей в странах с развитой экономикой до недавнего времени находили работу.

Мировая экономика, разделенная на три части. Таким образом, процесс глобализации привел к возникновению мировой экономики, разделенной на три части, что впервые было проанализировано в работе Дж. Гэлбрейта (Galbraith, 1989, с. 14). На самом низком уровне находятся те страны, функции которых в значительной степени ограничены поставками товаров на мировые рынки («страны с преобладанием экспорта сырья»), от хлопка и какао до меди и кобальта и, конечно же, нефти. Такие страны имеют давно устоявшуюся традиционную структуру экономики; они зависят от внешнего мира в плане производства, товаров производственного назначения и базового медицинского обеспечения; их платежеспособность ограничена ценой, которую они могут получить за производимые товары. Дефицит покрывается за счет долга, и периодические долговые кризисы являются обычным явлением для стран, находящихся в таком положении. В этих странах также существует вопиющее неравенство, разделение на землевладельцев и арендаторов, или, в более широком смысле, на тех, кто контролирует поток ресурсов, и тех, кто не контролирует. Существуют исключения – можно вспомнить Кубу и Норвегию, однако эти исключения редки.

На верхнем уровне находятся страны («ведущие технологические державы»), которые поставляют остальным странам высокотехнологичные товары, средства производства и финансовые услуги. В этих странах обычно высокий уровень жизни и фактической заработной платы благодаря устойчивой валюте и способности импортировать как товары, так и предметы народного потребления по ценам, которые может позволить себе большинство их домохозяйств. Однако их экономика характеризуется отчетливыми экономическими циклами, обусловленными цикличностью глобального спроса на высокотехнологичные средства производства и очень высоким уровнем неравенства из-за оценки стоимости капитала, имеющегося в распоряжении у передовых технологических компаний с распределением, доступным лишь очень небольшому количеству людей, а также потенциала для получения прибыли и вытеснения конкурентов в финансовом секторе.

Поскольку трудоемкое производство в значительной степени перемещается в другие места, большая часть рабочих мест в этих странах создается в сфере услуг. Причина, как указывалось выше, заключается в стимулировании новых желаний и превращении обычных видов деятельности в дорогостоящие формы проведения досуга.

На среднем уровне находятся те страны («промежуточные производственные мощности»), которые поставляют продукцию потребляющим домохозяйствам стран мира, в основном импортируя как средства производства, так и товары массового потребления. В этих обществах наблюдается тенденция к эгалитаризму, а также относительной стабильности – их основная уязвимость заключается в колебаниях спроса на экспорт и цен на сырьевые материалы. Уровень жизни сравнительно невелик, но имеет тенденцию к повышению со временем по мере улучшения качества товаров и снижения производственных затрат. Такие страны также могут импортировать технологии, приобретая их у своих более прогрессивных партнеров, а также улучшать свои собственные мощности. Таким образом,

они представляют собой явную или неявную угрозу для доминирующего положения игроков на верхнем уровне.

Covid-19, экономическая структура и экономические модели. Кризис Covid-19 сфокусировал наше внимание на этих различиях. Выявилось различие между странами со сбалансированными и устойчивыми промышленными системами и странами с несбалансированными и хрупкими системами. Элементы избыточности, которые являются источниками экономической хрупкости, стали очевидными. Были выявлены последствия нестабильности и неравенства в предоставлении тех товаров и услуг, включая элементы благоустройства, которые необходимы для цивилизованной, безопасной и удовлетворяющей основные потребности жизни. Кризис продемонстрировал, что страны с наиболее глобализованной экономикой, которые в большей степени ориентированы на глобальное разделение труда и, следовательно, больше всего зависят от симулякров и элементов избыточности для поддержания занятости в своей стране, являются наиболее уязвимыми в условиях глобального кризиса в области здравоохранения.

Основное направление экономической теории уделяет мало внимания таким вопросам структуры. В нем все потребительские расходы рассматриваются как побуждаемые одинаково обоснованными желаниями и, следовательно, являющиеся одинаково необходимыми; «существенные» потребности не отличаются от «избыточных». Бремя долгов в целом не принимается во внимание, и недостаточное внимание уделяется роли глобальных источников спроса на средства производства, в отличие от местных источников. Таким образом, для многих последователей основного направления экономической теории пандемия была шоком – как землетрясение или теракты 11 сентября – для экономики, обладающей исключительно внутренними основными характеристиками, и которую можно моделировать способом, в целом аналогичным тому, который используется в любой макроэкономике. С этой точки зрения, кризис Covid-19 препятствовал процессу стабильного развития и повышению благосостояния, который давно вошел в фазу «восстановления» после предыдущего сокрушительного удара во время финансового кризиса 2007-2009 годов. Это стало неожиданностью, что предполагает отсутствие существующей ранее базовой проблемы. Следовательно, можно ожидать, что последствия будут напоминать процесс экономического восстановления прошлого периода.

Таким образом, согласно мнению последователей основного направления экономической теории, для того, чтобы экономика «снова начала двигаться», чтобы потребители снова начали тратить, использовать свой «отложенный спрос», необходимо вернуть им «уверенность», возможно, с помощью распределения долларов из государственного бюджета. В Соединенных Штатах Бюджетное управление Конгресса [Congressional Budget Office, 2020] недвусмысленно заявляет о том, что для восстановления, которое, как ожидается, начнется в ближайшее время, нужно полагаться на потребителя, а не на компании или правительство. Бюджетное управление Конгресса ожидает, что полного восстановления с течением времени можно добиться благодаря поддержке доходов, что приведет к увеличению потребления, и в конечном итоге – к увеличению производственных инвестиций. Такой подход можно отнести к мышлению в стиле «шок-стимул». Это похоже на то, как последователи основного направления экономической теории и левоцентристские политики размышляли о рецессии и восстановлении после снижения налогов Кеннеди и Джонсоном в начале 1960-х годов. За основу берется идея о том, что желания потребителей безграничны, что

потребление домашних хозяйств ограничено в основном доходом, и что траектория роста экономики в целом является предсказуемой функцией населения и их доходов.

Кризис в США, связанный с Covid-19. Согласно прогнозам Бюджетного управления Конгресса (2020 г.), ожидается, что реальный ВВП в Соединенных Штатах упадет на 12 процентных пунктов в квартале апрель-июнь 2020 года, или годовой показатель составит 40%. Учитывая роль оценочной стоимости в расчете ВВП, составляющий около 15% от общей суммы, это является сокращением фактических операций с денежными средствами примерно наполовину. Более того, большая часть остатка – это постоянные затраты, такие как аренда, коммунальные услуги и бюджетные расходы; если принять во внимание темпы спада во втором квартале, при их сохранении в течение всего года, экономическая активность частного сектора в стране практически была бы сведена к нулю. В настоящее время количество посещений действующих предприятий сократилось более чем наполовину. Спад, по всей видимости, был остановлен в третьем квартале за счет комбинации «стимулирования» и «повторного открытия», и, когда эти данные будут опубликованы, вероятен частичный возврат к прежней ситуации. Но, даже при реализации самых лучших сценариев, через год ВВП США останется значительно ниже уровня начала 2020 года, а показатель безработицы ожидается на уровне от десяти до двадцати миллионов человек.

В описанной выше модели «шок-стимул» содержится прогноз устойчивого восстановления после этого сокрушительного удара в течение четырех или пяти лет. Однако при этом не принимаются во внимание три отличительных признака экономики США, которые изменились за последние полвека по мере превращения Соединенных Штатов в ведущую технологическую державу с полностью глобализированной экономикой.

Это глобализация самой промышленности, рост предложения симулякров в основном в сфере услуг (относительное снижение в секторе потребительских товаров), в сфере потребления и занятости внутри страны, а также растущее бремя личной и корпоративной задолженности. В 1960-х годах промышленная экономика США являлась сбалансированной. В США было налажено производство товаров, как для бизнеса, так и для домашних хозяйств, с применением технологий на всех уровнях, а финансовый сектор являлся относительно небольшим (и жестко регулируемым). Товары производились в основном для удовлетворения потребностей внутри страны, осуществлялся импорт в основном товаров широкого потребления, однако, также производилось большое количество собственных товаров широкого потребления. Этот баланс больше не сохраняется.

Соединенные Штаты и Великобритания сегодня являются основными примерами стран, построивших глобализированную экономику, сосредоточенную на таких сферах как финансы и отрасли с передовыми технологиями, например аэрокосмическая промышленность, вооружение, информационные технологии, энергетические услуги, высокотехнологичная фармацевтическая промышленность и т.д. Соответственно, они импортируют значительную часть своих обычных товаров широкого потребления, включая одежду, бытовую электронику, бытовую технику, автомобили и автомобильные запчасти, из Азии, а также из Германии и ближайших соседних стран в Европе, а если это Соединенные Штаты, то из Мексики.

Специализация – это характерная черта глобализации, а доминирующее положение сферы финансов и технологий также свидетельствует о высоких доходах и благосостоянии, однако, только в обществах, где реальный уровень жизни многих людей поддерживается

за счет устойчивости национальных валют, позволяющей производить крупномасштабный импорт недорогих товаров народного потребления из развивающихся стран.

Во-вторых, с ростом доходов и появлением новых технологий изменилась структура расходов домашних хозяйств. В 1960-х годах американский потребитель (и, в меньшей степени, аналогичный потребитель в Великобритании) все еще расширял свой запас предметов домашнего обихода. Автомобили, телевизоры, кухонные приборы и стиральные машины являлись движущими силами спроса, поскольку все хотели приобрести то же самое, что покупают остальные. Обладание материальными ценностями хорошего качества и современного дизайна подчеркивало социальный статус; их отсутствие было отличительным признаком неуспешности. В наши дни низкая стоимость товаров длительного пользования, производимых в странах с гораздо более низкой заработной платой, снизила престижность таких покупок. Это высвободило доходы для потребления услуг, от ресторанов и баров до курортов и казино, салонов, тренажерных залов и услуг тренеров, кафе, массажистов и мастеров татуажа. Аналогичным образом, получение высшего образования и даже посещение магазинов следует рассматривать не только как вложение в «человеческий капитал» или (в случае посещения магазинов) как рутинную работу, но отчасти как досуг и усилия по тому, чтобы добиться положения в обществе. Эти усилия являются симулякрами, видами деятельности, от которых зависит занятость и доход миллионов людей, начиная от профессоров колледжей и заканчивая кассирами в магазине самообслуживания. Проблема заключается в том, что, будучи в значительной степени симулякрами, эти виды деятельности также являются излишествами в том смысле, что от них можно отказаться без серьезного вреда для покупателя. Несомненно, люди получают наслаждение от развлечений в вечернее время, посещения магазинов, маникюра, массажа и татуировок, но эти предметы не являются реальными потребностями; это – предметы роскоши, приносящие удовольствие, и от них можно отказаться.

В-третьих, в 1960-х годах расходы американских домохозяйств определялись ростом заработной платы, а также растущим капиталом, вложенным в дома, поскольку инфляция приводила к росту стоимости домов относительно ипотечных кредитов с фиксированной ставкой. Ни первое, ни второе уже не применимо. Заработная плата в основном осталась на прежнем уровне, по крайней мере, если сравнивать с уровнем 2000 года, в то время как рост расходов обуславливается наличием долга, как личного, так и корпоративного; компании в основном были ориентированы на обратный выкуп акций, что привело к росту оценки стоимости акционерного капитала компании и, следовательно, покупательной способности домохозяйств с высокой чистой стоимостью активов. Кризис 2008 года нанес удар по стоимости жилья, являющейся основным источником покупательной способности среднего класса; кредитование под залог жилья с тех пор, несомненно, уменьшило размер чистого капитала и повысило зависимость собственных средств среднего класса от снижения стоимости жилья. Между тем дефицит общественных благ, таких как парки, библиотеки, охрана, чистый воздух и питьевая вода, особенно в сообществах с низкими доходами, заставляет задуматься и усугубляет неравенство с точки зрения личных доходов.

Во время кризиса Covid-19 спрос на высокотехнологичные товары производственного назначения, рухнул. При сокращении объема авиаперевозок более чем на 90% половина или более всего парка самолетов простаивает на земле. Спрос на новые самолеты будет не-

большим, и основные производители, которые уже испытывают трудности, как например, корпорация Boeing, сокращают производство новых самолетов. Для многих других высокотехнологичных товаров, резкое сокращение спроса является повсеместно распространенным явлением, и с помощью государственной политики невозможно предпринять что-либо, кроме национализации производственных линий, чтобы остановить этот процесс. Тем не менее, существуют тенденции, обусловленные исключительно внутренней ситуацией. Бурение новых нефтяных скважин в Пермском бассейне остановлено, поскольку уже пробуренные нефтяные скважины являются нерентабельными при существующем уровне цен. Коммерческие помещения пустуют, торговые центры закрыты, поэтому нет необходимости строить новые.

Перед лицом нарастающей неопределенности сбережения домашних хозяйств возрастают, а расходы падают. Домохозяйства будут больше откладывать, даже если правительство временно возместит им потерянные доходы. Люди очень хорошо знают, что меры стимулирования являются кратковременными. Они знают, что перспективы трудоустройства являются неясными. Они ожидают, что стоимость их домов снизится и оценка их кредитоспособности также снизится. Они сократят количество ненужных вещей, чтобы подготовиться к обеспечению вещей, которые им действительно необходимы. Учитывая сокращение количества ежедневных поездок на работу из пригорода и обратно, автомобили будут служить дольше, и сократится производство и продажа новых автомобилей. Даже в сфере здравоохранения, составляющей около 18% (стандартного) ВВП США, спрос на услуги снижается, поскольку благодаря свободному времени и отсутствию обычных несчастных случаев здоровье неинфицированного населения улучшилось, и желание оплачивать медицинские услуги, например анализы и диагностику, даже среди тех, кто в них нуждается, сократилось. Некоторые виды деятельности, которые ранее стимулировали развитие экономики, такие как спортивные мероприятия, конгрессы, концерты и другие массовые мероприятия, были отменены, их все еще невозможно провести по причине эпидемиологической ситуации. Разрешается открывать рестораны, бары, клубы, салоны, розничные магазины и аналогичные предприятия, однако, с определенными ограничениями: 50% или менее от обычной вместимости. Авиакомпании функционируют, однако места в середине салона пустуют, а во многих случаях и остальные места тоже.

У людей, управляющих ресторанами и авиакомпаниями, возникли две проблемы. Во-первых, они не могут покрыть расходы, поскольку их возможности ограничены в связи с эпидемиологической обстановкой; это предприятия с низкой рентабельностью, которые в обычное время выживают благодаря большому потоку людей. Однако вторая проблема более фундаментальная. Она заключается в том, что, опять же, очень немногие люди, по крайней мере, в Америке, нуждаются в этих услугах как условии, обеспечивающем достойный уровень жизни. Американцы среднего и высшего класса, которые несут в себе основной потенциал покупательной способности страны, могут при необходимости есть, пить, общаться и проводить отпуск дома. Соответственно, при таких обстоятельствах спрос упадет, даже если коронавирус исчезнет. Это объясняет, почему многие предприятия сферы обслуживания не открываются повторно, даже если это разрешено законом. Трагедия заключается в том, что без их открытия исчезнут также и миллионы рабочих мест. Анализ мер поддержки бизнеса в Соединенных Штатах, основанный на наблюдении за пешеходным движением, подтверждает результаты данного анализа. Он показывает, что на сентябрь

2020 года интенсивность деятельности еще не восстановилась в должной мере, несмотря на очень большую долю компенсации утраченного до хода и время, прошедшее с начала паники, вызванной пандемией.

Наконец, несмотря на потерю доходов и рабочих мест, долги домохозяйств продолжали расти: арендная плата, ипотека, коммунальные услуги, проценты по ссудам на автомобили, образование и обычные расходы. Пока помогает контролирование побудительных мотивов: невыполнение денежных обязательств и задержки выплат являлись незначительными, и многие домовладельцы приспосабливались к ситуации. Однако, если люди живут в ситуации с длительными периодами получения низкого дохода, они будут продолжать копить средства, чтобы быть уверенными в том, что смогут погашать свои фиксированные долги. Ко всему этому можно добавить тяжелое положение правительств штатов и местных властей, которые зависят от налогов, взимаемые с продаж и доходов. Если возникнут перебои с их получением, последует ответная реакция в виде сокращения расходов и услуг, что усугубит ситуацию с потерей рабочих мест и доходов. Крупномасштабные меры воздействия Федеральной резервной системы, приостановка инвестиционных проектов и рост сбережений в совокупности объясняют подъем на фондовом рынке после первоначальной паники; и у компаний, и у состоятельных людей были средства, которые они могли вложить, отсутствовало желание тратить. И они также не были заинтересованы в том, чтобы держать их в банке под нулевой процент. Такое развитие событий, хотя и не утешительное для владельцев капитальных активов, не имеет серьезных последствий для восстановления экономики в целом.

Ни одно из вышеперечисленных последствий не является только лишь следствием некомпетентности управления при президенте Дональде Трампе. Это результат системных изменений в экономике США за 50 лет. США построили экономику, основанную на глобальном спросе на высокотехнологичные товары, на внутреннем потребительском спросе на излишества и на постоянно растущей задолженности домашних хозяйств и бизнеса. Этот процесс не является краткосрочным, и его нельзя обратить вспять и решить ситуацию в течение нескольких месяцев или лет. Эта зависящая от рынка экономика во многих отношениях являлась процветающей и успешной; она была эффективной, она давала людям то, что они хотели, снизила безработицу, не вызывая инфляции, и у миллионов людей были рабочие места и доходы. Но это был картонный домик, и ветер коронавируса разрушил его.

Пандемия в Азии: ситуация с промежуточными производственными мощностями. Между тем, на другом конце света мы видим страны, экономика которых не рухнула под воздействием пандемии. Некоторые из них, например, Китай и Вьетнам, номинально являются социалистическими. Другие, такие как Корея и Тайвань, формально являются капиталистическими. Во всех этих странах было зафиксировано относительно низкое число погибших, с разной степенью народной мобилизации и ограничений, которые были необходимы для достижения этой цели. Во всех этих густонаселенных странах люди проявили солидарность и продемонстрировали большое желание выполнять свою работу. И все они пережили пандемию с управляемым уровнем экономического ущерба.

Если говорить только об экономике, совместно созданные ценности являются более важными, чем идеологические и исторические проблемы, которые их разделяют. Во всех четырех странах действует национальная экономика, основанная на производстве, продук-

те согласованной стратегии промышленного развития, сохранилось большинство основных отраслей, производящих основные товары народного потребления. Они достигли этого благодаря сочетанию стабильных передовых промышленных компаний с долгосрочными перспективами и гарантированным финансированием по модели американских промышленных корпораций середины 1960-х годов, а также большого сектора малых предприятий, производящих низкотехнологичные потребительские товары, такие как одежда и бумажные изделия. Соответственно, у них не возникло внезапного дефицита медицинских товаров и защитного оборудования, когда глобальные цепочки поставок были нарушены, или же им удалось быстро покрыть возникший дефицит. Китайское производство защитных масок для лица выросло с 15 миллионов до примерно 110 миллионов в день за три недели в феврале, поскольку 3000 малых и средних предприятий переоборудовали свои производственные линии. Эти страны импортируют высокотехнологичные средства производства, а также товары потребительского спроса, однако они обладают потенциалом для удовлетворения основных потребностей своего населения перед лицом важных эпидемиологических проблем.

Кроме того, очевидно, что затраты сектора услуг в Азии не являются такими же высокими, как на Западе. Обязательства по аренде, выплате процентов и прибыли более гибкие, тогда как спрос со стороны населения не столь гибок. Небольшие азиатские фирмы, как правило, не зависят от коммерческих арендодателей; в Китае и Вьетнаме практически не зависят. Их банки работают, чтобы держать их на плаву даже в периоды с небольшой прибылью или без нее; это считается необходимым для социальной стабильности. Более того, производимые товары и услуги не считаются «несущественными». Азиатские семьи живут в очень маленьких помещениях, и им нужно выходить на улицу; их кухни меньшего размера, и они не могут так легко отказаться от ресторанов, как на Западе. Их бремя задолженности относительно невелико, сбережения относительно значительны, а их стремление к сбережениям для покрытия постоянных затрат минимизировано за счет финансируемого государством здравоохранения и базового образования, а также за счет прочных семейных связей, которые обеспечивают поддержку при выходе на пенсию и в чрезвычайных ситуациях. Эти факторы объясняют экономическую устойчивость перед лицом потрясений, которые развалили экономику ведущих западных стран. И эта устойчивость позволила правительствам в Азии получить поддержку населения и быстро принять меры для того, чтобы взять вирус под контроль, чтобы относительно быстро вернуть жизнь в «нормальное русло».

Выводы

Изучение ноономики относится к сфере институциональной экономики, которая рассматривает вопросы экономической структуры как фундаментальные. Так же обстоит дело и с тесно связанной системой концепций, которая называется биофизической экономикой, принципы которой взяты из законов термодинамики и изложены в трех работах Чен Жина и Дж. Гэлбрейта (Chen, Galbraith 2011, 2012a, 2012b). Биофизическая экономика основывается на том постулате, что чем более продвинутой и эффективной является любая система – биологическая, механическая или социальная – тем выше фиксированные затраты и, следовательно, тем меньше запас прочности. Потенциальные последствия применения этого принципа в случае стрессовых ситуаций, вызванных уменьшением доступности ресурсов, ограничениями в связи с изменением климата или пандемией Covid-19, очевидны.

Напрашивается интересный вывод, на основании которого можно выработать общий принцип. Именно те страны, которые находятся на вершине иерархии глобализации, подвергаются наибольшему риску банкротства. А те страны, которые не находятся на вершине глобальной иерархии торговых отношений и не осуществили переход к наиболее продвинутым системам финансовых отношений, и предоставили кредиты домашним хозяйствам, оказались наиболее успешными в борьбе с коронавирусом, как в плане способности победить пандемию, так и в плане способности сохранить жизнеспособность своей экономики и стабильность своего социального строя. Становится ясно, что в отношении Соединенных Штатов этого добиться не удалось.

В рамках публикации невозможно описать весь спектр экономических структур, которые были вынуждены отреагировать на пандемию Covid-19. И нами не предпринималась попытка описать варианты развития ситуации на европейском континенте или в России, или ситуацию в более бедных регионах мира, таких как Латинская Америка и Африка. Однако контрастные варианты в отношении США и Великобритании, с одной стороны и КНР, ДРВ, Республики Кореи и Тайваня, с другой стороны, достаточно убедительно иллюстрируют роль, которую структура и финансы играют для экономических последствий коронавируса.

Можно сформулировать следующие краткие выводы, поскольку они вытекают из структурного анализа, приведенного выше, и цели истинной ноономики. Во-первых, поскольку частные поставки глобальных товаров производственного назначения, ориентированных на потребности экономики перед пандемией, потерпели крах, весь сектор производства товаров производственного назначения в развитом обществе необходимо будет перестроить, чтобы соответствовать насущным интересам общества, прежде всего, в связи с изменением климата; чтобы создать и поддерживать устойчивую модель приемлемого существования для нашего населения, с учетом потребностей поддержания общественного здоровья, социальной стабильности и ценностей цивилизации. Во-вторых, обеспечение занятости и поддержание доходов должно быть реструктурировано в соответствии с моделями, которые являются жизнеспособными и устойчивыми в мире сниженного потребительского спроса на симулякры. Скорее всего, в основу новой модели должны быть положены совместные структуры контроля и приоритетность индивидуальных творческих достижений и художественных промыслов, наряду с государственной гарантией занятости, первоначально в достаточно широком масштабе. В-третьих, прежняя структура долговых обязательств стала нежизнеспособной, так что реструктуризация обязательств, финансового сектора и распределения благосостояния неизбежна.

Механизмы ноономики свидетельствуют о том, что, продвигаясь вперед, люди, которые разрабатывают и осуществляют планирование экономической системы, должны найти баланс между новыми технологиями и требованиями стабильности, солидарности, справедливости и достижения общественных целей. Если этого не сделать, то лишь на какое-то время можно обеспечить прибыльность и даже процветание. Можно пройти идеологический тест на соответствие модели свободного рынка. Такая модель может стать образцом сокращения затрат и максимизации прибыли, неустанного поиска конкурентного превосходства. Но эффективность рынка и его хрупкость – это две стороны одной медали. Покупая одно, вы неизбежно приобретаете и другое, и со временем вы получите счет. Похоже, что кризис Covid-19 пришел к нам в виде коллектора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М: Культурная революция.
- Chen J., Galbraith J. K. (2011). Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: a Fixed Cost Perspective // *Journal of Economic Issues*, Vol. XLV, issue 2. pp. 301–309.
- Chen J., Galbraith J. K. (2012a). A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*, Vol. XLVI, issue 2, pp. 419–428.
- Chen J., Galbraith J. K. (2012b). Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance // *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 36, issue 1. pp. 335–343.
- Congressional Budget Office (2020). CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021, Washington, April 24, 2020. URL: <https://www.cbo.gov/publication/56335> Accessed June 1, 2020.
- Galbraith, J. K. (1958). *The Affluent Society*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith, J. K. (1967). *The New Industrial State*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith, J. K. (1989). *Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future*. New York: Basic Books.
- Veblen, T. (1899). *Theory of the Leisure Class*. New York: MacMillan.

References

- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ.
- Chen J., Galbraith J. K. (2011). Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: a Fixed Cost Perspective. *Journal of Economic Issues*. Vol. XLV, issue 2. pp. 301–309.
- Chen J., Galbraith J. K. (2012a). A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics. *Journal of Economic Issues*, Vol. XLVI, Issue 2. pp. 419–428.
- Chen J., Galbraith J. K. (2012b). Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 36, Issue 1, pp. 335–343.
- Congressional Budget Office (2020). *CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021*, Washington, April 24, 2020. URL: <https://www.cbo.gov/publication/56335> Accessed June 1, 2020.
- Galbraith J. K. (1958). *The Affluent Society*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith J. K. (1967). *The New Industrial State*. Cambridge: Houghton Mifflin.
- Galbraith J. K. (1989). *Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future*. New York: Basic Books.
- Veblen T. (1899). *Theory of the Leisure Class*. New York: MacMillan.

Информация об авторе

Джеймс К. Гэлбрейт

Профессор Школы по связям с общественностью Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине

E-mail: Galbraith@fastmail.com

Information about the author

James K. Galbraith

Professor of Lyndon B. Johnson School of Public Affairs - University of Texas at Austin

E-mail: Galbraith@fastmail.com

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-129-135

М.И. Воейков

Институт экономики РАН (Москва, РФ)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТЕРНАЛИЗМА И НООНОМИКА¹

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы экономической роли государства в современном обществе. Показывается несостоятельность либеральной экономической модели и минимизации роли государства. Современное производство, наполненное новыми технологиями и научными знаниями, требует совершенно новой системы регуляторов по сравнению с рыночными. На этом фоне развивается новая экономика, которую в научной литературе называют ноономикой. В ней угасают многие элементы рыночной экономики, такие как частная собственность, деньги, финансы, свободная конкуренция, которые приобретают новое качество. Появляется новое проблемное поле для политической экономии.

Ключевые слова: государство, либеральная экономическая модель, рыночная экономика, ноономика, политическая экономия.

Для цитирования: Воейков М. И. (2022). Эволюция государственного патернализма и ноономика // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 129–135. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-129-135.

Дата поступления статьи: 22 декабря 2021 г.

Mikhail I. Voeykov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

THE EVOLUTION OF STATE PATERNALISM AND NOONOMY

Abstract: Evolution of the economic functions of the state in the conditions of nonomics. The article examines the problems of the economic role of the state in modern society. It shows the failure of the liberal economic model and minimization of the role of the state. Modern production saturated with new technologies and scientific knowledge requires completely new regulators in comparison with the market ones. A new economy is developing, which in scientific literature is called nonomics. Many elements of the market economy are fading away in it, such as private property, money, finance, free competition, which acquire a new quality. A new problematic field for political economy is emerging.

Keywords: state, liberal economic model, market economy, nonomy, political economy

¹ Данная статья представляет собой доработанный и дополненный автором вариант ранее опубликованных материалов (Воейков М.И. Эволюция экономических функций государства в условиях ноономики / Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Том 1 / Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. – М.: ИНИР, 2021. – С. 163-171).

For citation: Voeykov M. I. (2022). The evolution of state paternalism and noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 129–135. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-129-135.

Received December 22, 2021

沃耶伊科夫 М. И.

俄罗斯科学院经济研究所, 莫斯科

国家家长主义和智力经济的演变

摘要: 本文研究了现代社会中国的经济作用问题。说明了自由主义经济模式的没落和国家作用的退化。现代生产中充满了新的技术和科学知识, 市场经济已不适应现代生产需要, 需要全新的调节机制。一种新的经济模式正在形成, 在科学领域人们称其为智力经济。市场经济的许多要素的旧的质, 如私有财产、货币、金融、自由竞争等, 正在消亡, 并正在获得新的质。政治经济学的一个新研究领域正在形成。

关键词: 国家、自由经济模式、市场经济、智力经济、政治经济。

引文注释: 沃耶伊科夫 М. И. (2022). 国家家长主义和智力经济的演变//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 129–135. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-129-135.

文章已收到 2021 年 12 月 22 日

Современная пандемия «COVID-19» заставляет о многом задуматься. И прежде всего это касается понятия государства и его функций. Ведь без вмешательства государства и строгих мер карантина, остановить пандемию было бы невозможно. В советской литературе государство рассматривалось как политическая надстройка над экономикой и властвующий аппарат господствующего класса. Но в современном мире многое изменилось. Когда-то бывшее четкое разделение общества на два противостоящих класса (работников наемного труда и собственников капитала) уходит в прошлое. Появляются новые классы и слои в обществе, собственность размывается, обостряется проблема социально-экономического неравенства, когда 1% населения аккумулирует 42% (как в США) или 74% (как в России) всего богатства страны [Воейков, 2018, с. 171]. Государство начинает активно вмешиваться в повседневную жизнь граждан, минимизируя социальные риски и содействуя экономическому прогрессу, становится активным и основным экономическим агентом. Так, в своих работах, например, отмечает Дж. Стиглиц: «То, что мы едим и пьем, регулируется государством; где нам жить и в каком типе домов мы можем жить, регулируется различными государственными службами» [Стиглиц, 1997, с. 11]. Современная пандемия очень хорошо показала, что на место спонтанного развития, о чем мечтают либеральные экономисты, приходит жесткое государственное регулирование. И это неизбежно.

Сегодня мировое общественное развитие серьезно осложняется чередой глобальных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотек, просто нет выхода. Экономический либерализм, под лозунгом которого прово-

дились реформы в России в 1990-х гг., к сегодняшнему дню не только себя исчерпал, но и доказал полную свою непригодность для современной экономики. Широко мыслящие российские экономисты давным-давно это поняли и многократно об этом писали. Так, М.И. Туган-Барановский писал еще в 1910 г.: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действительную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» (Туган-Барановский, 1996, с. 56).

Человечество давно живет в придуманном, искусственном техническом мире. Современная человеческая цивилизация — это онаученное общество, общество знаний. Поэтому и социальное развитие общества и экономику надо обогащать научными знаниями. С пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие должно заменяться научно обоснованным, т.е. сознательно и планомерно организованным. В конце концов, цель экономической науки ориентирована на то, чтобы экономическую жизнь общества сделать лучше и просторнее. Из этого можно сделать вывод, что научное знание не есть товар в обычном понимании, который в процессе потребления утрачивается, что современное производство не есть уже рыночная экономика XVIII века. Рыночные регуляторы уходят в прошлое. Рыночная экономика, которая 200 лет назад была двигателем общественного прогресса, сегодня его тормозит.

Сам по себе рынок есть объективная необходимость экономического процесса. Это бесспорно. В конце 1980-х и начале 1990-х годов много говорили о необходимости перехода к рыночной экономике, о продолжении рыночных реформ, подчас вкладывая в это утверждение самое различное содержание. Рынок дает эффективность, но убивает социальность. Социальность и социальные цели безразличны рынку, невосприимчивы им. Рынок сам по себе никаких социальных ценностей не преследует и даже не ставит.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [Поланьи, 2002, с. 13-14].

Показательно, что когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономики счастья и т.д. То же самое можно отнести и к разговорам об информационном обществе, когда информация превращается в особый ресурс и чуть ли не заменяет собой материальное производство. Информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще.

Традиционной экономике в общепринятом понимании уже нет места. Поэтому можно говорить о новом понятии «ноономика», которое ввел в научный оборот С.Д. Бодрунов. «Ноономика, — пишет С.Д. Бодрунов, — это неэкономический способ хозяйствования, удовлетворения несимулятивных потребностей общества и его членов. Это переход к реальности, которую в определенном смысле можно назвать постэкономической, о способе хозяйствования, где традиционные параметры — деньги, собственность, утилитарные и тем более симулятивные потребности — не будут иметь определяющего значения» [Бодрунов, 2019, с. 10]. Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. Новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. И как бы ни сопротивлялись либеральные экономисты, рыночные отношения угасают, как и угасает частная собственность. И естественно, что при этом возрастает регулирующая роль государства. Современное государство уже нельзя рассматривать как политическую надстройку над экономическим базисом. Современное государство — это особая форма экономической самоорганизации общества.

Современное общество уже нельзя понимать как исключительно и сугубо рыночное (буржуазное) общество. Ценности менового общества начинают вытесняться ценностями гуманизма и социальности. Общественный интерес начинает преобладать над индивидуальными экономическими интересами, ибо индивидуальные экономические интересы не сводятся сами собой к общественному. Стало быть, максимизация прибыли (или дохода) на индивидуальном уровне уже не дает максимизации общественной полезности. Корпоративные производственные структуры отодвигают индивидуальные интересы на второй план, подчиняя их коллективным и групповым интересам, возрастает значение и общественного интереса. Государство перестает быть только «ночным сторожем» и следует говорить о ключевой роли государства в экономике.

Главное в этой трансформации состоит в том, что государство из политической формы перерождается в своеобразного экономического агента. Государство «погружается в экономику», как писал Н.И. Бухарин. В свое время Н.И. Бухарин считал, что государство как надстройка над экономическим базисом «вырастает из базиса вначале своего возникновения и оно погружается в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство отмирает» [Бухарин, 1990, с. 430]. Государство действительно сегодня «погрузилось» в экономику, но это свидетельствует не об его отмирании, а, наоборот, о его «разбухании». В этом была ошибка большевиков, когда они вслед за классиками утверждали, что в будущем обществе государство должно отмереть. Однако экономические функции государства сегодня состоят не столько в извлечении прибыли из менового процесса, сколько в стабильном и благополучном развитии общества, т.е. достижение интегральной общественной полезности. В том числе и в обеспечении стабильности извлечения прибыли. При этом меняется и само содержание стоимости. Современное государство не отменяет отношения стоимости, но трансформирует их самым существенным образом.

Это можно показать на примере современных денег. По мнению специалистов, за последние 30-50 лет в мире накопились колоссальные финансовые ресурсы, которые по большому счету некуда девать. Существует перенакопление капитала и тем самым капитализм переходит в какую-то иную стадию. Одним из важнейших факторов является, так называемая, финансиализация современного капитализма. Это означает, что финансовый сектор приобрел самостоятельное значение, оторвался от реального сектора экономики и по

существу концентрируется на финансовых спекуляциях. Основой этого процесса, на наш взгляд, являются фидуциарные деньги.

В либеральном капитализме деньгами выступали драгоценные металлы (золото и серебро) или бумажные деньги, свободно конвертируемые в золото. В современном мире никакие бумажные деньги на золото не размениваются. Что же представляют собой современные бумажные деньги? Ведь человеческий труд, заложенный в производство бумажной купюры ничтожен по сравнению с ее номиналом. Сегодняшние деньги вообще ничем не обеспечены. Все монеты и банкноты в США являются фидуциарными деньгами. А недавний мировой финансовый кризис вообще выводит деньги и в целом финансовую систему развитых стран из под рыночного саморегулирования. Поразительно, как это деньги, по природе своей, будучи самым рыночным инструментом регулирования экономики, сегодня становятся государственным рычагом регулирования рынка. В экономическом мире что-то переворачивается. Строго говоря, деньги превратились в особый документ политического соглашения (фидуциарные деньги, от латинского слова *fiducia* — сделка, основанная на доверии). Ничего рыночного в этих деньгах уже нет.

Современный мир сильно изменился, несмотря на то, что рыночные фундаменталисты не сдаются и не снижают своей активности в защиту рыночной экономики времен средневековой первозданности и чистоты методологического индивидуализма. Наоборот финансовые неурядица и кризисы они по-прежнему объясняют чрезмерной ролью государства. Государственное регулирование экономики, причем все более жесткое регулирование финансово-денежной системы, ведет в перспективе к плановому развитию экономики, что было характерно для Советского Союза. И это неизбежно. Если деньги перестали быть рыночным товаром и стали фидуциарными, т.е. формой политического соглашения и государственного регулирования, то это означает, что из под рынка выбит основной конституирующий его элемент. Экономика, основанная на рыночном процессе и экономическом индивидуализме, что было предметом исследования классической политической экономии, превратилась или превращается в огосударствленную экономику, где цель приращения экономической эффективности заменяется на цель приращения общественной полезности. И это хорошо показала современная пандемия, когда главное все же не прибыль, а здоровье людей.

Изменяются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастание роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП в основных странах распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становиться не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками.

Однако, утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п. Например, есть такая проблема как «поиск ренты». «Проблема заключается в том, — пишет Таллок, — что колоссальные суммы денег, похоже, поступают людям, которые не сделали никаких инвестиций для их получения» [Таллок, 2011, с144]. Т. е. деньги (богатство) поступают людям не как результат рыночного обмена, а как-то иначе. И, как прави-

ло, современное государство в этом процессе играет существенную роль. Это и призвана объяснять новая политическая экономия, которую для условий ноономики можно назвать постклассической политической экономией.

Действительно, появляется новое проблемное поле политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две противоречивые линии. Первая, то, что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т.е. нерыночное благо начинает функционировать в оболочке рыночного товара. Это благо (например, культура, образование, спорт) благодаря многим индивидуальным действиям приобретает товарную (денежную) форму и начинает функционировать как элемент (часть) рыночной экономики. Часто некоторые авторы рассматривают культуру или образование как отрасли экономики. Возможно, это правильно, но только в том случае, если экономику рассматривать не только как рыночный обмен, а как процесс максимизации общественной полезности. Таким образом, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии или богатством становятся самопредставляемые вещи. Вторая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений налагаемых государством и других причин перестают быть товарами и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага, для которых создается «квазирынок». Но это уже не рынок в традиционном понимании. Конкуренция здесь превращается в простой соревновательный процесс. Так, Большой театр в Москве соревнуется с Малым театром за качество постановок, за зрителя, благо, что они находятся рядом. Но это не есть рыночная конкуренция, ибо Большой театр не собирается поглотить Малый и занять все театральное пространство в Москве. Так же и в отраслях высоких технологий, где рыночная конкуренция превращается в простой соревновательный процесс. Таким образом, в ноономике угасает рыночный процесс, но остается соревнование производителей за максимизацию общественной полезности.

Список источников

- Бодрунов С.Д. (2018). Ноономика. М.: Культурная революция. 432 с.
- Бодрунов С.Д. (2019). Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // Экономическое возрождение России. № 2 (60). С. 5–11.
- Бухарин Н.И. (1990). Избранные произведения. М.: Экономика. 542 с.
- Воейков М.И., Анисимова Г.В. (2018). Политическая экономия неравенства. М.: ЛЕНАНД. 272 с.
- Поланьи К. (2002). Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя. 320 с.
- Стиглиц Дж. (1997). Экономика государственного сектора. М.: Изд-во МГУ, ИНФРА-М. 720 с.
- Таллок Г. (2011). Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Изд. Института Гайдара. 224 с.
- Туган-Барановский М.И. (1996). К лучшему будущему / Сб. социально-философских произведений. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 528 с.

References

- Bodrunov S.D. (2018). *Noonomy*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya Publ. 432 p. (In. Russ.).
- Bodrunov S.D. (2019). Technological revolution necessitates a profound reform of the economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [The Economic Revival of Russia]. No. 2(60), pp. 5-11. (In. Russ.).
- Bukharin N.I. (1990). *Selected works*. M.: Ekonomika Publ. 542 p. (In. Russ.).
- Voeikov M.I., Anisimova G.V. (2018). *Polytechnic economy of inequality*. M.: LENAND Publ. 272 p. (In. Russ.).
- Polan'i K. (2002). *The Great Transformation: the political and economic origins of our time*. St. Petersburg: Aleteiya Publ. 320 p. (In. Russ.).
- Stiglits Dzh. (1997). *Public Sector Economics*. M.: INFRA-M Publ. 720 p. (In. Russ.).
- Tallok G. (2011). *Public goods, redistribution and rent seeking*. M.: Gaidar Institute Publ. 224 p. (In. Russ.).
- Tugan-Baranovskii M.I. (1996). *To the Better Future*. M.: ROSSPEN Publ. 528 p. (In. Russ.).

Информация об авторе

Михаил Илларионович Воейков

Заведующий сектором политической экономии Института экономики РАН, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Нахимовский проспект 32)

E-mail: mvok1943@mail.ru

Information about the author

Mikhail I. Voeykov

Dr. of Sc. (Econ.), Professor, Head Sector of Political Economy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Nakhimovskiy Ave 32, Moscow, Russia)

E-mail: mvok1943@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-136-145

А. А. Пороховский

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, РФ)

ЧЕЛОВЕК И РОБОТ: ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ VERSUS ГУМАНИЗАЦИЯ НООНОМИКИ¹

Аннотация: в статье рассмотрена роль человека на различных этапах становления и развития капитализма. Показано, как наемный труд постепенно из фактора производства превратился в человеческий капитал и стал решающим элементом в создании новых цифровых технологий. При этом произошло существенное изменение роли и места человека в экономике и обществе. Ноономика не может более опираться исключительно на частный интерес капитала, ибо технологический фетишизм угрожает самому существованию человека. Искусственный интеллект как робот и в других видах претендует на замену человека во многих сферах. Только сам человек способен в условиях ноономики превратить технологизацию в опору гуманизации.

Ключевые слова: человек, робот, искусственный интеллект, капитал, ноономика, капиталистические границы технологизации, перспективы гуманизации жизни.

Для цитирования: Пороховский А.А. Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 136–145. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-136-145.

Anatoliy A. Porokhovskiy

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

HUMAN AND ROBOT: TECHNOLOGIZATION VS. HUMANIZATION OF NOONOMY

Abstract: the role of a man at various stages of the formation and development of capitalism is considered. It is shown how hired labor gradually turned from a factor of production into human capital and became a decisive element in the creation of new digital technologies. At the same time, there has been a significant change in the role and place of man in the economy and society. Noonomy can no longer rely solely on the private interest of capital, because technological fetishism has begun to threaten the very existence of a man. Artificial intelligence as a robot and in other forms claims to replace a man in many areas. Only a man himself is capable of transforming technologization into a modern support of humanization under the conditions of noonomy.

¹Данная статья ранее опубликована в журнале «Экономическое возрождение России» (Пороховский, А.А. Человек и робот: технологизация versus гуманизация ноономики / А. А. Пороховский // Экономическое возрождение России. – 2021. – № 1 (67). – С. 39-47). Повторная публикация осуществлена в целях ознакомления с содержащимися в данной статье идеями более широкой читательской аудитории.

Keywords: man, robot, artificial intelligence, capital, noonomy, capitalist boundaries of technologization, prospects for humanizing life.

For citation: Porokhovskiy A.A. (2022). Human and robot: technologization vs. humanization of noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 136–145. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-136-145.

波罗霍夫斯基 A. A.

莫斯科大学, 俄罗斯莫斯科

人与机器人:智力经济的技术化VS人性化

摘要:本文研究了人在资本主义形成和发展的不同阶段的作用。说明了雇佣劳动如何从生产要素逐渐转变为人力资本并成为创造新数字技术的决定性因素。人在经济和社会中的作用和地位已经发生了重大变化。智力经济不能再仅仅依靠资本的个人利益,因为技术崇拜威胁着人类本身的生存。机器人和其他形式的人工智能,在许多领域趋向于取代人类。只有人类自己并在智力经济条件下才能够使技术化成为人性化的基石。

关键词:人类、机器人、人工智能、资本、智力经济、技术化的资本主义边界、生活人性化前景。

引文注释: 波罗霍夫斯基 A. A. (2022). 人与机器人:智力经济的技术化VS人性化//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 136–145. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-136-145.

Введение

В последнее время многочисленные общественные форумы, включая Объединенный международный конгресс «СПЭК-ПНО-2020», акцентируют внимание на обсуждении важнейшей проблемы XXI века – роли и места человека в современном обществе и экономике, находящихся под мощным влиянием цифровых технологий. Диффузия собственности, социализация общества и солидаризм происходят в рамках рыночной капиталистической цивилизации во всех странах. Очевидны они и в России. Однако рыночный механизм не выдерживает нагрузки современных вызовов и преобразований. Нобелевский лауреат по экономике профессор Дж. Стиглиц отмечает: «Для этого следует прежде всего признать, что модель конкурентного равновесия (при которой производители максимизируют прибыль, потребители максимизируют пользу, а цены устанавливаются на конкурентном рынке, где уравниваются спрос и предложение), лежащая в основе экономической науки на протяжении почти столетия, уже не способна точно отразить состояние сегодняшней экономики – особенно когда речь идет о понимании причин роста неравенства или даже роста на основе инноваций. Необходим всесторонний пересмотр экономических правил» [Стиглиц, 2020, с. 18].

Методология исследования

Одним из вариантов решения отмеченных проблем является предложенная профессором С.Д. Бодруновым концепция *ноономики* [Бодрунов, 2020а, 2020b], в разработку которой

включается все больше отечественных исследователей. Выступая как пример плодотворного междисциплинарного анализа, эта концепция комплексно подходит к решению назревших теоретических и практических проблем современного развития разных стран и мирового хозяйства. Одна из таких проблем – роль искусственного интеллекта – рассмотрена нами в специальном политико-экономическом исследовании [Пороховский, 2020]. Поскольку вопросы ноономики охватывают широкий круг проблем, выберем среди них взаимосвязь человека как естественного интеллекта с роботом – искусственным интеллектом. Безусловно, исходным пунктом анализа у нас является человек.

Находясь в системе капиталистической рыночной экономики, нельзя не видеть, что движущей и предопределяющей силой ее развития остается **капитал**, приспособляющийся под свои интересы все факторы развития в текущем и долгосрочном периоде. Значит, без анализа **капитала, его природы, функциональных форм и видов, покрытых оболочкой всепроникающей цифровизации**, невозможно показать роль человека в современном мире и будущем обществе, сохраняющем принципы и природу гуманизма.

Исходя из указанных предпосылок и учитывая предварительный характер анализа, рассмотрим следующие проблемные вопросы:

- человек – созидатель, но фактор производства;
- человек – ресурс как человеческий капитал;
- человек – придаток робота, искусственного интеллекта;
- ноономика – гармонизация технологизации и гуманизации?

Основные результаты и обсуждение

Человек – созидатель, но фактор производства. С общеисторической точки зрения человеческая цивилизация – это рукотворное явление, динамично развивающееся благодаря творческому созиданию людей. В период первой промышленной революции в обществе произошло разделение ролей между капиталом и наемным трудом. Сам факт появления и распространения наемного труда способствовал не только росту производительности труда, но и изменению структуры экономики и общества, формированию больших групп людей по видам занятости, размеру принадлежащей им собственности и социальному статусу. Однако в экономической теории эти процессы толковались по-разному.

Развивая учение классика политической экономии мануфактурного периода А. Смита о трудовой теории стоимости, К. Маркс показал, что и при машинном производстве закон стоимости продолжает действовать, а наемные работники не только создают новые товары, но и обеспечивают предпринимателям прибыль, увеличивая их капитал. Тем самым становилось понятным, что движение капитала целиком опиралось на наемный труд, и высвечивалась разная роль рабочих и капиталистов как на заводах, так и в обществе. В то время рабочие были заняты в основном физическим трудом. Неоклассическая экономическая теория, получившая обобщенное название **экономикс**, пришла к выводу, что машинное производство уравнило все составляющие предпринимательской деятельности – труд, капитал, землю, а потому их можно обозначить любыми символами, включая математические, для проведения расчетов, моделирования и других изысканий. Так наемный труд превратился в фактор производства, лишенный социальной специфики. Теоретическая интерпретация наемного работника как фактора производства фактически формализовала его роль как *фактора производства капитала*, ибо в капиталистиче-

ской экономике не только факторы производства, но и его результаты приобретают форму капитала.

Это означает, что в рыночной капиталистической экономике рассматривать роль человека, роль наемного труда вне связи с движением капитала бесперспективно. Более того, подчинение труда капиталу происходило постепенно. В условиях преимущественно ручного физического труда в мануфактурный период капитализма рабочий мог сменить предпринимателя, так как его труд не зависел от машины, а определялся в основном приобретенной квалификацией. В этом случае труд был формально подчинен капиталу.

Другое дело – работа на фабрике как системе машин. Теперь рабочий стал реальным *придатком машины*, принадлежащей предпринимателю. Наступило время, когда развитие техники и технологии привело к тому, что наемный труд попал в *реальное подчинение капиталу*. С тех пор такое подчинение не ослабевало, выступая в разных модифицированных формах в зависимости от отраслей экономики и конкретного бизнеса.

Вместе с тем следует иметь в виду, что происходит эволюция как наемного труда, так и капитала, видов занятости и форм предпринимательства. Возникают новые черты этой взаимосвязи, нередко обусловленные гибкостью капитала и его стремлением не упустить ни одно новое явление из-под своего влияния. Постепенно капитал начинает интересоваться всем – и экономическими процессами, и общественными структурами.

Человек – ресурс как человеческий капитал. Все, что подчинено капиталу, должно приносить максимальный эффект – такова его природа. По мере развития рыночной экономики росла ответственность отдельного наемного работника в структуре компании. Из года в год увеличивается объем выпуска товаров и услуг на одного занятого. Экономически положение наемного труда не изменилось, но выросли затраты капитала на создание каждого рабочего места и требования к квалификации и ответственности работников. Если в середине XIX в. капитал устраивало положение рабочего как придатка машины, то уже в первые десятилетия XX в. не удавалось повысить производительность труда прежними способами. Понадобился рывок в мотивации всех факторов производства, и прежде всего наемных работников, в росте отдачи от своего труда.

Произошла эволюция внутрифирменных отношений, внедрялись бригадные формы организации производства, опирающиеся на человеческие отношения в бригадах. Формировалась ответственность персонала за общие результаты деятельности корпорации. Человек наемного труда стал восприниматься как ресурс. Между тем в экономикс сам капитал понимается как ресурс, что теоретически и практически соответствует деятельности компаний в последние столетия. Вследствие этого наемный работник стал называться *человеческим капиталом*. При этом понятие *человеческий капитал* стало использоваться не только для лиц наемного труда, но и вообще при характеристике подготовки людей в сфере образования для предстоящей деятельности в любой области. На человека переложили обязанность вкладываться в собственное образование и специальную профессиональную подготовку, чтобы наращивать свой человеческий капитал, от размера и качества которого зависят как возможная будущая занятость, так и предполагаемый бизнес.

В современных развитых странах, к которым в последние годы МВФ относит 34 государства и территории мира [International Monetary Fund, 2020], наемный труд остается основным видом занятости для большинства населения. Каждый наемный работник на деле ощущает, каково отношение труда и капитала и в чем состоит экономическая зависимость

наемного персонала от капитала. Однако термин *человеческий капитал* как бы уравнивает экономическое положение простого работника и предпринимателя, ведь они оба представляют *капитал*. Между тем в собственности работника – его рабочая сила, а предприниматель обладает настоящим капиталом, он персонифицированный капитал-собственность.

По мере развития промышленных революций, повышения роли творческого начала в труде наемных работников и расширения сферы наемного труда за рамки материального производства (выпуска товаров) капиталу стало выгодно трактовать все виды ресурсов (людские, природные, научные, социальные) как разновидность капитала. С одной стороны, это подтверждает объективный рост значения человека в современной жизни, несмотря на бурные темпы вторжения информационных технологий; с другой – капитал закрепляет за собой ведущую роль в определении содержания, форм и направлений прогресса. В результате наша цивилизация во всех странах (развитых и развивающихся) внешне предстает как ***своеобразная совокупность капиталов: промышленного, финансового, сервисного, социального, человеческого, культурного, пространственного, природного***. Нельзя исключить, что перечень ***капиталов*** не имеет завершения.

В этой совокупности господствующие позиции захватил финансовый капитал, что позволило ему вывести финансовый сектор на относительно самостоятельную орбиту движения как в национальной, так и в мировой экономике. Значительное место занимает сервисный капитал, ибо в последние десятилетия сфера услуг достигла невероятных размеров – до 75% валового национального продукта большинства стран. Однако промышленный капитал продолжает расти в абсолютном выражении, хотя его относительная доля сокращается. Благодаря новым технологиям и росту производительности труда доля занятых в материальном производстве имеет тенденцию к уменьшению, хотя основой экономики и общества по-прежнему остается производство товаров. При этом положение наемного работника мало зависит от сферы занятости: оно везде подчинено капиталу, прямо или опосредованно.

Человек – придаток робота, искусственного интеллекта. Учитывая базовую роль промышленности в экономике и обществе, многие исследователи называют современный этап общественного развития четвертой промышленной революцией. С точки зрения состояния технологий ряд авторов предлагает рассматривать общественный прогресс как смену технологических укладов, относя к современному периоду шестой уклад. В обоих подходах ключевыми являются уровень и набор технологий. Объединяет подходы и то, что общественное развитие рассматривается в рамках капиталистической рыночной модели, в которой, как известно, движущей силой выступает капитал. На технологическом поле господствующее положение повсеместно захватили цифровые технологии. Наступил цифровой капитализм, объединивший цифровую экономику и цифровое общество. Если в период промышленного капитализма наемный работник являлся своеобразным придатком машины, от которой во многом зависели производительность труда, его условия и длительность рабочего дня, то при цифровом капитализме не только наемный работник, но и большинство населения превращается в придаток робота – разного вида искусственного интеллекта. И здесь капитал демонстрирует свою власть, ибо искусственный интеллект также становится капиталом. В результате искусственный интеллект транслирует все противоречия, свойственные движению капитала. И прежде всего он становится соперником человеческого интеллекта в сфере наемного труда. Это обстоятельство особенно остро ощущается людьми,

так как несмотря на расширение гигэкономики (сферы самозанятых) наемный труд остается основным источником дохода для большинства трудоспособного населения.

Забота о месте человека в цифровом обществе стала ключевым вопросом повестки дня международных форумов. Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) подготовили дорожную карту оценки цифровой экономики и ее ближайших перспектив для очередного ежегодного заседания стран Группы-20, проходившего осенью 2020 г. в Саудовской Аравии в дистанционном формате. В третьей главе этого документа особое внимание уделено проблемам занятости, внимание участников Группы-20 сфокусировано не только на структуре рабочих мест, но и на росте интенсивности труда, использующего информационно-коммуникационные технологии, а также на ответственности государств за своевременное обеспечение подготовки и переподготовки кадров для новых рабочих мест, связанных в том числе с искусственным интеллектом и роботизацией в промышленности и в сфере услуг. По мнению авторов доклада, цифровизация создает немало проблем, которые можно решить только сообща, создавая для этого международные платформы.

Потеря и длительный поиск работы приводят к обесценению человеческого капитала, считают исследователи из Чикагского университета. Анализируя вузы разных стран, они пришли к выводу, что перерыв в работе или обучении, например в школах и университетах Греции, привел к снижению квалификации преподавателей на 4,3 %, а заработков выпускников - на 6,8 % за рассмотренный период [Dinerstein, Megalokonomou R, Yannelis, 2020, p. 35].

Цифровизация «во весь рост» ставит новые проблемы и перед организацией управления компаниями на разных уровнях. В специальном пособии для менеджеров, опубликованном журналом «MIT Sloan Management Review», издаваемым Массачусетским технологическим институтом, указывается, что традиции и привычки персонала, его культурный уровень становятся порой препятствием на пути внедрения современных, основанных на цифровых технологиях, методов и принципов управления. По существу, ставится задача сформировать новую культуру не только персонала, но и управления [Bean, 2020]. В этой системе человек - и простой рабочий, и клерк, и управляющий - должен усвоить новые правила работы, диктуемые цифровизацией. При этом возникают и парадоксальные ситуации в разных отраслях экономики, когда менее образованные и подготовленные работники требуются для выполнения рутинных работ, связанных обычно с физическим трудом, к примеру, по доставке купленных он-лайн товаров или по перемещению грузов внутри и между фирмами. Сфера занятых физическим трудом по-разному реагирует на роботизацию и искусственный интеллект [Blau, Koebe, Meyerhofer, 2020].

Как известно, понятие искусственного интеллекта довольно объемное и широкое [A Roadmap toward, 2020]. Оно связано не только с разнообразными роботами, но всякий робот содержит в себе определенную долю искусственного интеллекта, нацеленного на выполнение функций конкретного робота. В зависимости от характера производства может создаваться система роботов, скажем, для промежуточной или завершающей сборки конечной продукции. Система машин современного завода постепенно замещается системой роботов, управление которыми происходит с помощью других искусственных интеллектов. Получается, что, с одной стороны, искусственный интеллект приобретает экономическую форму капитала, а с другой – его придатком становится работник как человеческий капитал.

Взаимосвязь капитала и труда под воздействием цифровизации стала выступать как отношение искусственного и естественного интеллектов, также превратившихся в капиталы.

Отсюда следует, что любое изменение положения работника на рабочем месте (на производстве или в сфере обслуживания) не может быть чисто формальным, так как оно затрагивает интересы капитала, который определяет условия занятости. Поэтому и с производственной, и с общественной точек зрения искусственный интеллект выступает как фактором производства, так и фактором жизни. Однако он не в состоянии заместить человеческий разум в полном объеме. Это обстоятельство предопределяет его границы и возможности, что относится и к роботам. Вместе с тем распространение роботов имеет и экономические границы. Капитал не станет внедрять роботы, если они не будут в перспективе приносить прибыль. В то же время каждое государство заинтересовано в обеспечении занятости своих граждан и будет стимулировать увеличение бизнесом числа рабочих мест в условиях углубления цифровизации экономики и общества [A Roadmap toward, 2020]. Об этом лидерам всех стран уже в 2021 г. напоминают эксперты МВФ [The Jobs of Tomorrow, 2021].

Хотя роботы и робототизация агрессивно врываются во все стороны современной жизни, они не могут заменить человеческий разум, который, по сути, невозможно смоделировать и запрограммировать из-за невоспроизводимости и уникальности мозга человека. Фактически искусственный интеллект дополняет и развивает человеческий интеллект при активной позиции человека в этом взаимодействии.

Ноономика - гармонизация технологизации и гуманизации? Концепция ноономики как будущей человеческой цивилизации наполняется новыми доводами и аргументами. До эпохи ноономики, представленной как сосуществование «общества и тенхносферы» [Бодрунов, 2020, с. 204], предстоит еще долгий исторический путь. Как отметил С.Д. Бодрунов: «общество должно подойти, опираясь на необходимые материально-технологические предпосылки. Речь идет о создании фундамента нового индустриального общества второго поколения». Хорошо, когда люди понимают, как и куда развивается цивилизация, какие шаги необходимо сделать, чтобы преодолеть существующие и возникающие барьеры на своем пути. И в этом смысле технологизация в виде цифровизации и искусственного интеллекта все больше освобождают человека от изнурительного труда, насыщают его знаниями и навыками, видоизменяют среду и сферу общения, предоставляют новые возможности для эффективного использования растущего свободного времени. Безусловно, ориентир на ноономику вселяет в людей оптимизм и веру в человека как созидателя своего будущего и будущего планеты Земля.

Сегодня, в первые десятилетия XXI в. уже формируются тенденции, способные направить человечество на движение к ноономике. Идет переосмысление теории и практики рыночного капиталистического развития, вскрываются острые проблемы защиты окружающей среды, продолжается поиск альтернативных источников энергии и возобновляемых природных ресурсов, нащупываются варианты преодоления бедности и неравенства в отдельных странах и в глобальном масштабе. Однако все это происходит при полном доминировании капитала, который подчинил себе и труд, и общество, и технологии. Поэтому пока мир движется по рыночным рельсам в направлении, выгодном капиталу.

В этой связи представляет интерес последнее прижизненное интервью нобелевского лауреата по экономике, основоположника новой институциональной теории, профессо-

ра Р. Коуза, которое он дал редактору журнала «Человек и экономика» Н. Вангу в начале мая 2013 г. Р. Коуз считает, что экономикс далек от реальности, представляет собой «науку классной доски», которая изображает экономику с нулевыми транзакционными издержками, или так называемой нулевой суммой [Wang, 2014, p. 101]. Он выступил против монополизма в науке, в особенности в экономической теории, считая, что «нам нужен рынок идей», ибо в прошлом доминировал экономикс на британском материале, сейчас – на американском. Значит, возможна экономическая теория на материале Китая и должна появиться китайская экономическая школа [Wang, 2014, pp. 102, 104]. Китайская модель экономики работает по своим правилам и для нее неважно, кто и как об этом думает и пишет. Каждая страна развивается по-своему, права собственности в Китае имеют собственную защиту. Поскольку Р. Коуз выступил одним из создателей этого журнала, выходящего на английском и китайском языках, свое интервью он завершил словами: «Наш новый журнал поможет открыть всем рынок новых экономических идей. У меня предчувствие вулкана» [Wang, 2014, p. 119]. Среди таких идей достойное место занимает концепция ноономики.

Как для концепции ноономики, так и для современной экономической динамики особенно важной проблемой в контексте теоретического и практического решения становится взаимосвязь и взаимодействие процессов технологизации и гуманизации жизни. Дело в том, что технологизация проявляется многообразно. Во-первых, при капитализме она становится капиталом – новым ресурсом. Во-вторых, технологизация служит прогрессу самого человека. В-третьих, она обостряет конкуренцию между компаниями, народами и странами. В-четвертых, благодаря технологизации появляются новые возможности для сохранения жизни и окружающей среды на Земле. И, наконец, в-пятых, технологизация укрепляет опору гуманизации, ибо только освоив все новые технологии, человек сможет подчинить их созиданию. Победа человека приходит не сама по себе, а с учетом в его деятельности реального общества и реальной экономической системы. Экономическая система задает направления и ограничения для социализации всех современных процессов.

Выводы

Исторически и логически человек является прямым источником и активным созидателем современной цивилизации. В условиях всеобъемлющего проникновения цифровых технологий в экономику и общество, создания и развития искусственного интеллекта, замены человека роботами и другими «умными машинами» перед всем миром во весь рост встала задача сохранить гуманистические начала во всех новых явлениях, технологиях и процессах. Это не означает остановить прогресс. Это призыв обеспечить превосходство человеческого разума над рукотворным созиданием, направив его на повышение качества жизни всех людей во всех странах. Важно найти оптимальное сочетание технологизации всех видов с традиционной гуманизацией.

В этой связи концепция ноономики представляет собой теоретическую конструкцию, наполнение которой последующим развитием материального производства в гармонии с окружающей средой и международным сотрудничеством в решении глобальных проблем указывает вектор движения человечества к самосохранению и самосовершенствованию.

Список источников

- Бодрунов С. Д. (2018). На пути к ноономике: человек, технологии, общество // Мир перемен. № 2. С. 24–39.
- Бодрунов С. Д. (2020). Ноономика: траектория глобальной трансформации. М.: ИНИР; Культурная революция, 2020. 224 с.
- Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23-25.
- Пороховский А. А. (2020). Искусственный интеллект сегодня и завтра: политико-экономический подход // Экономическое возрождение России. № 3(65). С. 4–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-4-11.
- Стиглиц Дж. (2020). Преодоление великого разрыва (Пандемия вскрыла глубокие различия, но еще не поздно сменить курс) // Финансы и развитие. Сентябрь. С. 17–19.
- Blau F.D., Koebe J., Meyerhofer P.A. (2021). Who are the Essential and Frontline Workers? // NBER Working Paper Series. March. 21 p.
- Bean R. (2020). Why Culture is the Greatest Barriers to Data Success // MIT Sloan Management Review. Executive Guide. Fall. pp. 1–4.
- Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis, C. (2020). Human Capital Depreciation // NBER Working Paper Series. October. 104 p.
- International Monetary Fund (2020). World Economic Outlook. A long and Difficult Ascent. Washington. D.C. October. 120 p.
- A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020). Paris, OECD. 123 p.
- Wang N. (2014). A Life in Pursuit of «Good Economics» (Interview with Ronald Coase by Ning Wang) // Man and the Economy (The Journal of the Coase Society). Vol. 1, No.1. pp. 99–120. DOI: 10.1515/me-2014-0001.
- Zahidi S. (2020). The Jobs of Tomorrow // Finance & Development. December. Pp. 26–27. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/12/pdf/WEF-future-of-jobs-report-2020-zahidi.pdf> (Дата доступа: 05.01.2021).

References

- Bodrunov S.D. (2020). On the Way to Noonomy: Man, Technology, Society. *The World of Transformations*. No. 2, pp. 24–39.
- Bodrunov S.D. (2020). *Noonomy: Trajectory of Global Transformation*. Moscow: INID, Kul'turnaja revoljucija. 432 p.
- Marx K. Capital. Marx R., Engels F. Collected Works. 2nd ed. Vol. 23–25.
- Porokhovsky A.A. (2020). Artificial Intelligence Today and Tomorrow: Political and Economic Approach. *Economic Revival of Russia*. No. 3(65) pp. 4–11. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-4-11.
- Stiglitz J. (2020). Conquering the Great Divide (The pandemic has laid bare deep divisions, but it's not too late to change course). *Finance and Development*. September. pp. 17–19.
- Blau F.D., Koebe J., Meyerhofer P.A. (2020). Who Are the Essential and Frontline Workers? *NBER Working Paper Series*. March. 21 p.
- Bean R. (2020). Why Culture is the Greatest Barriers to Data Success. *MIT Sloan Management Review*. Executive Guide. Fall. pp. 1–4.

- Dinerstein M., Megalokonomou R., Yannelis, C. (2020). Human Capital Depreciaton. *NBER Working Paper Series*. October. 104 p.
- International Monetary Fund (2020). World Economic Outlook. A long and Diicult Accent. Washington. D.C. October. 120 p.
- A Roadmap toward a Common Framework for Measuring the Digital Economy (Report for the G20 Digital Economy Task Force) (2020). Paris, OECD. 123 p.
- Wang N. (2014). A Life in Pursuit of «Good Economics» (Interview with Ronald Coase by Ning Wang)/ *Man and the Economy (The Journal of the Coase Society)*. Vol. 1, No. 1. pp. 99–120. DOI: 10.1515/me-2014-0001.
- Zahidi S. (2020). The Jobs of Tomorrow. *Finance & Development*. Decemder. Pp. 26-27. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/12/pdf/WEF-future-of-jobs-report-2020-zahidi.pdf> (Accessed: 05.01.2021).

Информация об авторе

Анатолий Александрович Пороховский

Заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор, (119991, РФ, Москва, Ленинские горы, д. 1. стр. 46)
E-mail: anapor@mail.ru

Information about the author

Anatoliy A. Porokhovskiy

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Head of the Political Economy Department, Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia); Principal Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences
E-mail: anapor@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161

Ж. Т. Тощенко

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, РФ)

НОВОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: ПРЕКАРИАТ¹

Аннотация: в статье обосновывается появление нового социального класса – прекариата, дается объяснение причин его возникновения, его структура и основные его характеристики. Показывается, как созревали идеи о прекариате в недрах мировой и отечественной социальной мысли и реальной практике функционирования современной экономики. Выявляются главные черты этого класса, раскрывается его специфика, его место и роль в современном разделении труда, его положение на рынке труда, первые ростки его осознания как «класса для себя». Выясняются последствия существования и функционирования этого нового социального феномена.

Ключевые слова: общество, класс, труд, занятость, прекариат.

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. (2022). Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 1, № 1, С. 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161.

Дата поступления статьи: 24 декабря 2021 г.

Zhan T. Toshchenko

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

A NEW SOCIO-ECONOMIC PHENOMENON: PRECARIAT

Abstract: The article substantiates the emergence of a new social class – the precariat, explains the reasons for its emergence, its structure and its main characteristics. It is shown how ideas about the precariat matured in the depths of world and domestic social thought and the real practice of the functioning of the modern economy. The main features of this class are revealed, its specificity, its place and role in the modern division of labor, its position in the labor market, the first sprouts of its awareness as a “class for itself” are revealed. The consequences of the existence and functioning of this new social phenomenon are clarified.

Keywords: society, class, labor, employment, precariat.

For citation: Toshchenko Zh. T. (2022). A new socio-economic phenomenon: precariat. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, vol. 1, no. 1, pp. 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161.

Received December 24, 2021.

¹ Статья написана в рамках выполнения проекта РНФ №18-18-00024

托辛科 Zh. T.

俄罗斯国立人文大学, 俄罗斯莫斯科

新的社会经济现象:不稳定无产阶级

摘要:本文论证了不稳定无产阶级这一新的社会阶层的出现,阐述了该阶层出现的原因、结构和主要特点。本文说明了在世界和国内的社会核心思想中以及在现代经济现实中,不稳定无产阶级的概念是如何形成的。文章揭示了这个阶级的主要特征和特殊性,及其在现代劳动分工中的地位 and 作用,在劳动力市场中的地位,作为“自己的阶级”的意识的萌芽。阐明了这种新的社会现象的存在及其影响。

关键词:社会、阶级、劳动、就业、不稳定无产阶级。

引文注释:托辛科 Zh. T. (2022). 新的社会经济现象:不稳定无产阶级//智力经济和智力社会. 新兴工业发展研究所论文选, vol. 1, no. 1, pp. 146–161. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-146-161. 文章已收到 2021 年 12 月 24 日

Введение

Новые реалии 4 промышленной революции и 6 технологического уклада наглядно демонстрировали не только осуществление кардинальных изменений в технологии и технике, но и тот факт, что во многих странах мира все большее количество работоспособного населения оказались в положении, которое многие исследователи и практики называют деформированным, теневым, нестабильным, ущемленным. Это означает, что в трудовых отношениях для все возрастающего количества людей все большее и большее место стала занимать проблема занятости, т.е. обеспеченности работой со всеми вытекающими отсюда жизненными потребностями и интересами. Как государство, так и работодатели стали в той или иной мере дистанцироваться от социально-правовых обязательств: между работодателем и работником начала нередко проявляться и даже преобладать персональная договоренность без взаимных правовых гарантий, без гарантий защиты социально гарантированных норм труда, которые ранее существовали в цивилизованном мире. Такие отношения приводили к тому, что работодатели (или его представители – менеджеры) могли произвольно менять формы и объемы занятости, место приложения труда, оплату труда, добиваться «сдержанности» в поведении работников и в их требованиях, ссылаясь на объективные и другие затруднения. Это неопределенное, преходящее в бесправное положение особенно ярко демонстрируют так называемые временные (сезонные, эпизодические) работники, которых берут выполнять трудовые функции без права фиксированной, регулярной и гарантированной занятости и часто неустойчивых размеров оплаты труда. Для молодежи нередко использовались оговорки – для якобы проверки их профессиональной готовности выполнять порученные обязанности для так называемого «делового» испытания, а потом увольняли как «не оправдавших надежд», а на их место набирали новых людей, согласных на ущемленные права, временные жертвы и лишения.

Однако такое осознание возникновения новых реалий произошло не сразу, хотя эти изменения социально-классовой структуры происходили во всем мире, и в первую очередь, в развитых странах. Один из первых шагов в этом направлении осуществили французские социологи в 1980-е годы. Принципиально новый подход к осмыслению изменений в социально-экономической структуре совершил П. Бурдьё, исследуя положение сезонных рабочих на виноградниках Франции. Он детально охарактеризовал эту общность, включив в анализ все увеличивающуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат» (от лат. Precarious – неустойчивый, негарантированный), которым обозначали слои работников, характеризующихся нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [Bourdieu, 1998].

Постепенно эти слои стали привлекать внимание и других исследователей: З. Бауман [Bauman, 1998], Р. Кастель [Кастель, 2009] и др. Одновременно на эти изменения и реальную практику использования рабочей силы обратили внимание и отечественные исследователи, осмысливая новые реалии, деформацию отдельных экономических и социальных процессов и появление новых социальных групп, которые не были присущи предшествующим этапам развития обществ, но стали реальностью в постсоветской России. Эти попытки нашли отражение в изучении и анализе нового социального положения людей, связанного с феноменом безработицы (В.В. Радаев, О.И. Шкаратан, Р.Х. Симонян), дауншифтинга (Н.Е. Покровский), фриланса (О.Д. Стрелков, А.В. Шевчук, В.С. Харченко) и др. Особое место в этом поиске заняла концепция неформальной занятости, когда люди вступают в трудовые отношения на основе устной договоренности (В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников). Иначе говоря, эти исследователи в той или иной степени обратили внимание на то, что изменившиеся трудовые отношения резко увеличивают риски ущемления работодателями трудовых прав и социальных гарантий работников. В результате значительная часть занятых этим трудом приобретает статус и черты нестабильности, неустойчивости, негарантированности.

В процессе осмысления новой реальности постепенно появились и другие оригинальные и обстоятельные работы, анализирующие состояние и проблемы этих групп работников: заемный труд (И.М. Козина), труд занятых в сфере услуг со своеобразной его характеристикой как эмоционального труда и его социально-психологических особенностей (С.А. Дружилов), концепции стратегий занятости (Ю.М. Резник). К попытке увидеть многообразие изменений в социально-классовой структуре можно отнести и предложение некоторых исследователей обратиться к понятию «сословие», что, на наш взгляд, имеет некоторые основания (С.Г. Кордонский, В.Г. Немировский), когда говорят о таких феноменах, как новые дворяне, казаки, «офисный планктон» и др.

Отметим также, что в современных условиях большое значение стала приобретать концепция самозанятости, которая предложила иную трактовку, нацеленную на преодоление противоречивости при использовании понятий о неформальном секторе труда и о неформальной занятости. Этот подход позволяет узаконить существование часть неформально занятых при приобретении ими официального признания их труда и установления с государством особых правовых отношений. Но, на наш взгляд, это признание достаточно противоречиво. С одной стороны, после указа Президента о признании такого вида занятости при перечислении профессий не все самозанятые могут воспользоваться этим правом. С другой стороны, такое оформление связано со сложностью своего конституирования как

самозанятого, права и обязанности которых отягощены для многих из них неуверенностью и неопределенностью как своего настоящего, так и своего будущего.

Кроме того, реальностью стали слои, общности и группы, которые связаны с серой и черной (теневой) экономикой. Поэтому вполне естественно возник вопрос о криминальной ее составляющей, так как жизнь показала, что нередко трудно провести границу между ними и занятыми на официальной основе работниками.

Таким образом, все большее количество исследователей обратили внимание на то, что в мире, в большинстве стран сложилась социально-классовая структура нового типа, для описания и анализа которой старые понятия не работают [Подробнее см.: Тощенко, 2018]. Наиболее отчетливо эту изменившуюся реальность и потребность в ее осмыслении сформулировал и осуществил Г. Стэндинг, который один из первых не только заметил специфику и характерные особенности новых слоев, но и констатировал их постоянное увеличение, их распространение практически во всех странах мира, назвав этот феномен прекариатом [Стэндинг, 2014, с. 23]. В 2000-е годы к пониманию новой ситуации постепенно подошли и отечественные исследователи [Бобков, 2019; Голенкова, 2016; Бирюков, 2014; Тартаковская, 2019; Тихонова, 2019; Шкаратан, 2015]. Каждый из них по-разному трактовал сущностные и содержательные признаки прекариата, но все сходились на том, что он представляет собой новое, объективное и все четче проявляющее себя явление, с которым невозможно не считаться.

Основные результаты и обсуждения

Как возник прекариат?

Во второй половине XX в. – начале XXI века, когда стали кардинально изменяться технологии и техника, потребовался иной подход к решению проблем занятости, так как появились новые виды специализации, новые профессии, стали существенно меняться формы участия работников в производственной деятельности. Рабочая сила начала использоваться в самых различных комбинациях и вариантах, значительно усилив дифференциацию социально-профессиональной и социально-классовой структуры общества, что в свою очередь привело к качественным изменениям рынка труда, появлению новых схем занятости. И этот процесс усложнения занятости лишь возрастал и к началу третьего тысячелетия занятость стала представлять собой мозаичное полотно, которое отражало огромное количество форм и видов трудовых отношений, во многом возникающих и постепенно конституировавшихся под влиянием происходившей научно-технической революции. Модель стандартных трудовых отношений, для которой была характерна стабильная, защищенная и полная занятость, стала вытесняться гибкими и нестандартными формами найма [Bertola, Rogerson, 1997; Davis and el., 2006; Garibaldi, 1998; Pissarides, 2000; Vosko, 2010]. Сама история возникновения нестандартных форм занятости длительна и ареал их распространения обширен [Клеман, 2007; Неустойчивость занятости ..., 2017; Синявская, 2005].

Особую лепту в изменение ранее сложившихся форм занятости и соответственно в образование новых специфических социальных групп (общностей) внесли кардинальные изменения в технологии и организацию производства, выразившиеся в массовом распространении гибких производственных систем, в потребности оперативно перестраиваться под нужды и запросы постоянно меняющегося рынка. Немалое, а порой значительное и решающее влияние на изменение структуры профессиональных групп оказали новые тех-

нологии и новая техника, которые ограничивали, а порой вытесняли рабочую силу. Наложило реализовывалось труднопреодолимое противоречие между научно-техническим прогрессом и интересами работников. Кардинальные изменения технологии и техники вкупе с эгоистическими устремлениями собственников, добивающихся максимальной нормы прибыли, вел к образованию неустойчивых слоев работников и не только физического, но и умственного труда. В соответствии с этим возникали различные реальные формы и виды использования рабочей силы и, соответственно, разные объяснения происходящих изменений в сфере труда.

Сущность и содержание понятия «прекариат»

Итак, что же такое прекариат?

Начнем с того, что во второй половине XX в. стали увеличиваться социальные слои (группы, общности), которые хотя и имели своих предшественников, но не в таком объеме и количестве. Более того, они стали серьезно влиять на состояние и перспективы рынка труда, породив принципиально новые отношения между работником и работодателем. Когда была обнаружена специфика этих слоев, они на первом этапе осмысления описывались и объяснялись с точки зрения определенного социально-экономического положения.

В работах ряда исследователей анализировались характерные черты таких социальных групп, как частично или не полностью занятые работники, люди, совмещающие учебу и работу, особенности профессионального становления молодежи. В результате появлялись важные, но неоднозначные объяснения состояния рынка рабочей силы и точного определения, как трактовать происходящие в ней изменения. Все больше исследователей стали обращать внимание на те группы населения, которые были ущемлены в своих трудовых правах, ограничены в использовании социальных возможностей, часто меняли место и профессиональную занятость. Поэтому в их выводах часто присутствует утверждение через отрицание [Wright, 2005]. Стэндинг в своем определении прекариата тоже прибегает к формулировкам через отрицание – «не является», «не обладает», «не имеет», «не включен» и т. д. [Стэндинг, 2014, с. 36–39]. Такой подход серьезно ограничивает выявление сущности и содержания этого понятия, так как фиксирует только отсутствие причастности к основополагающим характеристикам существующего общества.

Если же исходить из классообразующих факторов, формирующих этот социально-экономический феномен, то следует обратить внимание на то, что в первую очередь определяет его место в современной общественной структуре общества. На наш взгляд, рациональным и обоснованным является подход, когда при характеристике прекариата уделяется внимание ключевым основополагающим характеристикам анализируемых социальных групп (общностей). Во-первых, прекариат нередко трактуется как конгломерат бесправных людей, лишенных любых социальных прав, что, если логически завершить мысль, означает крах теории и практики социального государства [Бауман, 2005]. Некоторыми исследователями обращается внимание на тот факт, что для этих слоев перестали существовать защита от безработицы, соблюдение социальных обязательств, гарантии по поддержке в трудных жизненных обстоятельствах [Анисимов, 2021, с. 10–27]. Во-вторых, прекариат рассматривается как вид наемного труда, который охватил подавляющее количество населения и стал неотъемлемой частью всех отраслей производства и культуры [Бобков, 2019]. В-третьих, при его определении особо выделяется и подчеркивается маргинальное положение

людей, попавших в ряды прекариата, особенно работников ликвидируемых предприятий, которым не гарантируется сохранение рабочего места в рамках стандартной занятости [Тарковская, 2019]. На наш взгляд, это неполное определение источников социальной базы прекариата – он пополняется практически из всех социальных групп в современном обществе. В-четвертых, существуют и такие трактовки: прекариат – это такой класс, который идет на смену пролетариату. Он пока класс-в-себе, но находится на пути превращения его в класс-для-себя [Романовский, 2019]. Но это тоже неточное определение. Если пролетариат комплектовался в основном за счет рабочих промышленного производства, то прекариат пополняется за счет всех слоев современного общества. В-пятых, в то же время есть точки зрения, что не надо множить мифы об «исчезновении» или «смерти» рабочего класса, поскольку пролетариат в виде прекариата никуда не делся – он не просто «вернулся», а на самом деле никуда не исчезал [Бирюков, 2015, с.101]. И наконец, имеется точка зрения, что прекариат комплектуется прежде всего из ущемленных слоев населения, среди которых часто рассматривается трудовой положение мигрантов и молодежи [Малинкин, 1997; Зудина, 2019]. Существуют и такие точки зрения, когда нужно говорить только об определенных социальных группах прекарного труда, но говорить о прекариате как классе или неправильно, или рано [Бусыгина, 2016, с. 44].

Говоря о резком ухудшении ситуации на рынке труда в условиях происходящего экономического и финансового кризиса, роста безработицы, снижения уровня благосостояния во многих экономиках мира, ряд исследователей предпочитает рассматривать прекаризацию труда как процесс, который проявился в условиях тотального господства принципов «политической экономии неопределенности» [Бауман, 2008] и введения новых мер жесткой экономии. Именно процесс прекаризации показывает всю глубину социальной нестабильности, непредсказуемости дальнейшего развития многих обществ [Шкаратан и др., 2015].

Обзор имеющихся точек зрения позволяет сделать вывод, что прекариат – это формирующийся социально-экономический феномен, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалифицированным опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны – это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни. Добавим, что скорость и масштаб этих глобально протекающих изменений значительно выросли.

Понятно, что такое определение прекариата серьезно отличается от марксистской (в основе которой лежат социально-экономические индикаторы [См.: Ленин, 1980, с. 1-29] и от веберовской трактовки классов (в ее основе лежит характеристика властных полномочий [Вебер, 1994], в которых сформулированы иные признаки классовообразования. Предложенная нами трактовка исходит не из отрицания ранее наработанного – они справедливо для тогдашнего уровня познания и существующих реалий. Наша трактовка исходит из того, что произошли кардинальные изменения в экономической, социальной и политической сферах, которые выдвинули другие смыслы и другие ориентиры для объяснения новых общественных отношений.

Отсюда вытекает понимание прекаризации как процесса количественного и качественного изменения занятости, которая касается большинства трудоспособного населения и проявляется в постоянном наступлении объективных условий и субъективных факторов в лице работодателей, существующих правовых законов, ориентированных на беспрекословное подчинение власти имущим, осуществляющим экономическое и политическое управление.

Структура прекариата

Из чего состоит современный прекариат?

Во-первых, это часть населения России, занятого, по оценке Международной организации труда (МОТ), на неоформленной согласно Закона о труде (20% от общей численности) работе. По данным нашего исследования Прекариат (2018-2020 гг.), эти социальные группы в России насчитывают до 20% экономически активного населения. Эта группа ограничена в использовании своего труда и полностью или частично лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Именно неформально занятые и образуют основную массу бедных, которые составляют в России около 20 млн человек. При этом доходы неформально занятых низки – они отличаются от официальных зарплат на 43–65%. Согласно данным МОТ среди формально устроенных в развитых странах бедность не превышает 12%, в то время как среди неформально занятых она может достигать в зависимости от отрасли экономики от 15 до 25% [Прекарная занятость ..., 2021, с. 327]. Члены этих социальных слоев (общностей) в силу своего специфического положения, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом, так же как и получение образования и повышение квалификации. Все это дополняется еще и тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры.

Во-вторых, прекариат в России представлен занятыми на временной работе, ограниченной краткосрочными договорами (до 10% от общей численности работающих). Отметим, что это общемировая тенденция: в странах Западной Европы этот вид занятости включает в себя максимальное число работников (более 20%), в странах Азии – от 24% на Филиппинах и 67% во Вьетнаме. По данным МОТ временные работники получают на 15–55% меньше тех, кто обладает постоянным контрактом. Каждый третий из них относится к группе прекариев, к тем работникам, которые живут ниже прожиточного уровня. По словам Дж. Джонсона, главы аналитического управления департамента МОТ, они практически полностью лишены полноценной социальной защиты, подвержены в большей степени рискам заболеваний и вероятности травм в результате слабого контроля за техникой безопасности и соблюдения нормальных условий работы [Тощенко, 2018, с. 82]. В России это, например, ярко проявилось в так называемой рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под флагом совершенствования и повышения эффективности их труда, их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности труда. И главное – *временная занятость становится постоянно действующей величиной*, которая начинает сопровождать человека всю жизнь. Стоит отметить, что такая ситуация – удел не только России. По данным К. Дерре, профессора Йенского университета, «каждый третий работающий по найму в Германии находится в состоянии подвешенного или текущего прекариата» [Тощенко, 2018, с.82].

В-третьих, прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или пробивающихся сезонными и случайными (эпизодическими) приработками. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая часто неадекватна вознаграждению за их труд. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым различным ограничениям, вынуждающих их прибегать в смене прежней и поиску новой работы. Причем интенсивность такой смены мест приложения труда постоянно растет. Так, согласно данным мониторингового исследования, проведенного в Новосибирской области, если в 1995 г. только 9,2% людей несколько раз меняли место работы, то в 2013 г. такой опыт имели уже 21,2% [Воловская и др., 2015]. При этой форме занятости происходит расхищение интеллектуального богатства страны. Согласно данным всероссийского исследования «Жизненный мир-2014» (окт. 2014 г., 1800 чел., 8 регионов страны) почти 50% указали, что их образование не соответствует выполняемой работе или затруднились ответить на этот вопрос [Жизненный мир ..., 2016, с. 351].

В-четвертых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в том, что возникли посреднические фирмы, которые нанимают работников и передают их другим фирмам, предприятиям, организациям для выполнения необходимых им видов работ или оказание услуг другим заказчикам. Это принципиально новая форма занятости, которая использует рабочую силу через посредника. В этом случае работник уподобляется товару, где участвующие в этой своеобразной логистике имеют свою выгоду, за исключением самого работника. Причем это уже касается многих видов труда, в том числе высококвалифицированного. В отличие от рекрутинговых агентств, которые только предлагают те или иные вакансии, эти фирмы и набирают, и расплачиваются с работником, а не там, где он трудится согласно тем или иным договоренностям между работодателем и посредником [Козина, 2013].

В-пятых, рядом исследователей в состав прекариата включаются безработные, численность которых весьма значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Так, после кризиса 2008 г. безработица населения выросла почти на 50% и в 2009 г. составила 6373 тыс. человек. Такая же ситуация характерна и для 2014-2015 гг. в условиях кризисных явлений в экономике, а также после введения санкций против России и падения цен на нефть. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах 3,5 до 7 раз. Так, С. Глазьев считает, что в России «скрытая безработица составляет до 20%» [Цит. по: Истомин, 2015, с.17]. Особо следует отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве.

И наконец, в прекариат, на наш взгляд, необходимо включать часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие из них ущемлены в правах, они ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [Козин, 2021, с. 115].

В этой структуре следует, на наш взгляд, выделить кандидатов в состав прекариата, тех, которые находятся в пограничном состоянии, занимая промежуточное состояние, подвергаясь размыванию своей общности. К ним, на наш взгляд, относятся фрилансеры и вступающая в трудовую жизнь молодежь (в основном студенческая), которая в ситуации ожидания занимает или готовится занять желаемое ею социальное положение.

Что касается фрилансеров, то они представляют собой трудно поддающуюся учету социальную группу так называемых креативных профессий – специалистов по информационным технологиям, программистов и др. Их нередко пытаются представить приверженцами свободоловливости духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [Харченко, 2014, с. 57]). Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачивается тем, что эта показная и хотя иногда в чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и названные ранее группы – беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем. То есть и для этой категории значимо весьма проблемное положение многих из них с точки зрения устойчивой постоянной занятости [Стребков, Шевчук, 2017].

К кандидатам в прекариат следует отнести такую проблемную группу, как молодежь и особенно студенчество, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и в профессии устойчивое положение. Именно эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий [Креховец, Шпилев, 2020].

Именно все эти социальные группы, образующие прекариат во всех его проявлениях, и есть ответ на вопрос вице-премьера правительства России О. Голодец, заявившей в апреле 2013 г. на XIV Международной конференции «Модернизация экономики и общества», что 38 млн людей трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что «наш рынок труда практически нелегитимен, и лишь небольшая часть функционирует по нормальным правилам» [Голодец, 2013]. По ее мнению, из свыше 76 млн трудоспособного населения такое количество россиян непонятно где заняты, чем заняты, как заняты, в результате чего условия жизни, их доходы не отражаются в официальных статистических данных.

В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая от 30 до 50% численности трудоспособного населения.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX – начале XXI в. появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется неформальной, временной, сезонной или частичной занятостью, носящей негарантированный, нестабильный, неустойчивый, преходящий характер. Его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

Обобщая высказанные идеи и опираясь на анализ реальной социально-экономической практики, можно дать следующее определение критериев, по которым определяется принадлежность к прекариату: а) отсутствие трудового договора или его оформление не более чем на один год; б) несоответствие образования и квалификации выполняемой работе; в) деформация условий трудового процесса (неопределенная длительность рабочего дня (недели, месяца, года) с преобладанием неполной или временной занятости; г) нестабильны и скрытые

формы оплаты труда (зарплата «в конверте» – систематическая или часто практикующаяся); д) полное или частичное отсутствие социальных гарантий; е) невозможность влиять на решения в своей производственной организации. К этому можно добавить и такое социально-психологическое чувство, как неясность перспектив жизни, неопределенность будущего [Прекариат: становление ..., 2020, с. 82-83].

Такой подход позволяет говорить как об общих показателях прекарной занятости, так и о ее интенсивности (на основе коэффициента). В то же время эти показатели могут варьироваться в зависимости от наличия у работника тех или иных из черт прекарного положения, что позволяет представить более гибкую картину – от легкой до глубокой степени выраженности занятости такого типа, выделяя выделять «ядро» и «периферию» прекариата (в исследовании это осуществила И.О. Шевченко, см.: [Прекариат: становление ..., 2020, с. 83-92]). Набор признаков может корректироваться в соответствии с теоретическими предпосылками и возможностями используемой базы данных. При включении не только характеристик условий занятости работника, но и субъективного восприятия им этих условий как добровольных или вынужденных, целесообразным представляется построение классификации работников на основании сочетания значений двух признаков: уровня неустойчивости занятости и субъективной оценки своего положения (удовлетворенность условиями труда, (не)желание сменить место работы и др.) [Попов, Соловьева, 2020, с. 103-113].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что общество столкнулось с новым видом отчуждения, которое в таком обличье и в таком масштабе в истории ранее не встречалось.

Прекариат воспроизводит многие черты мануфактурного рабочего XVIII столетия. Став массовыми социальными слоями внутри класса наемных, эксплуатируемых работников физического и умственного труда, эти слои демонстрируют противоречивую тенденцию в развитии социально-экономических отношений современного общества. Прекарии представляют собой огромную массу людей, которые, с одной стороны, сохраняют сущностные признаки эксплуатируемого класса, с другой – занимают в общественном производстве неустойчивое, нестабильное социальное положение, которое носит не временное, а длительное состояние. У этих людей нет уверенности в своей необходимости обществу, в своем праве претендовать на занятость по своей или смежной профессии, на социальную защищенность, на гарантированное будущее для своей семьи и своих близких. Этих людей капитал и политическая власть поставили в такое положение, когда неизвестно кому предъявлять претензии, кроме безымянных организационных институтов современного общества.

Следовательно, мы имеем дело с принципиально новым социально-экономическим образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные слои и группы не выработали еще чувство самоидентификации, солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс-в-себе», который стоит на пороге превращения в «класс-для-себя». Но он уже постепенно образует устойчивые социально-классовые образования, которые объединяют огромные массы людей и закрепляют их в статусе постоянной

временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей.

Как и другие слои работников на рынке труда, подвергающиеся все более жестокой эксплуатации, прекариат начал использовать проверенные в прошлом такие инструменты классовой борьбы, как забастовки, митинги, демонстрации и т.п., искать новые, непривычные и мало апробированные ее формы. Набирают вес и влияние такие формы протеста, как участие в природоохранных, экологических, инфраструктурных, историко-культурно-защитных мероприятиях. Несомненно одно: уровень недовольства в обществе питается и из этих рядов. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию для превращения из потенции в грозное образование – будущий класс, названный Г. Стэндингом опасным.

Сегодня перед политической властью с особой остротой встает вопрос – что делать в сложившейся ситуации. И хотя в анализируемом тексте основное внимание уделяется такой острой проблеме, как занятость, считая ее основополагающей для решения существующих социально-экономических проблем, нельзя не согласиться с технократическими утверждениями, которые основываются и базируются на том, что происходящая модернизация с ее гибкими технологиями вытесняет живую рабочую силу, заменяя ее роботами и различными автоматизированными системами. Более того, этими утверждениями они совместно с (нео)либералами прикрывают узость мышления, пугая окружающих (в том числе и политическую власть) неизбежностью существования такого социального слоя, как прекариат. Между тем, если окинуть взглядом историю развития капиталистического общества с XVIII в., то мы не увидим устойчивого снижения уровня занятости. Конечно, были кризисы, были спады производства, кардинально менялись техника и технологии, но в целом объемы вовлеченных в общественное производство не только не уменьшались, а, наоборот, росли. Технологические революции в прошлом, как и кардинальные информационные и цифровые преобразования в настоящем, меняют не столько количество, сколько качество рабочей силы, порождая новые профессии взамен устаревших и не соответствующих требованиям времени. Поэтому нужны не оправдания существующей ситуации с проблемами занятости, не ссылки на непреодолимый объективный характер научно-технического прогресса, а приведение в соответствие проводимой экономической политики потребностям и интересам населения и главным образом рабочей силы. Для этого нужны не ухищрения и манипуляции с занятостью, а политическая воля, которая бы избавила множество людей от унижительной роли просителей и приспособленцев.

На наш взгляд, государство и общество имеют все возможности и способны обеспечить работой всех стремящихся трудиться, что устранил нынешние проблемы неопределенности занятости и в той же мере обеспечит высокое качество жизни и реализацию духовных устремлений, возвышающих человека, в том числе посредством введения базового материального дохода. Над всеми этими социально-экономическими проблемами, на наш взгляд, довлеет более значимый, стратегический и судьбоносный выбор, который следует осуществить российской власти: кому отдать приоритет в определении будущего страны – программе социально ориентированного государства, или рыночным разработкам (нео)либералов или претендующим на надпартийность технократическим проектам.

Очевидно, что решение противоречий обусловлено не только появлением прекариата, но и другими противоречиями, возникшими в процессе либеральных реформ, и связано

оно с необходимостью принципиальной коренной перестройки существующих общественных отношений, с созданием новой модели социально-экономического, социально-политического и социально-культурного устройства современного российского общества. Иначе, при существующей модели, по прогнозу Лондонского Центра исследований экономики и бизнеса, к 2032 г., среди первых десяти стран по объему ВВП России не окажется (цепочка будет такая – Китай, США, Индия, Япония, Германия, Бразилия, Великобритания, Южная Корея, Франция, Индонезия), поскольку экономика России при нынешнем ее курсе будет расти на 1,5-2%, в то время как мировая экономика в среднем – на 3,7%. И это при том, что в Китае этот рост будет измеряться 6,6% и 2,5% в США. Все это остро ставит вопрос о многих параметрах развития, среди которых рациональное решение проблем трудовых отношений, занятости трудоспособного населения, роста производительности труда занимают ключевую роль.

Список источников

- Анисимов Р.И. (2021). Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. Т. 27. № 1. С. 10–27.
- Бауман З. (2005). Индивидуализированное общество. М.: Логос. 390 с.
- Бауман З. (2008). Текучая современность. СПб., Питер, 240 с.
- Бирюков А.А. (2015). Появление прекариата или возвращение пролетариата? (О книге Гая Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс») // Социологические исследования. № 10. С. 158–162.
- Бобков В.Н. (2019). Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // Народонаселение. Т. 22. № 2. С. 91–104.
- Буланова М.Б., Артамонова Е.А. (2020). НЕЕТ-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник РУДН. Сер. Социология. Т. 20. № 1. С. 64–73.
- Бусыгина И.М. (2016). Прекариат: новый вызов для современных обществ и его концептуализация (Размышления над книгой Г. Стэндинга) // Общественные науки и современность. № 3. С. 34–45.
- Вебер М. (1994). Избранное. Образ общества. М.: Юрист. 704 с.
- Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В., Иноземцева А.В. (2015). Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования. № 5.
- Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. (2015). Прекариат как новое явление в современной социальной структуре / Наемный работник в современной России. М.: Новый Хронограф. С. 121–138.
- Голодец О. (2013). 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/04/03/sector-anons.html>
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х-середина 2010-х гг.) (2016). / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М. 367 с
- Истомин В. (2015). Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия. №3. URL: <https://versia.ru/krizis-i-bezrabotica-ugrozhayut-strane-socialnym-vzryvom>
- Кастель Р. (2009). Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. СПб: Алетейя. 574 с.
- Клеман К. (2007). “Флексибельность по-русски”: очерк о новых формах труда и подчинения в сфере услуг // Социологический журнал. № 4. С. 75–96.

- Козин С.В. (2021). Прекариат: от протокласса к новому классу. // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 27 (2). С. 202–208.
- Козина И.М. (2008). Заемный труд: социальные аспекты // Социологические исследования. №11. С. 3–13.
- Креховец Е.В. Шпилев Д.А. (2020). Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников школ // Социологические исследования. № 4. С. 78–89.
- Ленин В.И. (1980). Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников) // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 1–29.
- Малинкин А.Н. (1997). Учение Макса Шелера о ресентименте и его значение для социологии // Социологический журнал. № 4. С. 116–150.
- Неустойчивость занятости: международный и российский контексты (2017). / Гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: Изд-во РеалПринт.
- Попов А.В., Соловьева Т.С. (2020). Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. № 9. С. 103–113.
- Прекариат: становление нового класса (2020). / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСПиМ. 400 с.
- Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности (2021). М.: Весь Мир. 400 с.
- Романовский Н.В. (2019). Опасный класс? Тема не закрыта (мысли о проблеме) // Социологические исследования. № 9. С. 96–105.
- Синявская О.В. (2005). Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. Т. 6. № 2.
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2017). Трудовые ценности самостоятельной и организованной занятости // Социологические исследования. № 1. С. 81–93.
- Стэндинг Г. (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.
- Тартаковская И.Н., Ваньке А.В. (2019). Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса // Социологический журнал. Т. 25. № 2. С. 99–115.
- Тихонова Н.Е. (2019). Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. № 2. С. 167–173.
- Тощенко Ж.Т. (2018). Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука. 350 с.
- Харченко В.С. (2014). Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. № 4. С. 54–63.
- Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. (2015). Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. № 12. С. 99–110.
- Betola G., Rogerson R. (1997). Institutions and Labour Reallocation // European Economic Review. Vol. 41. pp. 1147–1171.
- Bauman Z. (1998). Work, consumerism and the new poor. Philadelphia: Open University Press.
- Bourdieu P. (2003). Counterfire: Against the Tyranny of the Market. London: VersoBooks.
- Bourdieu P. (1998). Le precariat est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays) // Contre Feux. pp. 96–102.
- Davis S.J., Faberman J., Haltiwanger J. (2006). The Flow Approach to labor Markets: New Data Sources and Micro-Macro Links // Journal of Economic Perspectives. Vol. 20. No 3. P. 3–26.
- Garibaldi P. (1998). Job Flow Dynamics and Firing Restrictions // European Economic Review. Vol. 42. No. 2. pp. 245–275.

- Hochschild A. (2003). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkley: Univ. of California Press.
- Pissarides C. (2000). *Equilibrium Unemployment Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Vosko Leah F. (2010). *Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment*. New York.
- Wright E.O. (2005). *Approaches to class analysis*. UK: Cambridge University Press.

References

- Anisimov R.I. (2021). Precariat as a new social class in the context of Marxist theory. *Sociological journal*. Vol. 27. No. 1, pp. 10–27.
- Bauman Z. (2005). *Individualized society*. M.: Logos. 390 p.
- Bauman Z. (2008). *Fluid modernity*. SPb., Peter, 240 p.
- Biryukov A. A. (2015). The emergence of the precariat or the return of the proletariat? (About the book by Guy Standing “Precariat – a new dangerous class”). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 10, pp. 158–162.
- Bobkov V.N. (2019). Unstable employment in the Russian Federation: the state and directions of decline. *Narodonaselenie* [Population]. T. 22. No. 2, pp. 91–104.
- Bulanova M.B., Artamonova E.A. (2020). NEET youth: European context and Russian realities. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya*. [Bulletin of RUDN University. Ser. Sociology.] Vol. 20. No. 1, pp. 64–73.
- Busygina I.M. (2016). Precariat: a new challenge for modern societies and its conceptualization (Reflections on G. Standing’s book). *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social sciences and modernity]. No. 3, pp. 34–45.
- Weber M. (1994). *Favorites. Society image*. M.: Lawyer. 704 p.
- Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.V., Inozemtseva A.V. (2015). Unemployed population and self-employment in the Siberian region. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 5.
- Golenkova Z.T., Goliusova Yu.V. (2015). *Precariat as a new phenomenon in the modern social structure / Hired worker in modern Russia*. Moscow: New Chronograph. pp. 121–138.
- Golodets O. (2013). 38 million able-bodied Russians are busy with unknown things. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. April 3rd.
- Life world of Russians: 25 years later (late 1980s-mid 2010s)* (2016). / Ed. J.T. Toshchenko. M. 367 p.
- Istomin V. (2015). Crisis and unemployment threaten the country with a social explosion. *Versiya* [Version]. No. 3:17.
- Castel R. (2009). *Metamorphoses of the social question. Chronicle of hired labor / Per. from fr., total. ed. ON THE. Shmatko*. St. Petersburg: Aleteyya, 574 p.
- Clement K. (2007). “Flexibility in Russian”: an essay on new forms of labor and subordination in the service sector. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 4, pp. 75–96.
- Kozin S.V. (2021). Precariat: from protoclass to new class. *Bulleten’ Moskovskogo Universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 18. Sociology and political science. No. 27(2), p. 202–208.
- Kozina I.M. (2008). Terrestrial labor: social aspects // *Sociological research*. No. 8, pp. 3–13.
- Krekhovets E.V. Shpilev D.A. (2020). The role of informal social connections in the employment of students and school graduates. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 4, pp. 78–89.

- Lenin V.I. (1980). *The Great Initiative (On the Heroism of the Workers in the Home Front. Concerning the Communist Subbotniks)*. Poln. coll. op. Vol. 39, pp. 1–29.
- Malinkin A. N. (1997). Max Scheler's Doctrine of Resentment and Its Significance for Sociology. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4, pp. 116–150.
- Employment instability: international and Russian contexts* / Ch. scientific ed. V.N. Bobkov (2017). Moscow: RealPrint Publishing House.
- Popov A.V., Solovieva T.S. (2020). Precarization of employment: analysis of scientific discourse on the essence and vectors of measurement. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 9, pp. 103–113.
- Precariat: the formation of a new class* / ed. Zh.T. Toshchenko (2020). M.: TsSPiM. 400 p.
- Precarious Employment: Origins, Criteria, Features* (2021). M. 400 p.
- Romanovsky N.V. (2019). Dangerous class? The topic is not closed (thoughts about the problem). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 9, pp. 96–105.
- Sinyavskaya O.V. (2005). Informal employment in Russia: measurement, scale, dynamics. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya* [Economic sociology]. Vol. 6. No. 2.
- Strebkov D.O., Shevchuk A.V. (2017). Labor values of independent and organized employment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 1, pp. 81–93.
- Standing G. (2014). *Precariat: a new dangerous class*. M., Ad Marginem Press. 328 p.
- Tartakovskaya I.N., Vanke A.V. (2019). Labor trajectories of precarious workers and the formation of precarious habitus. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. Vol. 25. No. 2, pp. 99–115.
- Tikhonova N.E. (2019). Precariat and prospects for changing the social structure of Russian society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 2, pp. 167–173.
- Toshchenko Zh.T. (2018). *Precariat: from protoclass to new class*. M.: Science. 350 p.
- Kharchenko V.S. (2014). Lifestyle of Russian freelancers: a sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 4, pp. 54–63.
- Shkaratan O.I., Karacharovskiy V.V., Gasyukova E.N. (2015). Precariat: Theory and Empirical Analysis (Based on Polls in Russia, 1994–2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 12, pp. 99–110.
- Betola G., Rogerson R. (1997). Institutions and Labour Reallocation. *European Economic Review*. Vol. 41, pp. 1147–1171.
- Bauman Z. (1998). *Work, consumerism and the new poor*. Philadelphia: Open University Press.
- Bourdieu P. (2003). *Counterfire: Against the Tyranny of the Market*. London: VersoBooks.
- Bourdieu P. (1998). Le precariat est aujourd'hui partout (Precariousness is Everywhere Nowadays). *Contre Feux*. pp. 96–102.
- Davis S.J., Faberman J., Haltiwanger J. (2006). The Flow Approach to labor Markets: New Data Sources and Micro-Macro Links. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 20. No. 3, pp. 3–26.
- Garibaldi P. (1998). Job Flow Dynamics and Firing Restrictions. *European Economic Review*. Vol. 42. No 2, pp. 245–275.
- Hochschild A. (2003). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkley: Univ. of California Press.
- Pissarides C. (2000). *Equilibrium Unemployment Theory*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Vosko Leah F. (2010). *Managing the Margins. Gender, Citizenship and the International Regulation of Precarious Employment*. New York.
- Wright E.O. (2005). *Approaches to class analysis*. UK: Cambridge University Press.

Информация об авторе**Жан Терентьевич Тощенко**

Научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (125047, Москва, Миусская площадь, д. 6)

E-mail: zhantosch@mail.ru

Information about the author**Zhan T. Toshchenko**

Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities; Principal Research Fellow, Institute of Sociology (branch) FCTAS RAS, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Econ.), Professor (Miuskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, 125993, Russia)

E-mail: zhantosch@mail.ru

DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-1-162-163

В. Л. Макаров

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, РФ)

А. Р. Бахтизин

Центральный экономико-математический институт РАН (Москва, РФ)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В.Л. КВИНТА
«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО АМИРА ТИМУРА:
КОММЕНТАРИИ К УЛОЖЕНИЮ»**

В.Л. Квинт (предисл., коммент.). СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 204 с.
(Серия «Библиотека стратега»)

Книга иностранного члена РАН Владимира Львовича Квинта «Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению» [Квинт, 2021] является по-настоящему уникальной. На сегодняшний день написано множество исторических работ, в которых уделяется внимание в первую очередь военным походам Тимура, однако обладая стратегическим мышлением, он также уделял внимание развитию своей империи, превратившейся в Империю Тимуридов. Амир Тимур обогащал свое государство не только материальными ценностями, но и за счет того, что привозил из походов архитекторов, врачей, художников и представителей других ремесел. По его мнению, успешное и быстрое развитие государства напрямую зависит от количества людей, обладающих определенными полезными навыками. Как он писал в Уложении: «Я на опыте познал, что один предприимчивый, мужественный, доблестный, решительный и благоразумный человек лучше тысячи нерадивых и безвольных. Ибо один опытный повелевает тысячами людей».

Следует отметить, что редко встречаются исследования, в которых описывается стратегический талант Амира Тимура в сфере экономики. В работе «Клады медных монет Тимуридов и Шейбанидов» отмечается, что на многочисленных монетных дворах обширных владений Тимура выпускались серебряные монеты различных достоинств (танга, ним танга и мири), а также медные монеты – фулусы [Камышев, 2013]. Деньги Амир Тимур рассматривал как средство сохранения целостности империи, а также в качестве одного из важнейших факторов внешней экспансии.

Таким образом, помимо военных походов, большое внимание этим великим лидером уделялось, по сути, стратегии развития территорий за счет социальной и экономической составляющих, пусть и относительно простых с позиции новейшей истории.

Спустя много веков человечеством был накоплен большой опыт в сфере разработки стратегий как для стран и регионов, так и для отраслей и отдельных организаций. Владимир Львович является в этой области общепризнанным лидером; под его руководством были, в частности, разработаны Стратегия развития Санкт-Петербурга до 2030 г., Стратегия развития водоснабжения и водоотведения Санкт-Петербурга до 2035 г., Стратегия социально-экономического развития Кузбасса до 2035 г., Стратегия водоснабжения, водоотведения и водного баланса Республики Узбекистан на период до 2035 г., методология стратегирования ГУП «Петербургский метрополитен» и др.

В этой связи его взгляд на Уложение является взглядом профессионала в сфере экономического стратегирования на редко рассматриваемые в литературе составляющие таланта гениального Тимура.

Сама книга построена интересным и необычным образом. Параллельно с подачей текста Уложения Тимура, являющегося факсимильной копией издания XIX века, идут комментарии В.Л. Квинта, подчеркивающие наиболее важные, с точки зрения современной теории стратегирования, моменты, которые раскрываются по мере изложения оригинального материала. Вместе оба текста подводят читателя к более глубокому пониманию сложнейших общественных процессов современности, уходящих корнями в красивую историю человечества.

Список источников

- Камышев А.М. (2013). Клады медных монет Тимуридов и Шейбанидов. Самарканд: МИЦАИ. 176 с.
- Квинт В. Л. (2021). Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению. Санкт-Петербург : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 204 с. (Библиотека стратега). DOI: 10.22394/978-5-89781-696-5-1-204.

Информация об авторах

Макаров Валерий Леонидович

Научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор (117418, Москва, Нахимовский пр., 47)

E-mail: makarov@cemi.rssi.ru

Бахтизин Альберт Рауфович

Директор Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (117418, Москва, Нахимовский пр., 47)

E-mail: director@cemi.rssi.ru

29 октября 2021 г. состоялся очередной международный научный семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте. Тема семинара: «От «хомо экономикс» к «хомо креатор»: теория и практики XXI века»

Основными вопросами семинара, поставленными на обсуждение, стали трансформация роли человеческого потенциала в современной экономике, социально-экономические предпосылки и результаты развития творческого труда, личность человека как субъекта и продукта трансформаций технологий, экономики и общества, эволюция общественных институтов в условиях развития знаниеемкого производства и др.

С пленарным докладом «Человеческое измерение технологических и социальных трансформаций: от человека экономического к человеку культурному» выступил доктор экономических наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов **Бодрунов Сергей Дмитриевич**. В докладе было отмечено, что в наше время наблюдается высокий уровень потребления симулятивных благ, требующих при этом больших объемов реальных ресурсов. Это яркое проявление поведения «экономического человека», чья максимизация полезности связана главным образом с максимизацией материального потребления. Современная система производства при таком подходе наносит большой урон природе, препятствует развитию подлинной культуры и человеческих качеств. В то же время объективным образом рождаются технологические основы перехода на новую модель: нового индустриального общества второго поколения, а затем – ноономику. В новых реалиях рождаются новые императивы человеческого поведения, формирование «человека творческого».

Спикерами семинара стали ученые из ведущих академических учреждений России, Греции, Китая, США, Германии, Франции, Италии:

Брангш Лутц, научный сотрудник Института общественного анализа (Германия)

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)

Веркюль Жюльен, вице-президент, профессор Национального Института восточных языков и цивилизаций (Франция)

Киоди Гульельмо, профессор Римского университета Ла Сапиенца (Италия)

Колганов Андрей Иванович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия)

Лобастов Геннадий Васильевич, доктор философских наук, профессор, профессор Московского авиационного института (Россия)

Матсас Саввас Михаил, профессор Университета Аристотеля в Салониках (Греция)

Музычук Валентина Юрьевна, доктор экономических наук, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству (Россия)

Соболева Ирина Викторовна, доктор экономических наук, заведующая Центром политики занятости и социально-трудовых отношений Института экономики РАН (Россия)

Фазенфест Дэвид, профессор Университета Уэйна, главный редактор журнала «Critical Sociology» (США)

Хубиев Кайсын Азретович, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)

Чэнь Хун, заместитель директора, научный руководитель, профессор Института марксизма Хайнаньского педагогического университета (Китай)

Докладчики отметили стремительность технико-экономических изменений, существенно меняющих роль человека в процессе производстве. Растет творческая составляющая труда, повышаются требования к подготовке кадров. Данные процессы трансформируют множество общественных институтов, меняют качество экономической системы в целом. Модель поведения «хомо экономикс» все меньше соответствует вызовам времени. В условиях приоритетного развития человеческих качеств, а не максимизации материального потребления, все больше будут нарастать предпосылки продвижения к модели «хомо креатор».

Стенограмма семинара опубликована в сборнике «Новое индустриальное общество: истоки, реальность, будущее. Ноономика. VI-й том (Избранные материалы семинаров, публикаций и мероприятий Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте по тематике концепции нового индустриального общества второго поколения и нооиндустриального развития общества» / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. – СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2022. – 347 с.

Видео семинара представлено на сайте Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте <https://inir.ru/sankt-peterburgskij-mezhdunarodnyj-seminar/>

*Исполнительный директор
Института нового индустриального
развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте*

А.А. Золотарев

Учебный курс
«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ НООНОМИКИ»
в Уральском государственном экономическом университете

Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ) стал одной из пилотных площадок, в стенах которого в 2020-2021 учебном году стали изучать дисциплину «Общая теория ноономики».

Курс «Общая теория ноономики» нацелен на выявление перспектив социально-экономического развития на основе анализа тенденций технологических и экономических процессов, развивающихся в современном обществе. В нем раскрывается формирование нового индустриального общества и предпосылок его возникновения; описаны причины и формы проявления кризиса нового индустриального общества, проявившегося в деиндустриализации и финансиализации экономики, появлении т.н. «новой нормальности» и т.д.; дан развернутый экономический анализ новой технологической революции, называемой также промышленной революцией; системно изложена концепция нового индустриального общества второго поколения (НИО.2). На этой основе раскрываются возможности, которые несет с собой ускорение технологического развития, а также связанные с этим риски; раскрыты механизмы трансформации человеческих потребностей в новых условиях и способов их удовлетворения; доказан тезис о необходимости усиления гуманитарной составляющей социально-экономического развития через поддержку и развитие культуры; наконец – описаны основные концептуальные положения ноономики, базирующейся на новом способе взаимодействия общества и производственной (хозяйственной) системы.

Основу курса составили учебник «Общая теория ноономики», монографии «Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка», «Ноономика», «Ноономика: траектория глобальной трансформации». Автор изданий – С.Д. Бодрунов.

Разработана Программа учебной дисциплины.

Слушателями новой учебной программы стали магистранты УрГЭУ, а также государственные гражданские служащие Свердловской области (Аппарат Губернатора и Прави-

тельства Свердловской области, Законодательное Собрание Свердловской области, Министерство цифрового развития и связи Свердловской области, Министерство по управлению государственным имуществом Свердловской области, Счетная палата Свердловской области, Департамент по труду и занятости населения Свердловской области и др.), проходящие стажировку в рамках дополнительных профессиональных программ переподготовки и повышения квалификации.

Курс читает С.Г. Пьянкова – д.э.н., профессор кафедры Региональной, муниципальной экономики и управления УрГЭУ.

Содержание дисциплины:

Тема 1. Предмет и метод общей теории ноономики.

Тема 2. Эволюция индустриального производства.

Тема 3. На пороге новой технологической революции.

Тема 4. Новое индустриальное общество второго поколения (НИО.2).

Тема 5. Потенциал новых технологий и угроза цивилизационной развилки.

Тема 6. Взаимодействие симулятивных и несимулятивных потребностей.

Тема 7. Отмирание экономической рациональности и культура как внутренний критерий новой рациональности.

Тема 8. Ноономика как неэкономический способ организации общественного производства.

Тема 9. Необходимость реиндустриализации России как предпосылка движения к НИО.2 и ноономике.

Программа предназначена для обучающихся по направлению подготовки 38.04.01 «Экономика» уровня подготовки высшего профессионального образования магистратуры с присвоением квалификации (степени) «магистр».

*Профессор кафедры Региональной,
муниципальной экономики и управления
Уральского государственного
экономического университета*

С.Г. Пьянкова

Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи

Радика Десаи, профессор, директор Исследовательской группы проблем геополитэкономии Университета Манитобы (Канада)
М.: ИНИР им. С.Ю. Витте : Центркаталог, 2020

Книга представляет оригинальный взгляд на современную мировую экономику с точки зрения метода политической экономии, дополненного анализом географической составляющей мирохозяйственных отношений.

Автор подвергает серьезной критике широко распространенные представления, согласно которым роль национальных государств ослабевает по мере развития глобализации. Она отвергает также тезис о глобальном доминировании экономики США – не только сейчас, но и когда-либо в прошлом. В книге развивается концепция «смешанного неравномерного развития», демонстрирующая, как противоречия капиталистического мирового хозяйства приводят к недостижимости мировой гегемонии даже крупнейших держав, и одновременно вызывают ускоренное развитие тех или иных стран. Особое внимание в книге уделено проблемам доллара, как мировой валюты, и попыткам США ориентировать мировые потоки капитала таким образом, чтобы поддержать эту роль доллара. Автор приходит к выводу, что его дальнейшая судьба теперь зависит от обстоятельств, которые США уже не могут контролировать.

Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика

В.Л. Квинт, С.Д. Бодрунов
СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021

В издании отражены оценки и взгляды соавторов на глобальные тренды трансформации общества в современную эпоху, на предопределяемые этими трендами стратегические приоритеты и цели общественного развития и стратегические пути их достижения для реализации национальных интересов

А(О)нтология ноономики: четвертая технологическая революция и ее экономические, социальные и гуманитарные последствия

СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2021

В книге, подготовленной международным коллективом авторов, представляющих ведущие университеты России, США, Канады, Китая, Европы и Латинской Америки, раскрываются различные аспекты теории ноономики, разрабатываемой профессором С.Д. Бодрунов и возглавляемым им Институтом нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю.Витте. Дается позитивная оценка ключевым положениям этой теории (переход к знаниеемкому производству, постепенная социализация общества, диффузия собственности, прогресс отношений солидарности, снятие симулятивных потребностей и прогресс человека культурного), обсуждается тезис о ноономике как постэкономическом будущем общества. Широкое внимание уделяется глобальному контексту переживаемых в настоящее время технологических и социально-экономических трансформаций, вопросам политико-экономического и социофилософского осмысления положений теории ноономики. Показывается, что разработка стратегий технологического и социально-экономического развития должна соотносываться с теми историческими вызовами, перед которыми стоит человечество, и что возможность избежать планетарных глобальных катастроф, на рубеже которых стоит человечество, предполагает продвижение в направлении, основные реперные точки которого задает теория ноономики.

Научное издание

НООНОМИКА И НОООБЩЕСТВО

АЛЬМАНАХ ТРУДОВ ИНИР им. С.Ю. ВИТТЕ

Том 1, № 1 2022 Vol 1, No.1

Noonomy and Noosociety.

Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID

Выпускающий редактор

Д. А. Владимирская

В журнале используются материалы Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, которые докладывались на научных семинарах и конференциях ИНИР им. С.Ю. Витте, и представляют собой концентрированную подборку публикаций по концепции нового индустриального общества второй генерации и теории ноономики, развиваемых ИНИР им. С.Ю. Витте совместно с российским и международным научным сообществом

Адрес редакции и издателя:

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д.16
Тел.: +7 (812) 313-82-68, e-mail: noonomy@inir.ru

Подписано к печати 15.03.2022 г.

Формат 60×84/8. Бумага офсетная.

Печ. л. 21,8. Усл. печ. л. 20,2.

Тираж 1000 экз. Заказ 10502/2

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью
«Кси-Принт», 192029, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, 36

ИНСТИТУТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИНИР) ИМ. С.Ю. ВИТТЕ
S.Y. WITTE INSTITUTE FOR NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT (INID)